СЕРИЯ «ШОРТ-ЛИСТ»

Хан Ган

Вегетарианка

Вегетарианка
Ган Хан

Аннотация
Ган Хан. Вегетарианка
Вегетарианка
Монгольское пятно
Пламя деревьев

Аннотация

Прекрасная и тревожная книга о бунте и табу, насилии и чувственности, а главное – о болезненных метаморфозах души.

Ёнхе и ее муж вели самую обычную, размеренную жизнь, пока она не начала видеть кошмары. Сновидения – навязчивые образы крови и жестокости – мучают Ёнхе. Чтобы очистить сознание, она полностью отказывается от мяса. Это лишь маленький акт неповиновения, но он вскрывает непрочность ее брака и запускает цепочку все более странных событий.

Отмеченный критиками всего мира роман «Вегетарианка» – это мрачная, кафкианская аллегория о власти, наваждении и борьбе, которую ведет женщина, желающая освободиться от насилия снаружи и внутри себя.

Ган Хан
Вегетарианка

© Ли Сан Юн, перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Вегетарианка

* * *

Пока жена не стала вегетарианкой, мне и в голову не приходило, что она какая-то особенная. Если говорить начистоту, при первой встрече я не нашел в ней ничего привлекательного. Не высокого и не маленького роста, не длинная и не короткая стрижка, желтоватого оттенка сухая кожа, обычные глаза, немного выступающие скулы, одежда блеклых тонов — словно страх выразить свою индивидуальность мешал ей выбрать яркие цвета. Она подошла ко мне, ожидавшему ее за столиком в кафе, в черных туфлях самой простой модели. Подошла не быстрой и не медленной, не смелой и не тихой походкой.

В ней не было изюминки, однако и особые недостатки не бросались в глаза, и поэтому она стала моей женой. Мне не приходило в голову искать хоть какой-то намек на изящество, или изобретательность, или оригинальность, но меня вполне устраивал ее скромный характер. Для того чтобы понравиться ей, я не притворялся умным и образованным, не дергался, опаздывая

на встречу с ней, не маялся, невольно сравнивая себя с мужчинами из модных журналов: причин для этого не было. Мне не пришлось особо нервничать ни по поводу живота, начавшего выпирать еще до тридцати, ни по поводу тонких ног и предплечий, при всем моем старании не желавших обрастать мускулами, ни по поводу маленького члена — источника моего тайного комплекса неполноценности.

Так уж я устроен, что мне никогда не нравилась чрезмерность, в чем бы она ни проявлялась. В детстве я ходил петухом, играя роль предводителя дворовой шпаны младше меня на два-три года; когда вырос, поступил в тот университет, где мог без усилий получать стипендию, а затем вполне довольствовался пусть небольшим, но стабильным жалованьем в маленькой фирме, где высоко ценили мои отнюдь не выдающиеся способности. Поэтому и женитьба на самой что ни на есть непримечательной с виду женщине стала для меня естественным выбором. Те, кого называли красивыми, или умными, или вызывающе сексапильными, или дочери богатого папеньки, изначально представлялись мне существами, с кем не оберешься хлопот, не более того.

Оправдав мои ожидания, она без всякой суеты

выполняла обязанности заурядной жены. Каждое утро просыпалась ровно в шесть, варила рис, суп, поджаривала кусок свежей рыбы и подавала на стол; кроме того, имея опыт подработки еще со студенческих лет, вносила свою лепту в наш семейный бюджет. Уже год она, устроившись почасовиком, преподавала в каком-то институте, где обучают компьютерной графике, а еще подвизалась на ниве комиксов, выполняя дома работу для издательства: вставляла в «словесные пузыри» речь персонажей рисованных историй.

Жена была молчаливым человеком. С просьбами обращалась ко мне редко и, как бы поздно я ни возвращался с работы, не интересовалась почему. Иногда у нас совпадал выходной, но даже в такие дни она не просила меня куда-нибудь ее сводить. Каждый вечер, пока я с пультом в руке валялся у телевизора, жена торчала в своей комнате. Должно быть, занималась там своими комиксами или читала — если и было у нее какое-то увлечение, так всего лишь чтение, да и то почти все ее книги выглядели настолько скучными, что не вызывали никакого желания открыть и полистать, — и выходила только ко времени обеда или ужина, чтобы молча приготовить еду. В самом деле, жизнь с такой женой

точно не назовешь интересной. Но я благодарил небо за то, что мне досталась не такая, что с утра до ночи сидит на телефоне, то и дело отвечая на звонки коллег и подруг, и не такая, что время от времени пилит мужа и устраивает крикливые семейные разборки: очень уж меня утомляют такие женщины.

Если и была какая-то особенность у жены, так это ее нелюбовь к бюстгальтерам. В наш короткий и пресный период ухаживания однажды я случайно положил руку ей на спину и, не ощутив под свитером бретелек, пришел в возбуждение. Может, она подает мне некий молчаливый знак, подумал я, и, чтобы понять, какой именно, стал наблюдать за ее поведением другими глазами. И выяснил: ничего она мне не подает, у нее и в мыслях нет никаких знаков. Но если это не знак, то что: лень или безразличие? Я не мог понять. Пышной грудью она похвастаться не могла, и, по правде, стиль «no bra» совсем ей не шел. Уж лучше бы она носила бюстгальтеры, заполненные поролоном, и я мог бы возвыситься в глазах друзей, показывая им будущую жену.

С первых же дней после свадьбы она ходила по дому без лифчика. Только летом, отправляясь куда-нибудь по делам, заставляла себя надевать

его, да и то чтобы под одеждой не выступали пуговки сосков. Однако не проходило и часа, как она расстегивала крючки. В светлой тонкой блузке или облегающей кофточке такая вольность оказывалась заметной, но ее это не заботило. На мой упрек она сравнила бюстгальтер с жилеткой, напяленной в жаркий душный день. И в оправдание добавила, что не может терпеть, когда сдавливается грудь. Что касается меня, то мне не доводилось носить эту деталь дамского туалета, поэтому и знать не дано, насколько в нем тяжело дышится. Однако убедившись, что другие женщины не кажутся ненавистницами бюстгальтера, как она, я засомневался в такой повышенной чувствительности.

А все остальное меня в ней устраивало. Пошел уже пятый год нашей совместной жизни, но поскольку пылкой любовью мы никогда не страдали, то ни особых разочарований, ни усталости друг от друга мы не чувствовали. До прошлой осени, пока квартира не стала нашей собственностью, мы не планировали обзаводиться детьми, но потом я начал подумывать, не пора ли и мне услышать слово «папа». До того раннего февральского утра, когда я увидел жену, стоящую на кухне в ночной сорочке, мне трудно было даже

вообразить, что наша жизнь может хоть как-то измениться.

* * *

— Ты чего там стоишь? — спросил я, собираясь зажечь свет в ванной. Кажется, до рассвета еще час-другой оставался. Из-за полутора бутылок сочжу[1], выпитых вечером в компании сослуживцев, я проснулся от ощущения переполненного мочевого пузыря и с пересохшим горлом.

— Не слышишь, что ли? Что ты там делаешь?

Я поежился от холода и посмотрел на нее. Сон пропал, я протрезвел. Она стояла как вкопанная, не сводя глаз с холодильника. Выражение лица жены, стоящей вполоборота, скрывала темнота, но вся ее фигура подействовала на меня как-то угнетающе. Некрашеные густые черные волосы взъерошились и торчали во все стороны. Как всегда, край белой ночной сорочки, доходящей до лодыжек, свернулся трубочкой и казался немного приподнятым.

По сравнению со спальней на кухне было довольно холодно. Обычно жена, любившая тепло, спешила накинуть кофту и сунуть ноги в мехо-

---

[1] Примечания: 1

Сочжу — корейская водка.

вые тапочки. Интересно, и давно она так стоит: босиком, в тонкой ночнушке, которую носила с весны до зимы? Стоит как истукан, с таким видом, будто ничего не слышит. Казалось, на месте холодильника стену подпирает невидимый глазу человек или, может быть, какой-то дух. Неужели она стала лунатиком? Где-то мне приходилось слышать об этой болезни.

Я подошел к жене, глядя на ее профиль, непроницаемый, как у каменного изваяния.

— Почему ты стоишь здесь? Что с тобой?..

Моя рука легла ей на плечо, и неожиданно для меня прикосновение совсем ее не испугало. Должно быть, она не потеряла разум и осознавала все: что я вышел из спальни, задал вопрос и даже то, что подошел к ней. Просто всему этому не придала значения. Как бывало иногда, когда, поглощенная телесериалом, который шел по ночам, она, даже услышав щелчок замка входной двери, не не реагировала на то, что я вернулся домой. Но что могло так завладеть ее вниманием в четыре утра на темной кухне перед белесой дверью холодильника объемом четыреста литров?

— Послушай, дорогая!

В темноте проступило ее лицо. Таким я видел его впервые: холодный блеск в глазах, плотно

сжатые губы.

— ...Я видела сон.

Голос прозвучал четко.

— Сон? О чем ты? И вообще, ты знаешь, который час?

Она отвернулась от меня и медленно двинулась в спальню. Переступив через порог, вытянула руку назад и тихо закрыла дверь. Я остался в темной кухне один, стоял и смотрел на эту дверь, за которой скрылась белая фигура жены.

Включил свет и вошел в ванную. В последние дни температура на улице держалась около десяти ниже нуля. Несколько часов назад, принимая душ, я забрызгал резиновые шлепанцы, и они до сих пор оставались холодными и влажными. От черной дырки вентилятора над унитазом, от пола и белого кафеля на стенах исходило ощущение печали и одиночества, навеянное холодной зимой.

Войдя в спальню, я не услышал никаких звуков с той стороны, где, свернувшись калачиком, лежала жена. Мне даже показалось, что в комнате, кроме меня, никого нет. Конечно же, я заблуждался. Прислушался и едва расслышал тихое дыхание. Однако спящий человек дышит иначе. Стоило только протянуть руку, и я нащупал бы

теплое тело. Но почему-то я не смог дотронуться до нее. И говорить с ней совсем не хотелось.

* * *

Проснувшись, я обнаружил себя в постели и, на секунду потеряв ощущение реальности, уставился на окно с белыми занавесками, через которые вовсю светили лучи утреннего зимнего солнца. Приподнявшись, взглянул на настенные часы и тут же, подскочив, пнул дверь и выскочил из спальни. На кухне возле холодильника увидел жену.

— С ума сошла? Почему не разбудила? Посмотри, который уже…

Я остановился на полуслове, наступив на что-то мокрое. Передо мной предстала такая картина, что я не мог поверить своим глазам.

Все еще в ночной сорочке, распустив взлохмаченные волосы, она, как и ночью, сидела скорчившись перед холодильником. Все пространство на полу кухни вокруг ее белой фигуры было заставлено — некуда ступить — пластиковыми контейнерами и черными полиэтиленовыми пакетами. Тонко нарезанные кусочки говядины

для сябу-сябу[2], свиная грудинка для жарки, две говяжьи ноги, кальмары в вакуумной упаковке, хорошо высушенный угорь и связка вяленой желтой горбуши, недавно присланные из деревни тещей, нераспечатанные пачки замороженных пельменей и еще много разных свертков неизвестно с чем. Всю эту еду, шелестя пакетами, одну за другой жена отправляла в огромный мусорный мешок.

— Что ты делаешь?!

Я закричал, потеряв, наконец, контроль над собой. Как и вчера, не замечая моего присутствия, она продолжала свое дело. Опустила в мешок упаковки с мясом, с кусочками курятины, с морским угрем стоимостью как минимум двадцать тысяч вон.

— Ты в своем уме? Зачем все это выбрасывать?

Я бросился к ней, спотыкаясь о разложенные пакеты, и вцепился в ее запястье. Неожиданно я наткнулся на сильное сопротивление, и, прежде чем она выпустила мешок из рук, мне пришлось так напрячься, что бросило в жар. Потирая левой рукой запястье правой, жена невозмутимо произнесла все ту же фразу:

---

[2] Примечания: 2

Популярное японское блюдо, состоящее из тонких кусков мяса, грибов, овощей и соуса.

— Я видела сон.

Опять за свое. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, когда она посмотрела прямо мне в глаза. Резко зазвенел мобильный телефон.

— Твою мать!

Я схватил пальто, оставленное вчера ночью на диване, и начал судорожно шарить по карманам. Из последнего, внутреннего, вытянул трезвонивший телефон.

— Прошу прощения. Дома возникли проблемы… Извините, пожалуйста. Я постараюсь выйти как можно скорее. Нет, я скоро буду в офисе. Только немного… Нет, пожалуйста, не надо. Только немного подождите. Я, честно, очень виноват. Мне нечего больше сказать…

Захлопнув крышку мобильного, побежал в ванную. Брился в такой спешке, что порезался в двух местах.

— Выглаженной рубашки нет?

Ответа не последовало. Я помчался назад, из стоящей перед ванной корзины для грязного белья вытащил брошенную туда вчера рубашку. К счастью, она оказалась не слишком мятой. Я обмотался галстуком, как шарфом, натянул носки, проверил, на месте ли ежедневник, кошелек, а она все это время так и оставалась на кухне. Впер-

вые за пять лет жизни в браке жена не вышла меня проводить, и мне пришлось уйти на работу, не почувствовав на себе ее заботу.

— С ума сошла. Совсем двинулась.

Сминая задники, втиснул ноги в недавно купленные узкие туфли. Пинком распахнул входную дверь, выскочил из квартиры, увидел, что лифт торчит на последнем этаже, пробежал три пролета лестницы, в метро успел в последнюю секунду заскочить в вагон и только тогда увидел свое отражение в темном окне поезда. Пригладил волосы, повязал галстук, ладонью расправил складки на рубашке. Равнодушное до ужаса лицо жены, ее твердый голос всплыли в памяти уже после.

Она дважды сказала, что видела сон. Ее лицо промелькнуло в окне мчавшегося поезда, пронзило темноту тоннеля. Оно казалось незнакомым, как при первой встрече. Однако размышлять о жене, о ее странном поведении уже не было времени. За тридцать минут мне следовало продумать, как оправдаться перед клиентом, а затем — как преподнести ему проект предложения. «Сегодня во что бы то ни стало надо уйти с работы пораньше. Ведь с тех пор как тебя перевели в другой отдел, за несколько месяцев ты ни разу

не пришел домой до полуночи», — бурчал я сам на себя.

* * *

Темный лес. Никого вокруг. Продираясь сквозь густые заросли, поцарапала лицо и руки об острые листья. Кажется, я пришла со спутником, но куда-то забрела одна и потеряла дорогу. Страшно. Холодно. Прошла через замерзшее ущелье, и появилось красное строение, похожее на сарай. Приподняла соломенную циновку, висевшую вместо двери, и вошла. И сразу их увидела. Несколько сотен кусков мяса. На длинных бамбуковых перекладинах висели огромные красные туши животных. Из некоторых еще капала не успевшая свернуться алая кровь. Я бросилась вперед, то и дело натыкаясь на мясо и отталкивая его от себя, но выхода на другом конце не было видно. Моя белая одежда вся пропиталась кровью.

Не знаю, как я вырвалась оттуда. Помчалась назад через ущелье и побежала дальше. Вдруг лес начал светлеть, показались весенние деревья с густой зеленой кроной. Повсюду копошились дети, запахло чем-то вкусным. Здесь собрались семьи, много семей, и устроили пикник. Эта картина показалась необыкновенно яркой. Весело журчал

ручей, рядом с ним на ковриках сидели люди, они ели кимпап[3]. Где-то жарили мясо, раздавалась песня, звенел радостный смех.

Но мне было страшно. Моя одежда по-прежнему в крови. Пока меня никто не заметил, спряталась за деревьями. Мои руки в крови. Мой рот в крови. Ведь я подобрала и съела упавший кусок. Сочное сырое мясо терлось о мои десны и нёбо, оставляя кровавый след. В луже крови на полу сарая сверкнули мои глаза.

Не может быть настолько реальным вкус сырого мяса, которое я жевала. И мой взгляд, мое лицо. Оно кажется чужим, но это точно мое лицо. Нет, наоборот. Я видела его много раз, но это не мое лицо. Не могу объяснить. Привычное и в то же время незнакомое… это живое и странное, до ужаса странное ощущение.

* * *

На столе, накрытом женой для ужина, лежали листья салата, стоял вареный рис, соевая паста, суп из морской капусты, сваренный без говядины и моллюсков, и кимчхи. И все.

— Что это? Из-за своего дурацкого сна ты вы-

---

[3] Примечания: 3
Корейский вариант японских роллов с различной начинкой.

бросила все мясо? Да знаешь ли ты, сколько денег пустила по ветру?

Я встал из-за стола и открыл морозильную камеру. Она оказалась почти пустой. Упаковка порошка из обжаренных зерен, молотый красный перец, молодой зеленый перец и пакетик измельченного чеснока.

— Пожарь хотя бы яичницу. Я и правда сегодня устал. И в обед не удалось нормально поесть.

— Яйца выбросила.

— Что?

— И молоко уже не пью.

— С ума сойти! И мне тоже прикажешь не есть мясо?

— Я не могу держать подобное в холодильнике. Не вынесу.

Как она может думать только о себе! Я посмотрел ей прямо в лицо. Опущенные глаза, выражение спокойное как никогда. Неожиданно для меня. Оказывается, где-то в ней сидел вот такой эгоизм, таилось вот такое своенравие. Оказывается, она просто безрассудная женщина!

— И что, теперь в этом доме нельзя есть мясо?

— Но ты же всегда здесь только завтракал. Ведь мясо ты часто ешь в обед, на ужин… И не умрешь, если утром останешься без мясного.

Жена ответила так, разложив все по полочкам, будто только ее выбор единственно разумный и правильный.

— Ладно. Оставим меня как есть, а ты? Ты теперь отказываешься от мяса, так?

Она кивнула.

— Да? До каких пор?

— …Навсегда.

Я онемел. О растительной пище как о модном веянии последних лет и мне приходилось слышать. Я знал, что люди становятся вегетарианцами или ради здоровья на долгие годы, или чтобы поправить свой организм, избавиться от аллергии, или, как ее еще называют, атопии, или чтобы помочь сохранить окружающую среду. Конечно, верующие, ушедшие в буддийские храмы, отказываются убивать живых существ — есть у них такой великий принцип, — но она-то не девочка в переходном возрасте, чтобы так себя вести. Зачем ей это? Вроде не собиралась ни худеть, ни лечиться от какой-то болезни, ни черт никакой в нее не вселялся, а просто ей, видите ли, однажды приснился кошмарный сон и она решила перестать есть то, что ела всю жизнь. И еще с таким упрямством взялась за это дело, а намерения мужа, его желания, значит, можно не

учитывать?

Если бы с самого начала мясо вызывало у жены тошноту, я бы как-то мог ее понять. Однако еще до женитьбы я отметил ее интерес к вкусной еде, и это мне очень понравилось. Привычным движением переворачивая уложенные на жаровне тонкие куски мяса, она выбирала из них уже поджаренные до золотистой корочки и разрезала на маленькие кусочки, держа в одной руке щипцы, а в другой большие ножницы, и весь вид ее вызывал доверие. Еда, которую она готовила по выходным уже после женитьбы, также отличалась отменным вкусом. Замаринованная в имбирном сладком соусе и поджаренная ароматная свиная грудинка, тончайшие ломтики говядины для сябу-сябу, посыпанные черным перцем и солью, выдержанной в стволе бамбука, заправленные кунжутным маслом, обвалянные в рисовой муке и уложенные на сковородку, — так готовила только она. А каков был пибимпап[4] из поджаренного на кунжутном масле говяжьего фарша, замоченного в воде риса и проросших соевых бобов! Нельзя не вспомнить и нарезанную на куски курятину, сваренную с крупной

[4] Примечания: 4

Смесь из вареного риса, мяса, овощей, куриного яйца, острого соевого соуса.

картошкой и сдобренную жгучим красным перцем. Я мог умять за один присест три миски этой вкуснятины, острый бульон которой проникал в каждую клетку тела.

А теперь на стол, накрытый женой, и смотреть не хочется. Невозмутимо сидя на стуле, она отправляла в рот даже на вид невкусный суп из морской капусты. В лист салата положила большую ложку риса с горкой, соевую пасту, завернула, отправила в рот и начала жевать.

Я ничего не знал. Я ничего не знал об этой женщине. Эта мысль вдруг пронзила меня насквозь.

— Не будешь есть?

Таким небрежным тоном средних лет мамаши, родившие и вырастившие четверых, а то и больше детей разговаривают со своими отпрысками. Не обращая никакого внимания на меня, стоящего в растерянности и не сводящего с нее глаз, она долго с хрустом пережевывала кимчхи.

* * *

До самой весны у жены ничего не изменилось. Каждое утро я должен был есть одну траву, но это меня уже не беспокоило. Если один человек меняется до мозга костей, то второму только и остается что подстроиться под него.

Она высыхала с каждым днем. И без того выступающие скулы некрасиво заострились. Без косметики кожа выглядела блеклой, как у больного. Если бы каждый, перестав есть мясо, худел бы так, как моя жена, то никто бы не тратил столько сил для снижения веса. Но я знал. Знал, что она худеет не из-за растительной пищи. А из-за своего сна. Хотя на самом деле она почти не спала.

Жена не отличалась расторопностью. Раньше часто бывало, что она уже видела десятый сон, когда я поздно ночью возвращался с работы. Однако сейчас она не спешила в спальню даже после того, как я, придя домой за полночь, принимал душ и ложился в постель. Книг не читала, в интернете не чатилась, ночной кабельный канал не смотрела. И работы по впихиванию прямой речи в словесные пузыри в комиксах не могло быть так много.

Лишь ближе к рассвету, около пяти, жена укладывалась рядом и то ли спала, то ли дремала, не знаю, но примерно через час раздавался короткий стон, и она вставала. Растрепанные волосы, смятое лицо, воспаленные глаза в окантовке покрасневших век — в таком виде она готовила мне завтрак. Сама же к еде не притрагивалась.

Но больше всего меня волновал ее отказ заниматься сексом. Раньше жена всегда без каких-либо отговорок шла навстречу требованиям моего тела, а порой и сама первая возбуждала во мне желание. Однако в последнее время едва я касался ее плеча, как она потихоньку отворачивалась. Как-то я спросил причину отказа:

— У тебя какие-то проблемы?

— Я устала.

— Вот поэтому я и говорю: ешь мясо. Без него и сил у тебя нет. Ведь раньше ты такой не была.

— На самом деле…

— Что?

— …Я не могу, потому что от тебя пахнет.

— Пахнет?

— Да, мясом. Твое тело пахнет мясом.

Я захохотал.

— Ты что, не видела? Я только что принял душ. Откуда взяться запаху?

Она ответила искренне:

— …Из каждой поры, откуда выходит пот.

Иногда меня посещали мрачные мысли. А если она находится на первой стадии безумия? Ведь такое поведение может оказаться началом болезни, связанной с какой-нибудь паранойей, или бредовой идеей, или неврастенией. Я только

слышал о них.

Однако было бы трудно утверждать, что ее охватило какое-то сумасшествие. Как и прежде, она говорила мало и дом содержала в порядке. В воскресенье делала два салата из зелени, готовила лапшу из картофельной муки с жареными овощами и вместо положенного мяса добавляла туда грибы. Учитывая, что в наши дни вегетарианские блюда пользуются популярностью, никто не усмотрел бы в этом ничего странного. Вот только спать она не могла, и когда утром я спрашивал, почему она так выглядит — подавленной, с отсутствующим взглядом, словно что-то сильно гнетет ее, — отвечала лишь одно: «Видела сон». Я не интересовался, что это за сон. Желания выслушивать еще раз о каком-то сарае в темном лесу, о кровавой луже, где отразилось лицо, не возникало.

Она загнала себя в этот закрытый для меня сон, куда не было пути и о котором я и знать не хотел, и, мучаясь там, продолжала сохнуть. Сначала казалось, она станет худенькой, как балерина, но дело кончилось тем, что от нее остались только кожа да кости, как у больного человека. Каждый раз, когда в голове появлялись нехорошие мысли, я начинал размышлять. Если посмотреть на

моего тестя — он живет в маленьком городке, где держит лесопилку и продуктовую лавку, а также на его старшую дочь и сына, людей с хорошим характером, то никогда не придет в голову, что в их роду у кого-то может быть психическое отклонение.

Стоит вспомнить родственников жены — и в памяти сразу всплывает их дом, где витает вкусный дымок, приправленный запахом подгорающего чеснока. Пока мужчины пьют сочжу, закусывая тонкими ломтиками мяса, капли жира с которого падают с треском на жаровню, женщины на кухне громко обсуждают новости. Все члены семьи, особенно тесть, любили сырое мясо под острым маринадом, теща сама умело разделывала живую рыбу, а их дочери, орудуя большим, как у мясников, тесаком, легко резали на кусочки курицу. Мне нравилась жизненная сила жены, которая ладонью могла прихлопнуть сразу несколько ползающих тараканов. Я долго искал себе пару, и разве мой выбор пал не на самую обычную женщину на свете?

Даже если ее здоровье и вправду вызывало опасения, я не собирался обращаться за помощью к консультантам или начинать лечение, как это делают все. Случись такая напасть с кем-то из

знакомых, я мог бы утешить его словами: «Это всего лишь болезнь, и стыдиться тут нечего», поскольку сам был уверен, что с моей женой ничего подобного произойти не может. Однако сейчас у меня язык не повернулся бы такое говорить. Честное слово, я совсем не был готов к этим ее странностям.

* * *

За день до того, как мне приснился этот сон, утром я отреза́ла тонкие ломтики от замороженного куска мяса. Ты сердито подгонял меня:

— Твою мать, долго еще будешь копаться?

Ты ведь знаешь, что если меня торопить, я теряюсь. Становлюсь как будто сама не своя, все валится из рук, и, наоборот, получается только хуже.

— Быстрей, давай быстрей!

Руки двигались так быстро, что шея стала горячей. Вдруг разделочная доска скользнула вперед. Тогда-то я и порезала палец, а на лезвии ножа появилась зазубрина. Я подняла указательный палец вверх, на нем быстро растекалась красная капля крови. Круглее, еще круглее. Положила палец в рот и успокоилась. Кажется, алый цвет и, как ни странно, сладковатый вкус крови заставили

прийти в себя.

Ты принялся за второй кусок только что поджаренного мяса, но вдруг стал жевать все медленнее, а затем выплюнул все, что было во рту. Поковырявшись в этой массе, нашел что-то блестящее и завопил:

— Что это? Это же осколок ножа!

Я растерянно смотрела на тебя, на твое перекошенное от ярости лицо.

— А если бы я не заметил и проглотил, что было бы?! Я же мог умереть!

Почему я тогда не испугалась? Наоборот, стало еще спокойнее. Словно чья-то холодная рука легла на лоб. Неожиданно все вокруг отхлынуло от меня, как вода во время отлива. Стол, ты, кухонная мебель. Казалось, в бесконечном пространстве остались только я и стул подо мной.

Утро следующего дня. В сарае лужа крови. В нем я впервые увидела свое отраженное лицо.

* * *

— Ну и губы у тебя! Ты что, не накрасилась?

Я разулся, схватил стоящую в растерянности жену за рукав черного полупальто и потащил в спальню.

— Ты собралась идти в таком виде?

В зеркале над туалетным столиком отразились наши лица.

— Давай мажься.

Она осторожно высвободилась из моей руки. Открыла пудреницу и прошлась по лицу спонжем. Белая крем-пудра легла на кожу, и жена стала похожа на пыльную тряпичную куклу. Накрасив пепельные губы помадой яркого кораллового цвета — жена раньше всегда пользовалась ею, — она стерла с лица мертвенную бледность, свойственную больным людям. Я успокоился.

— Опаздываем. Поторопись.

Я вышел первым. Нажав на кнопку лифта, с нетерпением смотрел, как жена не спеша сует ноги в синие кроссовки. Спортивная обувь совсем не подходила к полупальто, но другой обуви не было. Она не носила сапоги или ботинки. Все вещи и предметы из кожи она выбросила.

Первым забравшись в машину, стоявшую с заведенным мотором, я услышал сводку о ситуации на трассах. Прислушался, чтобы узнать, сколько времени займет дорога до центра, где в ресторане традиционной корейской кухни директором фирмы был заказан банкет, затем пристегнулся и опустил рычаг ручного тормоза. Через несколько секунд жена, обдав меня струей холодного

воздуха, который исходил от ее пальто, уселась рядом и, повозившись с ремнем безопасности, защелкнула замок.

— Сегодня ты должна показать себя с лучшей стороны. Директор впервые позвал меня, менеджера, на такой ужин, где собирается только высшее руководство фирмы и их жены. Вот как он ценит меня.

Благодаря тому, что я выбрал маршрут по новой дороге и мчался с максимально дозволенной скоростью, мы смогли доехать впритык к назначенному времени. Сразу стало понятно, что этот двухэтажный ресторан с довольно широкой парковкой — весьма шикарное заведение.

Последние холода не сдавались. Жена в тонком осеннем пальтишке стояла у машины и зябла на ветру. Всю дорогу она молчала, но я уже привык к этому и ни о чем не беспокоился. Это хорошо, что много не болтает, и вообще, людям в возрасте нравятся такие женщины. Эти мысли легко сняли некоторую напряженность, сковывавшую меня.

Директор фирмы, исполнительный директор, коммерческий директор с супругами уже были на месте. Начальник моего отдела со своей половиной прибыли сразу вслед за нами. Обменявшись с ними приветствиями и шутками, я

разделся, взял пальто у жены и повесил одежду на вешалку. По указанию супруги директора, дамы с тонко выщипанными бровями, обвешанной бусами из огромных нефритовых камней, мы встали у длинного стола, накрытого для банкета. Все вели себя непринужденно, словно не раз бывали в этом ресторане. Рассматривая потолок, стилизованный под крышу традиционного дома с коньками по четырем сторонам, и краем глаза поглядывая на сделанный из камня аквариум с золотыми рыбками, я сел на свое место. В тот момент, когда я без всякой мысли повернулся к жене, в глаза бросилась ее грудь.

Она надела слегка облегающую черную блузку, и через ткань четко вырисовывались очертания сосков. Сомнений быть не могло, она пришла сюда без бюстгальтера. Быстро оглядывая сидящих — заметил кто или нет, — я встретил взгляд супруги директора. Она притворялась невозмутимой, но в ее глазах светились изумление, любопытство, и сомнение, стоит ли выказывать презрение. Все это я понял в один миг.

Я почувствовал, как по щекам разлился румянец. Осознав, что именно кроется во взглядах, искоса бросаемых женщинами на мою жену, которая сидела с безразличным видом, не участ-

вуя в их светской беседе, я сделал единственно правильный выбор — повел себя естественно.

— Вы без проблем нашли это место? — спросила жена директора.

— Да. Как-то проезжал мимо этого заведения. Двор перед рестораном так хорош, что захотелось побывать здесь.

— А, вот как… Согласна, сад они красиво оформили. Днем здесь еще лучше. А из того окна видна клумба.

Однако когда начали подавать кушанья, туго натянутая нить усилий, едва удерживаемая мной, оборвалась.

Первым подали блюдо, изготовленное по старинному рецепту. Оно состояло из нарезанных соломкой гречишного желе, трав, грибов и жареной говядины. Жена, до сих пор не проронившая ни слова, остановила официанта, занесшего над ее тарелкой маленький половник:

— Я не буду это есть.

Голос прозвучал очень тихо, но движение за столом прекратилось. Поймав на себе удивленные взгляды всех присутствующих, она повторила немного громче:

— Я не ем мясо.

— Так вы вегетарианка? — радостно восклик-

нул директор. — За границей кое-где встречаются строгие вегетарианцы. И в нашей стране, кажется, они начали появляться. В печати, особенно в последнее время, стали часто нападать на тех, кто питается мясом… Иногда думаешь: может стоит отказаться от животной пищи ради долгих лет жизни? Мне кажется, есть в этом разумное зерно.

— Но разве можно жить, совсем отказавшись от мяса? — сказала супруга директора, надев на лицо улыбку.

Тарелка жены оставалась на столе единственным белым пятном. Официант собрал остальные девять и исчез. Разговор, конечно, перешел к вегетарианству.

— Недавно нашли мумию человека, жившего пятьсот тысяч лет назад? Слышал об этом? Подумать только — рядом с ней обнаружили следы каких-то приспособлений для охоты. Поедание мяса — человеческий инстинкт. А то, что называют вегетарианством, противоречит этому инстинкту. И поэтому оно противоестественно.

— В наши дни можно встретить и тех, кто питается одной растительной пищей, руководствуясь принципами натурфилософии… Чтобы узнать, какой у меня конституционный тип телосложе-

ния, разобраться, к какой пище предрасположен мой организм, я посетила несколько заведений, и, куда бы ни пришла, везде говорили по-разному. И каждый раз я пробовала изменить свое меню, но все время на душе было как-то неспокойно… Вот я и подумала, а не лучше ли просто есть всего понемногу.

— Как не быть здоровым, если есть всего понемногу и все, что хочется? Это и есть доказательство благополучия человека, будь оно физическое или психологическое.

Это сказала супруга исполнительного директора, украдкой бросавшая взгляды на торчащие соски жены. Наконец стрела этой дамы полетела прямо к цели.

— А по какой причине вы стали вегетарианкой?… Или дело в религиозных принципах?

— Нет.

Словно совсем не осознавая, сколько сил мне пришлось потратить, чтобы оказаться здесь, среди этих людей, жена тихо и невозмутимо разжала губы. Вдруг я почувствовал, как по спине побежали мурашки: я знал наверняка, что она собирается сказать.

— …Я видела сон.

Не успела она произнести эти слова, как влез

я:

— Жена долгое время страдала болезнью желудка. Из-за этого даже спать по ночам не могла. По совету врача восточной медицины она перестала есть мясо, и ей сделалось намного лучше.

Только после этого объяснения все закивали головами.

— Какое счастье, что диета помогла. Я на самом деле никогда не сидела за одним столом с вегетарианцем. Как это должно быть неприятно — делить трапезу с тем, кто может с отвращением думать о тебе, глядя, как ты ешь мясо. Мне кажется, питание только растительной пищей по психологическим причинам может вызвать ненависть к плотоядным. А что вы думаете по этому поводу?

— Наверное, такое настроение овладевает тобой, и когда ты с аппетитом поедаешь маленьких осьминогов, а сидящая рядом женщина смотрит на тебя зверем, глядя, как они цепляются щупальцами за палочки, которые ты подносишь ко рту.

Вспыхнул смех. Я тоже присоединился к общему веселью, но хорошо осознавал все. Осознавал, что жена не смеется вместе со всеми. Что она, не слушая, о чем говорят окружающие, смотрит на их губы, блестящие от кунжутного масла. Что

каждый за этим столом чувствует себя неловко от ее взгляда.

Подали жаренные в кляре кусочки цыпленка в пикантном остром соусе. Потом принесли сырого тунца. Пока все наслаждались вкусом деликатеса, жена не шевельнула даже мизинцем. Демонстрируя сквозь блузку четкие формы сосков, похожих на маленькие желуди, она внимательно, словно впитывая в себя все происходящее, наблюдала за губами собравшихся людей: как они ими двигают, как раскрывают их, сжимают, облизывают.

Около десяти великолепных блюд подали на этом банкете, и из всего предложенного жена позволила себе только овощной салат, кимчхи и суп-пюре из тыквы. Даже жидкую кашу оригинального вкуса из клейкого риса особого сорта она есть не стала, потому что зерна до варки выдерживали в мясном бульоне. А собравшиеся между тем продолжили разговор так, словно и не было ее рядом с ними. Лишь ко мне снисходительно, словно из жалости, кто-то изредка обращался, но в душе я чувствовал, что тоже вызываю у них презрение.

На десерт принесли фрукты, и жена взяла кусочек яблока и дольку апельсина.

— Вы не голодны? Ведь ничего почти не ели.

Так супруга директора великолепно поставленным светским голосом выразила беспокойство. Жена в ответ не улыбнулась, не покраснела, не растерялась, а только молча посмотрела прямо в ухоженное лицо этой благородной дамы. Потекли секунды, за столом воцарилась тяжелая атмосфера. Знала ли жена, куда она попала? Знала ли, кто эта немолодая женщина? Мысли жены, ее внутренний мир, куда мне ни разу не довелось заглянуть, я ощутил как бесконечно глубокую яму, ловушку для себя.

* * *

Надо было что-то делать.

Тем вечером, чувствуя, что все пошло прахом, я вел машину и всю дорогу думал. Жена казалась спокойной. Кажется, она вообще не понимала, что натворила. То ли ей хотелось спать, то ли она устала, но она сидела, прислонив голову к окну. Случись такое раньше, я бы по обыкновению наорал на нее: «Ты что, хочешь увидеть, как мужа выгонят с работы? Что ты вообще себе позволяешь?»

Но сейчас интуиция мне подсказывала: все мои слова бесполезны. Я мог негодовать, пытаться убедить, но ничто не заставило бы ее измениться.

Наши отношения уже прошли ту стадию, когда я мог своими руками исправить ситуацию.

Жена приняла душ, надела ночную сорочку и вместо спальни направилась в свою комнату, а я в гостиной походил из угла в угол и остановился у телефона. В далеком маленьком городке трубку подняла теща. Время было непозднее, но голос ее показался сонным:

— Вы там в порядке? Что-то давно от вас нет никаких вестей.

— Да, все нормально. Я сейчас очень занят, поэтому давно не звонил. А как вы, здоров ли отец?

— Мы-то что, у нас всё как всегда. А как твои дела на работе? Все хорошо?

Я немного замешкался, затем сказал:

— У меня все в порядке. Но с женой…

— А что с Ёнхе? Что-то случилось?

В голосе тещи прозвучала тревога. Жена была ее второй дочерью, и я раньше не замечал, чтобы она особо заботилась о ней, но, должно быть, ребенок есть ребенок, никуда не денешься.

— Она не ест мясо.

— Что?

— Она совсем не ест ни мясо, ни рыбу, питается только травой. Вот уже несколько месяцев.

— Не пойму, о чем ты. Это не диета какая-ни-

будь?

— Трудно сказать. Как я ни отговаривал, не слушает. Из-за этого я сам уже давно дома не ем мясо.

Теща потеряла дар речи. Пока она пребывала в таком состоянии, я решил окончательно.

— Она похудела и ослабла. Не знаю даже, что и делать.

— Это никуда не годится. Если Ёнхе рядом, передай ей трубку.

— Она пошла спать. Завтра утром скажу ей, чтобы позвонила вам.

— Не надо, оставь. Завтра утром я сама ей позвоню. Что это она вдруг… Раньше такого за ней не водилось… Ты уж прости.

Закончив разговор, я полистал записную книжку и набрал номер старшей сестры моей жены. Трехлетний племянник поднял трубку и закричал: «Алло!»

— Маму позови, пожалуйста.

— Слушаю, — тут же ответила свояченица. Внешне сестры похожи, но у старшей глаза больше, поэтому она кажется симпатичнее, и к тому же ей не занимать женственности.

Ее голос, чуть-чуть гнусавый, во время наших телефонных разговоров всегда вызывал во мне

некоторое сексуальное напряжение. Я рассказал ей о вегетарианстве жены теми же словами, что и несколько минут назад теще, и, выслушав такие же удивленные восклицания, извинения и обещания, положил трубку. Напоследок хотел позвонить шурину, брату жены, но раздумал. Третий звонок показался лишним.

* * *

Снова приснился сон.

Кто-то убил человека, кто-то другой незаметно спрятал труп, но когда я проснулась, я поняла, что забыла. Забыла, то ли я убила, то ли убили меня. Если я убила, то кого? Может, тебя? Это был какой-то очень близкий мне человек. Или нет, может, ты меня убил?.. Тогда кто спрятал труп? Ни я, ни ты, совершенно точно… Это была лопата. Я уверена. Острым краем огромной лопаты ударили по голове и убили. Гулкий отзвук. Растяжимое мгновение, когда металл обрушился на голову… Реальная картина падающего в темноту мертвого тела.

Этот сон я уже видела. Он приходил ко мне бесчисленное множество раз. А в нем — уже снившийся сон. Так бывает, когда под действием алкоголя вспоминаешь прошедшее опьянение.

Много раз кто-то кого-то убивает. Смутное, неуловимое… но до ужаса определенное ощущение.

Ты не поймешь, наверное. С некоторых пор мне страшно смотреть на того, кто режет что-то ножом на доске. Хоть сестра, хоть мама. Не могу объяснить почему. Только чувствую, что не хочу смотреть на это, нет сил. Поэтому я и старалась обращаться с ними со всей нежностью. Но это вовсе не означает, что вчера во сне убили маму или сестру. Просто осталось похожее ощущение, лишь это ощущение, бросающее в дрожь, грязное, ужасное, жестокое ощущение, что я своими руками убила человека или что меня кто-то лишил жизни, и если бы я не испытала его, то вряд ли смогла бы ощутить… нечто категоричное, разочаровывающее, тепловатое, как неостывшая кровь.

Интересно, из-за чего все как будто мне незнакомо? Кажется, я вошла куда-то с заднего входа. Кажется, меня заперли за дверью, у которой нет ручки. Или нет, видимо, почему-то только сейчас мне вдруг стало известно, что я здесь с самого начала. Темно. Все расплющено в черное пятно.

* * *

Вопреки моим ожиданиям ни теща, ни свояченица не сумели убедить жену пересмотреть свои взгляды на вегетарианство. По выходным теща спрашивала по телефону:

— Ёнхе по-прежнему не ест мясо?

Даже тесть, за все время нашей совместной жизни с его дочерью ни разу не соизволивший набрать наш номер, однажды позвонил и отругал ее. Возбужденный громкий голос, рвавшийся из трубки, доносился и до меня:

— Ты что там вытворяешь? О себе только думаешь. А что должен делать твой муж? Он ведь в самом расцвете сил?

Жена лишь слушала, даже обычные «да» или «нет» не произносила.

— Почему не отвечаешь? Ты слышишь, что тебе говорят?

На плите в кастрюле для супа закипела вода, и жена, молча положив трубку на стол, ушла на кухню. Ушла и не вернулась. Пожалев тестя, напрасно изрыгавшего ругательства, которые не доходили до адресата, я поднял трубку.

— Извините, отец.

— Нет, это я должен извиняться.

Такое от патриархального тестя я услышал впервые за все пять лет, что знал его, и очень удивился. Проявлять внимание к кому-то, выражать заботу, просить прощение — все это как-то не вязалось с ним. Он воевал во Вьетнаме и даже получил орден за военные заслуги, что было самым большим достижением в жизни этого человека, говорившего всегда настолько громким голосом, насколько твердой волей он обладал. «Я во Вьетнаме семерых вьетконговцев…» — начинавшийся этими словами рассказ из его репертуара и мне как зятю довелось услышать пару раз. Жена говорила, что росла, терпя от отца удары палкой по голени до семнадцати лет.

— …И без того в следующем месяце я собирался в Сеул. Приеду, посажу ее перед собой и поговорю как следует.

В июне день рождения тещи. Дом родителей далеко, поэтому живущие в столице дети поздравляли мать по телефону и отправляли подарки по почте. Но как раз в начале мая семья свояченицы переехала, и родители решили навестить детей, чтобы заодно посмотреть на более просторную квартиру старшей дочери. Так и получилось, что встреча родственников во второе воскресенье приближающегося июня становилась самым

большим событием за несколько лет. Открыто никто ничего не говорил, но было очевидно, что в этот день семья приготовилась вынести порицание моей жене.

Не знаю, догадывалась она об этом или нет, но, как и прежде невозмутимо, без суеты проживала день за днем. Если бы не ее упорное нежелание выполнять в постели супружеские обязанности — она ложилась спать в джинсах, — со стороны наши отношения казались бы вполне нормальными. Но с каждым днем она, продолжая худеть, изменялась, и когда на рассвете, найдя ощупью будильник и нажав кнопку, я с трудом заставлял себя встать, то видел ее, ровно лежащую на спине с открытыми глазами, и была она уже не такой, как раньше. После того злополучного ужина, устроенного руководством фирмы, коллеги некоторое время относились ко мне с подозрением, но как только запущенный мной проект начал приносить доход, и довольно ощутимый, все как будто кануло в Лету.

Иногда я думал, что нет ничего плохого в том, чтобы жить со странноватой женщиной. Жить как с чужим человеком. Или нет, как со старшей сестрой, которая готовит, накрывает на стол, убирает квартиру, или даже как с приходящей

домработницей. Но моего возраста мужчине, который привык регулярно заниматься сексом с женой, пусть даже без особых эмоций, терпеть длительное половое воздержание очень нелегко. Случалось, вернувшись домой поздно ночью после попойки с коллегами, под воздействием алкоголя я брал жену силой. Заломив сопротивляющиеся руки, стаскивал с нее штаны и при этом чувствовал неожиданное возбуждение. Она ожесточенно сопротивлялась, но иногда — в среднем один раз на три попытки — мне удавалось, выдавив из себя площадную брань, проникать в нее. В такие минуты жена словно превращалась в одну из так называемых утешительниц — сексуальных рабынь, которые обслуживали японских солдат в годы Второй мировой войны, — и лежала с застывшим лицом, уставившись в темный потолок. Я кончал свое дело, и она, сразу же отвернувшись, с головой накрывалась одеялом. Пока я принимал душ, она, должно быть, приводила себя в порядок и, закончив играть свою незавидную роль, лежала с закрытыми глазами так спокойно, будто ничего не произошло.

В такие минуты меня охватывало странное и мрачное предчувствие. Пусть я уродился толстокожим и никогда не испытывал никаких

предчувствий, темнота и тишина спальни заставляли меня сжиматься от страха. Наутро я с нескрываемым отвращением смотрел на плотно сжатые губы жены, которая сидела за столом вполоборота ко мне и не реагировала на мои слова. На ее лице было написано, что она прошла через огонь и воду, преодолев все невзгоды, выпавшие на ее долю, и я ненавидел ее.

Был вечер за три дня до назначенной встречи с ее родственниками. В тот день в Сеуле стояла жара, побившая все рекорды, и во всех зданиях, больших и малых, работали кондиционеры. Я вернулся домой, уставший от холодного воздуха, продувавшего офис с утра до вечера. Открыв входную дверь, я тут же поспешно захлопнул ее за собой, увидев жену. А все потому, что мы живем в доме, в котором квартиры расположены как в гостинице — по обе стороны коридора, и я испугался, что кто-то в этот момент может ненароком пройти мимо. Жена в одних серых легких шортах, с обнаженным верхом, сидела за маленьким столиком перед телевизором и чистила картошку. Под выпиравшими ключицами виднелись ее груди, почти незаметные на фоне худых ребер.

— Почему ты разделась? — спросил я, пытаясь

улыбнуться. Не поворачивая головы, продолжая чистить картошку, жена ответила:

— Жарко.

«Подними голову, — я сказал это про себя, стиснув зубы. — Подними голову и засмейся. Покажи мне, что ты шутишь». Однако она не смеялась. Стрелка часов приближалась к восьми, дверь на лоджию оставалась открытой, в квартире не могло быть жарко. Плечи жены покрылись пупырышками, похожими на кунжутные семечки. Куча картофельных очисток лежала на подстеленной газете. Рядом возвышался холмик из более чем тридцати картофелин.

— Что ты будешь с этим делать? — спросил я как можно спокойнее.

— Потушу.

— Вот это всё?

— Да.

Я выдавил улыбку, ожидая, что и она улыбнется мне в ответ. Однако она не улыбнулась. Даже не посмотрев на меня, сказала:

— Просто я ужасно хочу есть.

* * *

Во сне, когда я отрезаю кому-то голову, когда она еще болтается, не отрезанная до конца, и я,

схватив ее, режу дальше, когда кладу скользкий зрачок на ладонь и когда после этого просыпаюсь... Наяву, когда у меня возникает желание убить голубей, которые, переваливаясь с боку на бок, дефилируют передо мной, когда хочется придушить соседского кота, за которым я слежу уже давно, когда подгибаются колени и выступает холодный пот, когда мне кажется, что я стала другим человеком, когда другой человек возникает внутри меня и пожирает меня, все это время...

...В это время рот наполняется слюной. Проходя мимо мясной лавки, я закрываю рот. Из-за слюны, появляющейся у самого основания языка и смачивающей губы. Из-за слюны, что сочится между губами и течет вниз.

* * *

Если бы я могла спать. Если бы могла забыться хоть на час. Ночью, когда я то и дело просыпаюсь и босиком мечусь по комнатам, дом стоит уже холодный. Холодный, как остывший рис, как остывший суп. В черных окнах ничего не видно. Входная дверь время от времени громыхает, но стучаться некому. Вернувшись в спальню, суешь руку под одеяло и чувствуешь холод. Все остыло.

* * *

Теперь больше пяти минут поспать уже не удается. Стоит только забыться, как видишь сон. Скорее, даже не сон. Короткие сцены наплывают, сменяя друг друга. Блестящие глаза дикого зверя, кровь, размозженная голова, затем опять те же дикие глаза, словно поднимающиеся из моего нутра. Просыпаешься, вся дрожа, и проверяешь свои руки. Мягкие ли еще мои ногти. Слушаются ли меня мои зубы.

Единственное, чему я доверяю, — моя грудь. Я люблю свои груди. Потому что ими нельзя никого убить. Ведь и руки, и ноги, зубы и язык, и даже взгляд — это оружие, способное убить и нанести вред. А груди на такое не способны. У меня есть две такие круглые груди, и значит, все нормально. Пока все нормально. Однако почему мои груди все худеют? Теперь они не такие уж и круглые. Интересно, почему? Почему мое тело высыхает и высыхает? Что я собираюсь проткнуть, становясь такой острой?

* * *

Это был семнадцатый этаж залитого солнцем

дома, окна которого выходили на юг. С лицевой стороны вид загораживало соседнее здание, но с заднего фасада открывалась полоска леса.

— Ну, теперь за тебя можно не переживать. Очень хорошая квартира тебе досталась, — сказала теща, беря в руки палочки и ложку.

Эту квартиру сестра моей жены приобрела в собственность благодаря тому, что она еще до замужества открыла маленькую лавочку, торговавшую косметикой. До рождения ребенка свояченица втрое увеличила торговую площадь, а после появления на свет сына лишь по вечерам приходила в свой магазинчик. Недавно, когда сыну исполнилось три года и он пошел в детский сад, она снова начала заниматься торговлей с утра до ночи.

Я завидовал мужу свояченицы. Он окончил университет искусств и жил как художник, но зарабатывать на жизнь живописью у него не очень получалось. Говорили, ему досталось наследство от родителей, но когда деньги только тратишь, ничего не зарабатывая, любое состояние может закончиться. Поскольку его жена трудилась, засучив рукава, свояк, очевидно, теперь мог жить со спокойной душой, занимаясь искусством. К тому же свояченица, как и моя жена когда-то,

очень хорошо готовила. Посмотрев на накрытый к обеду стол, весь заставленный вкусностями, я вдруг почувствовал, как проголодался. Глядя на тело свояченицы, в меру упитанное, любуясь ее большими глазами, слушая ее мягкий голос, я с сожалением подумал: «Как много, должно быть, я упустил в своей жизни».

Жена, не сказав даже обычных для такого случая приветствий типа «Какая хорошая квартира!», «Как много всего наготовила! Устала небось?», сидела молча и ела рис с кимчхи. Кроме этого, на столе не было ничего, что она могла бы съесть. Ее палочки не коснулись даже аппетитных салатов, заправленных майонезом, ведь в его состав входят яйца.

Лицо жены потемнело от длительного недосыпания. Если бы ее увидел кто-то чужой, то принял бы за больного человека. Она, как обычно, была без лифчика, в светлой футболке, и если присмотреться, сквозь тонкую ткань пятнышками просвечивали соски. Несколько минут назад, как только мы вошли в прихожую, свояченица увела ее в спальню, но вскоре вышла оттуда первой. Судя по ее расстроенному лицу, жена отказалась надеть бюстгальтер.

— Сколько стоила квартира в этом доме?

— …Правда? Вчера зашел на сайт недвижимости и увидел, что цена этих квартир поднялась уже почти до пятидесяти миллионов вон. Говорят, в следующем году сюда и метро проведут.

— Как удачно у вас все получилось, — обратился я к свояку.

— Да я тут вообще ни при чем. Это все заслуги жены.

Пока мы вели вежливый, дружеский и прагматичный разговор, дети шумно, задирая друг друга, уплетали еду, да так, что за ушами трещало. Я задал вопрос свояченице:

— Сестра, вы все это сами приготовили?

Она слегка улыбнулась.

— Да я еще позавчера начала потихоньку готовить. А вот устрицы в остром маринаде. Я специально ходила за ними на рынок, зная, как их любит Ёнхе… А она даже к ним не притронулась.

Я затаил дыхание. Началось, наконец.

— Постойте. Ёнхе, ты всё продолжаешь? Ведь я же объяснил тебе, должна была понять…

Вслед за сердитым выговором отца на жену резко набросилась свояченица, укоряя ее:

— Ты, вообще, соображаешь, что делаешь? Человеческий организм должен получать необходимые питательные вещества… А если решила

заделаться вегетарианкой, так хотя бы правильное меню составь себе. Ты только посмотри на свое лицо, на что оно стало похоже.

И даже жена шурина вставила слово:

— Я даже не узнала вас сначала. Слышала что-то, но и подумать не могла, что вы занялись вегетарианством вот так, во вред своему здоровью.

— Сейчас же кончай свое вегетарианство или что там. И давай, вот это, это, это — ешь, ешь быстро! Прошли времена, когда еды не хватало, сейчас всего вдоволь. С чего это тебе вдруг вздумалось такое?

Теща пыталась уговорить жену ставя перед ней тарелочки с жареной говядиной, свининой в кисло-сладком соусе, тушеным цыпленком, жареной каракатицей с лапшой под острой приправой.

— Ну, чего сидишь? Ешь, говорю! — раздался трескучий, как из паровозной топки, и настойчивый голос тестя.

— Ёнхе, ешь. Поешь, и сразу силы появятся. Пока человек жив, он должен подкреплять силы. Люди, что ушли в монастырь, могут обходиться без мяса, потому что они праведники и живут в одиночестве.

Свояченица все еще не теряла надежды об-

разумить сестру. Дети не сводили с нее своих округлившихся от любопытства глаз. А она растерянно переводила взгляд с одного родственника на другого, будто не понимая, из-за чего поднялся такой переполох.

Несколько секунд длилось напряженное молчание. Я по очереди смотрел на лицо тестя, загорелое дочерна, на лицо тещи, сморщенное настолько, что не верилось, что когда-то она была молодой, на их глаза, полные беспокойства, на приподнятые в тревоге брови свояченицы, на ее мужа, сидящего с видом стороннего наблюдателя, на безразличные, но при этом недовольные лица шурина и его жены. Я надеялся, моя жена произнесет хоть что-то. Однако вместо этого она положила на стол палочки, и это был молчаливый ответ, который содержал единственное сообщение, направленное прямо в лица всех собравшихся. Ощущение тревоги пронеслось над столом. На этот раз теща ухватила своими палочками кусочек свинины. Поднеся мясо к самому рту дочери, она сказала:

— Ну, давай, скажи: «А-а-а». Съешь это.

Не открывая рта, жена пристально посмотрела на свою мать глазами, полными недоумения перед такой настойчивостью с ее стороны.

— Давай, открой рот. Не хочешь этого? Тогда вот это.

Теща взяла палочками кусочек жареной говядины. Жена по-прежнему сидела с закрытым ртом, и тогда теща опустила мясо и ухватила устрицу.

— Ты же с детства любила это. Как-то даже сказала мне, что хотела бы досыта наесться устрицами…

— Да, и я это помню. Поэтому, как увижу где-нибудь устрицы, так сразу мысли о Ёнхе появляются.

Свояченица пришла на помощь матери, словно отказ младшей сестры есть устрицы в остром соусе — самая большая беда, какая только может случиться. Палочки с устрицей на конце приближались ко рту жены, и она отодвинулась назад.

— Ешь скорее. Рука устала держать…

Рука тещи и в самом деле дрожала. Жена не выдержала и поднялась со своего места.

— Я это не ем.

Это были первые слова, четко произнесенные ею.

— Что?!

Возгласы тестя шурина, обладающих одинаковым сангвиническим темпераментом, раздались

одновременно. Жена шурина быстро схватила мужа за рукав.

— Гляжу я на тебя, и сердце разрывается. Тебе все равно, что говорит отец? Сказано тебе есть, значит, надо есть.

Я предполагал, что жена ответит: «Извините, отец. Но я не могу это съесть». Однако в равнодушной интонации, с какой она ответила отцу, извинительные нотки отсутствовали:

— Я не ем мясо.

Палочки потерявшей надежду тещи опустились. Казалось, ее состарившееся лицо вот-вот скривится в отчаянном плаче. Нависла тишина, готовая тут же взорваться. Тесть поднял свои палочки. Ухватив ими кусок свинины, он обошел стол и встал перед моей женой.

Крепкого сложения, закаленный ежедневной работой, он стоял ко мне спиной, сгорбленной неумолимым временем, и держал мясо прямо у лица дочери.

— Ну, давай, съешь это. Послушайся отца, поешь. Мы все ради твоего же блага стараемся. Ну, чего ты упрямишься? А что будешь делать, если ненароком заболеешь от всего этого?

В его словах звучала такая сильная отцовская любовь, что у меня защемило сердце и невольно

защипало в глазах. Должно быть, все собравшиеся почувствовали то же самое. Жена одной рукой отодвинула от своего лица палочки, мелко дрожавшие в воздухе.

— Отец, я не ем мясо.

Мгновение — и мощная ладонь тестя разрезала воздух. Жена получила пощечину.

— Отец! — закричала свояченица и схватила его за руку. Тесть, еще находясь в нервном возбуждении, стоял, кривя губы. Я знал, что когда-то он отличался крутым нравом, однако увидеть своими глазами, как он распускает руки, довелось впервые.

— Чон собан[5] и ты, Ёнхо, идите оба сюда.

Поколебавшись, я нерешительно подошел к жене. Удар был такой силы, что ее щека налилась кровью. Она тяжело дышала — казалось, она только сейчас потеряла самообладание.

— Держите ее вдвоем за руки.

— Что?

— Стоит только начать, а дальше сама будет есть. Где сейчас под небом найдется тот, кто не ест мяса?

Шурин поднялся со своего места, недовольный

---

[5] Примечания: 5

Собан — добавляется к фамилии женатого мужчины. Как правило, это обращение к младшему по возрасту.

приказом отца:

— Сестра, попробуй съесть. Ведь это просто — сказать «да» и сделать вид, что ешь. Ну почему ты так ведешь себя перед отцом?

— Что ты там болтаешь? Хватай ее за руки. И ты, зять, тоже! — закричал тесть.

— Отец, зачем же так?

Свояченица взяла его за правую руку. Он отбросил в сторону палочки, схватил пальцами кусок свинины и подошел к моей жене. Та начала нерешительно пятиться, но ее схватил Ёнхо, поставил прямо и сказал умоляющим тоном:

— Сестра, давай по-хорошему. Возьми и съешь сама.

— Отец, пожалуйста, не надо!

Тесть вырвался из рук свояченицы с силой, в три раза превышающей ту, с какой она тянула его назад и с какой Ёнхо держал мою жену, и попытался засунуть ей в рот мясо. Жена застонала сквозь стиснутые зубы. Казалось, она не может произнести ни слова, боясь, что кусок окажется во рту.

— Отец!

Ёнхо кричал, просил тестя остановиться, но сам в растерянности продолжал крепко держать ее.

Тесть с силой вдавливал мясо в губы моей

мучительно извивающейся жены. Сильными пальцами он сумел раскрыть ее губы, но со стиснутыми зубами ничего поделать не мог.

В конце концов, от злости, поднявшейся в нем до самой макушки, он еще раз ударил дочь по щеке.

— Отец!

Свояченица бросилась к тестю, обхватила его за пояс, но в этот момент ему удалось запихать кусок свинины в рот моей жены разжавшей зубы. Однако Ёнхо, уже уставший ее держать, ослабил хватку, и она с отвращением выплюнула мясо. У нее вырвался крик, напоминающий звериный рев.

— ...Пусти!

Жена, согнувшись, побежала, как я подумал, в сторону прихожей, однако вдруг повернулась и схватила нож для фруктов, лежащий на обеденном столе.

— Ёнхе!..

Голос тещи, готовый сорваться, разрезал убийственную тишину. Дети уже не могли сдерживать слезы и разревелись.

Жена стояла, стиснув зубы. Посмотрев в глаза каждому, кто наблюдал за ней, она подняла нож.

— Остановите ее...

— Берегитесь!

Из запястья жены фонтаном брызнула кровь. На белые тарелочки, как капли дождя, пролилась багровая кровь. У жены подогнулись колени, она осела на пол. Отнял у нее нож свояк, до этого сидевший с безразличным видом.

— Чего стоишь? Принеси хоть полотенце, что ли!

Он умело, демонстрируя навык бойца, служившего в армейском спецназе, остановил кровь, а затем взвалил жену на спину.

— Спускайся скорее вниз и заводи машину.

Я суетливо искал свою обувь среди других пар. Всунул правую ногу в левую туфлю. Наконец, обувшись правильно, смог открыть дверь и выйти из квартиры.

* * *

...Собака, укусившая меня за ногу, привязана к мотоциклу отца. Я стою у ворот дома с плотной повязкой на голени. Под повязкой опаленная шерсть с хвоста этой собаки, наложенная на рану. Душный летний день. Пот течет по всему телу, даже когда просто стоишь. С трудом дышит и собака, высунув длинный красный язык. Это симпатичный белый пес, ростом выше ме-

ня. До того как он укусил дочь хозяина, в нашей округе все считали его умным животным. Отец подвесил собаку на дерево и, слегка подпалив ее шерсть, сказал, что не собирается сильно ее бить. Он где-то слышал, что самое нежное мясо у собаки, которая умерла от долгого бега. Отец завел мотоцикл и на большой скорости сорвался с места. И собака помчалась вместе с ним. Сделали два круга, три круга по одному и тому же пути. Я стою у ворот как вкопанная и смотрю на белую собаку — как она постепенно теряет силы, как задыхается, как крутит зрачками. Каждый раз, когда наши взгляды встречаются, я шире раскрываю глаза.

Гадкий пес. Как ты посмел укусить меня?

После пятого круга у собаки изо рта появляется пена. С шеи, обвязанной веревкой, стекает кровь. Собаку тянет мотоцикл, она волочится, поскуливая от боли. На шестом круге ее рвет темно-красной кровью. И с шеи, и изо рта льется кровь. Я стою прямо и смотрю на кровавую пену, на два блестящих глаза. Седьмой круг, я жду, когда появится пес, и вижу его вытянувшееся тело, брошенное отцом на заднее сиденье мотоцикла. Я стою и смотрю на болтающиеся лапы, открытые веки, налитые кровью глаза.

В тот вечер в нашем доме устроили большое застолье. На ужин явились все знающие отца мужчины, что жили в переулке рядом с рынком. Как мне сказали — чтобы зажила рана от укуса собаки, надо поесть похлебки из нее, и я попробовала. Вернее, я положила вареный рис в суп, перемешала и съела все без остатка. В нос бил специфический запах, и его не смог полностью перебить даже аромат семян кунжута. Помню, как увидела в миске с похлебкой блестящие глаза — они смотрели прямо на меня. Это были глаза бегущего пса, которого рвет кровавой пеной.

Со мной ничего не случилось, я не заболела. Со мной действительно совсем ничего не случилось.

* * *

Женщины остались дома, чтобы успокоить испуганных детей, шурин приводил в чувство тещу, упавшую в обморок, а мы со свояком помчались в ближайшую клинику за неотложной помощью. Лишь после того как в приемном покое были выполнены все необходимые формальности и жену поместили в обычную двухместную палату, мы оба осознали, что вся наша одежда в пятнах засохшей крови.

Жена спала, в ее правой руке была игла от ка-

пельницы. Мы со свояком молча смотрели на лицо моей спящей жены. Смотрели так, словно на нем написан какой-то ответ. Словно этот ответ можно расшифровать, если смотреть все время, не отрываясь.

— Поезжайте домой.

— …Да, поеду.

Свояк как будто хотел сказать мне что-то, однако сдержался. Я полез в карман, зацепил пальцами две бумажки по десять тысяч вон и протянул ему:

— В таком виде не стоит идти, купите что-нибудь в магазине внизу и переоденьтесь.

— А ты?.. Да, как жена соберется сюда, я скажу, чтобы прихватила с собой что-нибудь из моей одежды.

К ужину пришли свояченица и Ёнхо с женой. Сообщили, что тесть до сих пор не успокоился. Теща все порывалась ехать в больницу, но, по словам шурина, он запретил ей даже думать об этом.

— Как вообще такое могло произойти, да еще на глазах у детей?

Жена шурина, видимо, недавно плакала то ли от потрясения, то ли по другой причине, но с ее лица была смыта косметика, и глаза выглядели

опухшими.

— Ваш отец уж слишком погорячился. Как можно бить дочь прямо перед зятем? Он и раньше позволял себе такое?

— Он вообще крутого нрава… Ёнхо весь в него, разве ты еще не поняла? Но отец с возрастом как будто остепенился.

— Зачем на меня-то напраслину возводить? — перебил сестру Ёнхо, но ответа не получил.

— К тому же Ёнхе с самого детства росла послушная, не смела даже пикнуть перед отцом, вот он и растерялся, не ожидая такого.

— То, что он решил силой заставить ее есть мясо, конечно же, чересчур, но почему сестра так упорно сопротивлялась? И нож зачем-то схватила… Я впервые в жизни видела такое. Не знаю, как теперь смотреть ей в глаза.

Пока свояченица присматривала за женой, я переоделся в футболку свояка и направился в сауну поблизости. Почерневшая кровь, засохшая на моем теле, смылась под душем. Окружающие бросали в мою сторону подозрительные взгляды. Меня тошнило от этого. Вся эта ситуация была мне противна. Казалось, я нахожусь в каком-то нереальном мире. Меня охватила ненависть к жене, и это чувство было сильнее страха и рас-

терянности.

После ухода свояченицы в палате остались я, жена, старшеклассница, поступившая в больницу с прободением язвы желудка, и ее родители. Сидя у изголовья жены, я спиной чувствовал на себе их косые взгляды, слышал, как они то и дело о чем-то шушукаются. Но это длинное воскресенье скоро закончится, и наступит понедельник. И тогда можно будет больше не видеть эту женщину. Завтра мое место займет свояченица, а послезавтра жену выпишут. Выписка означает, что мне придется жить вместе с этой странной и страшной женщиной в одной квартире. Мне было это трудно принять.

На следующий вечер в девять я отправился в больницу. Свояченица встретила меня с улыбкой:

— Устали, должно быть.

— А ребенок с кем?..

— Сегодня папа Чиу не пошел на работу.

Устроил бы кто-нибудь из коллег совместный ужин с выпивкой, как это часто бывает у нас после рабочего дня, я бы не оказался в палате в такое время. Но неделя только началась, никаких мероприятий в понедельник не планировалось. Недавно закончили срочный проект, поэтому и

в сверхурочной работе также не было необходимости.

— Как жена?

— Спала все время. Не отвечает ни на какие вопросы. Поела хорошо… Думаю, все будет нормально.

Ее особая любезная манера говорить, всегда бравшая меня за сердце, немного сгладила мое раздражение. Через полчаса после ухода свояченицы я развязал галстук подумал, что надо бы помыться, как вдруг в дверь постучали.

К моему удивлению, в палату вошла теща.

— …Вы уж простите нас за все.

Это было первое, что она выдохнула, подойдя ближе.

— Да что вы такое говорите? Как вы себя чувствуете?

Теща тяжело вздохнула:

— Не думала, что на старости лет нам придется такое пережить…

И протянула мне полиэтиленовую сумку.

— Что это?

— Это я еще до приезда в Сеул приготовила. Ёнхе несколько месяцев не ела мяса, вот я и подумала, что исхудала она небось… Здесь для вас двоих, принимайте вместе. Это эликсир из мяса

черной козы[6]. Узнай мать Чиу, так не пустила бы, вот я и вышла с этой сумкой незаметно. Скажи Ёнхе, что это препарат китайской медицины, и попробуй скормить. В нем много всяких трав и лекарственных добавок, поэтому и запаха не должно быть. И без того высохла вся, в чем только душа держится, а тут еще столько крови из нее вытекло…

Неиссякаемая материнская любовь обескуражила меня.

— Здесь есть микроволновка? Схожу к медсестре, узнаю.

Теща достала из сумки пакетик с настойкой и вышла. Чувствуя, как раздражение, которое с трудом улеглось благодаря свояченице, снова поднимается во мне, я скомкал галстук.

Не прошло много времени, как проснулась жена. Хорошо, что это произошло в присутствии тещи, а не тогда, когда я был один. Только теперь я понял, как мне повезло, что она явилась сюда.

Жена сначала встретилась глазами с матерью, а не со мной, сидящим у ее ног. Теща как раз входила в палату и вдруг радостно улыбнулась; что выражало лицо жены, понять было трудно.

---

[6] Примечания: 6

В Корее считается полезной пищевой добавкой, которая способствует укреплению ослабленного организма.

От того, что она проспала весь день, она казалась довольно спокойной, и то ли благодаря капельнице, то ли просто лицо посветлело, но выглядела она лучше, чем вчера.

Держа дымящуюся настойку в бумажном стакане, теща подошла к жене и схватила за руку.

— Доченька моя…

Ее глаза наполнились слезами.

— Выпей это. Ведь ни кровинки в твоем лице.

Жена послушно взяла стаканчик.

— Это китайское лекарство. Приготовила для тебя, чтоб ты поправилась скорее. Помнишь, давно, еще до замужества, ты пила такой эликсир для укрепления здоровья?

Жена понюхала содержимое стакана и помотала головой:

— Но это не китайское лекарство.

Равнодушно и печально, глядя какими-то жалостливыми глазами, она вытянула руку, возвращая матери стакан.

— Это китайское лекарство, правда. Ну, давай, зажми нос и выпей.

— Не буду.

— Выпей, прошу тебя. Это мое заветное желание. Ведь даже желание умершего человека нужно выполнять, не так ли? А тут мать просит.

Теща поднесла стакан к губам дочери.

— Это на самом деле китайское лекарство?

— Да, говорю же тебе.

Поколебавшись, жена зажала нос и глотнула черную жидкость.

— Пей, пей, еще! — воскликнула обрадованная теща. Ее глаза заблестели из-под морщинистых век.

— Хватит, допью позже.

Жена снова легла.

— Хочешь съесть что-нибудь? Принести сладкое, заесть лекарство?

— Не надо.

Однако теща не успокоилась, спросила меня, где находится магазин, и тут же выбежала из палаты. Жена откинула одеяло, поднялась.

— Ты куда?

— В туалет.

Я взял прозрачный мешочек с раствором для капельницы и последовал за ней. Жена как-то прицепила его в кабинке и закрыла дверь. Там она вместе со стоном извергла из нутра все то, что выпила.

Пошатываясь, она вышла из кабинки. От нее противно пахло желудочным соком и прокисшей едой. Я не подал ей мешочек с раствором, и ей

пришлось взять его левой рукой, перевязанной бинтом, и от того, что она не могла поднять его достаточно высоко, раствор потихоньку потек в обратном направлении. Жена медленно заковыляла в палату и там подняла с пола оставленную тещей сумку с пакетиками настойки из мяса черной козы. Она взяла ее правой рукой, в которой была игла от капельницы, но не придала этому никакого значения. С этой сумкой она вышла в коридор, и мне совершенно не хотелось знать, что она задумала.

Вскоре в палату ворвалась теща, заставив старшеклассницу и ее мать нахмурить брови от шума открываемой двери. В одной руке она держала пакет с печеньем, в другой — сумку с черными подтеками, с первого взгляда на которую можно было понять, что за жидкость там находится.

— Чон собан, почему вы не помешали ей? Разве вы не видели, что она собирается сделать?

Мне захотелось оставить их и уйти домой.

— …Да ты хоть знаешь цену этому лекарству? Подумать только — взять и выбросить! Эти деньги отец с матерью заработали потом и кровью. И после этого ты хочешь называться моей дочерью?

Я видел прозрачный мешочек с раствором для

капельницы, куда лилась красная кровь жены, стоящей согнувшись в проеме двери.

— Ты только посмотри на себя. Не будешь есть мясо, тогда съедят тебя. Взгляни в зеркало, говорю тебе, и увидишь, что с тобой сталось.

Пронзительный голос тещи стал тише, в нем послышались рыдания.

Жена равнодушно легла в кровать, словно перед ней плакала чужая женщина и поэтому ей до нее не было дела. Натянув одеяло до самого подбородка, она закрыла глаза. И только после этого я взял мешочек с раствором, наполовину окрашенным кровью в алый цвет, и подвесил на штатив для капельницы.

* * *

Не знаю, почему плачет эта женщина. Не знаю, почему она вглядывается в мое лицо, словно хочет проглотить меня. И почему дрожащими руками гладит повязку на моем запястье, тоже не знаю.

Рана на запястье не болит. Вообще не беспокоит. Что болит, так это душа. Что-то застряло под ложечкой. Не знаю, что именно. Всегда стоит в этом месте. Уже и бюстгальтер не ношу, а этот ком чувствую. Как бы глубоко ни дышала,

на душе легче не становится.

Какие-то крики, завывания слились, образовав одно целое, и застряли там, под ложечкой. И все из-за мяса. Я ела слишком много мяса. Души всех этих животных скопились в этом месте. Это точно. Кровь и мясо переварились и разнеслись по всем уголкам тела, непереваренное превратилось в отходы, и только эти души настойчиво цепляются за впадину между ребрами.

Один раз, хотя бы раз хочется громко закричать. Хочется выскочить в темное окно. Может, тогда и этот ком выскользнет из меня? Может такое случиться?

Никто не может мне помочь.

Никто не может меня спасти.

Никто не может дать мне возможность дышать.

* * *

Посадив тещу в такси, я вернулся в палату. Там было темно. Уставшие от шума и суеты старшеклассница и ее мать, рано выключив телевизор и свет, задернули шторку, огораживающую их

угол. Жена спала. Я лег на тесный топчан[7] и постарался уснуть. С чего начать, что делать, как навести порядок — я не знал, за что зацепиться. Лишь одно было ясно. Такого со мной не должно происходить.

Ненадолго забывшись, я увидел сон. Я убивал кого-то. Воткнув нож в живот, распорол его и вытащил оттуда длинные скрученные кишки. Затем срезал мягкую плоть и мышцы, оставив только скелет, как оставляют кости после съеденной рыбы, очнувшись, я забыл, кто этот человек, убитый мной.

Была еще ночь. Поддавшись странному порыву, я откинул одеяло, под которым лежала жена. Вгляделся в нее в кромешной темноте. Ни лужи крови, ни вырванных кишок не увидел. С кровати напротив доносилось сопение, но жена, к моему удивлению, не издавала никаких звуков. Чувствуя странную дрожь, я коснулся указательным пальцем впадинки над ее верхней губой. Она была жива.

Я снова уснул, а когда пробудился, палату заливал свет.

---

[7] Примечания: 7

В корейских больницах за больным, как правило, ухаживают родственники. Они спят рядом с больным на топчанах, которые утром задвигаются под кровать.

— Вы так крепко спали… Даже не слышали, как разносили завтрак, — сказала молодая мать старшеклассницы.

В ее голосе слышались жалостливые нотки. Я увидел на кровати поднос с завтраком. На мисках и маленьких тарелочках остались закрытые крышки. Куда ушла жена, даже не притронувшись к еде? И капельницу бросила; на конце длинной тонкой трубочки висела игла, испачканная кровью.

— Куда она ушла? — спросил я, вытирая слюну, засохшую в уголке рта.

— Ее уже не было, когда мы проснулись.

— Что? Ну, а почему вы тогда не разбудили меня?

— Вы казались таким утомленным… Должно быть, на это есть причины. Мы так подумали.

У молодой матери раскраснелось лицо, словно она расстроилась или даже рассердилась.

Я быстро привел в порядок свою одежду и выскочил из палаты. Пробежал, высматривая жену, по длинному коридору, мимо лифта, но ее нигде не было. Стало тревожно. Я договорился в офисе, что в этот день приду на два часа позже, и за это время собирался оформить выписку жены из больницы. А затем, по дороге домой, хотел

предложить ей считать сном все, что произошло за это время, тем самым утешив ее и самого себя. Я сел в лифт, спустился на первый этаж. И в вестибюле жены не было. Двор больницы, куда я, запыхавшийся, выбежал, оглядываясь по сторонам, заполнили больные, закончившие свой завтрак. Они вышли подышать прохладой раннего утра. То ли от того, что они уже давно лежали в больнице, то ли по какой-то другой причине, но лица их показались мне уставшими и грустными, хотя каждый держался спокойно. Подходя к фонтану, в котором не было воды, я увидел людей, собравшихся в одном месте и шумно обсуждавших что-то. Протиснувшись между ними, я оказался в первом ряду зрителей.

На скамейке рядом с фонтаном сидела жена. Сняв рубашку от больничной пижамы, она положила ее на колени, выставив всем на обозрение костлявые ключицы и высохшие груди с бледно-коричневыми сосками. Развязав повязку на запястье левой руки, она потихоньку облизывала стежки, будто кровь могла просочиться через наложенный шов. На ее лицо и обнаженные части тела падали лучи солнца.

— И давно она так сидит?

— Господи… Она из психиатрического отделе-

ния, должно быть. И ведь молодая такая.

— А что у нее в руке?

— Вроде нет ничего.

— Есть. Кажется, она что-то крепко зажала в кулаке.

— О, посмотрите. Появились, наконец-то.

Оглянувшись, я увидел средних лет охранника и медбрата, с озабоченными лицами бегущих в нашу сторону.

Я стоял и наблюдал за происходящим, будто посторонний, будто один из толпы любопытных, что собрались здесь. Стоял и смотрел на казавшееся изможденным лицо жены, на ее губы, измазанные кровью, словно она небрежно прошлась по ним помадой. Ее блестящие, как будто наполненные водой глаза, безучастно смотревшие на людей, встретились с моими.

Вдруг пришла мысль, что я не знаю эту женщину. И это была правда. Я не лгал. Однако ответственность, с которой мне не удалось совладать, по инерции направила к ней мои непослушные ноги.

— Послушай, что ты делаешь, а? — тихо прошептал я ей, взял рубашку с ее колен и прикрыл лишенную привлекательности грудь.

— Жарко…

Жена едва заметно улыбнулась. Тихой улыбкой, свойственной только ей — женщине, которую, как я считал, хорошо знаю.

— Я разделась, потому что жарко, только и всего.

Левой рукой с четкой линией шрама жена закрылась от солнечных лучей, падающих на лоб.

— …Разве нельзя?

Я раскрыл ее правую руку, сжимающую что-то. На скамью упала птичка, которой жена сдавливала шею. Это была маленькая белоглазка, помятая, с оборванными кое-где перышками. Под глубокими следами от зубов, будто оставленных хищником, алела кровь.

Монгольское пятно

* * *

На сцене опустился темно-фиолетовый занавес. Полуобнаженные танцоры энергично махали руками, пока зрители видели их. Зал громко аплодировал, раздавались даже крики «браво!», но на бис артистов не вызвали. Овации мгновенно стихли, и зрители, взяв свои вещи и одежду, друг за другом потянулись к выходу. Выпрямив скрещенные ноги, поднялся и он. За все пять минут оваций он ни разу не похлопал. Лишь молча, сложив руки на груди, следил за глазами и губами танцоров, жаждущих восторгов публики. Их старания вызывали у него жалость и уважение, но аплодировать хореографу он не хотел.

Пересекая фойе, он бросил взгляд на афишу, уже утратившую свою актуальность. В центральном книжном магазине он случайно увидел этот плакат с рекламой балетного спектакля и задрожал всем телом. Волнуясь, что может не попасть на последнее представление, торопливо заказал билет по телефону. Плакат представлял собой фотографию обнаженных мужчины и женщи-

ны, сидящих вполоборота к зрителю. Их тела от шеи до ягодиц были разрисованы красными и голубыми цветами, буйно растущими стеблями и листьями. Изображение испугало его, возбудило и подавило. Ему не верилось, что образ, который он вынашивал почти год, смог воплотить совсем незнакомый ему человек — хореограф. Удалось ли этому человеку раскрыть образ так, как привиделось во сне ему самому? До тех пор, пока в зале не погас свет и не началось представление, напряжение сковывало его так сильно, что не хватило сил даже глотнуть воды.

Однако это было не то. Продвигаясь по фойе, которое заполнили люди из мира балета, великолепные на вид, открытые к общению, он, сторонясь их, прошел к выходу, соединявшему театр со станцией метро. В электронной музыке, роскошных театральных костюмах, в сексуальных движениях и слишком откровенных позах танцоров, несколько минут назад державших в своей власти зал, он не нашел того, чего искал. А искал он нечто более умиротворяющее, более таинственное, более пленительное, более проникновенное.

В воскресный вечер метро казалось тихим и просторным. Держа в руках театральную про-

граммку с той же фотографией, что и на афише, он встал у дверей вагона. Дома его ждали жена и четырехлетний сын. Он знал, что жена надеялась провести выходной вместе, всей семьей, но он отдал этому представлению целый день. Была ли от него какая-то польза? Если да, то она заключалась в том, что он, в очередной раз ощутив разочарование, в конце концов, понял: никто, кроме него самого, не осуществит эту идею. И вообще, сможет ли кто-то другой, не он сам, выразить увиденное им во сне? Его охватила досада, похожая на горечь, испытанную им недавно во время просмотра похожего видео из инсталляции японского художника И. Там была сцена группового секса, в которой более десятка обнаженных мужчин и женщин, чьи тела, разрисованные пестрыми красками, под психоделическую музыку, соответствующую замыслу автора, страстно стремились овладеть друг другом. Они не переставая судорожно дергались, как рыбы, выброшенные на берег и жаждущие воды. Конечно, и он, бывало, испытывал такую жажду. Но выражать это состояние подобным способом ему не хотелось. Совершенно точно, ему хотелось иного.

В какой-то момент поезд промчался мимо его

станции. С самого начала он не собирался выходить. Засунув программку в сумку, висевшую на плече, он спрятал в карманы куртки кулаки и стал смотреть на отражавшуюся в окне картину происходящего в вагоне. Он без труда отдавал себе отчет в том, что средних лет мужчина, бейсболкой прикрывший начинающие выпадать волосы, а курткой — заметно выступающий живот, — это и есть он сам.

* * *

Дверь в студию очень кстати оказалась закрытой. В воскресенье после полудня крайне редко, но удавалось поработать одному. Комната размером около двадцати пяти квадратных метров, предоставленная им К., участником движения корпоративного меценатства, находилась на минус втором этаже их главного офиса, и занимали это пространство четыре художника, каждый из которых творил что-то, уткнувшись в свой компьютер. Он был бесконечно признателен меценатам за возможность бесплатно пользоваться дорогостоящим оборудованием, однако, по натуре чувствительный к любым окружающим его деталям, он мог отдаться полностью работе только в одиночестве, из-за чего испытывал большие

неудобства.

Легкий щелчок, и дверь открылась. В темноте нащупав на стене выключатель, он зажег свет. Запер дверь на ключ, снял кепку, куртку, скинул сумку с плеча и, прикрыв ладонями губы, некоторое время походил по узкому проходу между столами, после чего уселся перед компьютером и потер лоб. Затем открыл сумку и достал программку недавнего представления, альбом для эскизов и видеокассету. Эта кассета, на этикетке которой были написаны его имя, домашний адрес и даже номер телефона, хранила в себе все видеоролики, созданные им почти за десять лет. Прошло уже два года, как он закончил последнее произведение и записал его на эту кассету. Два года — не столь критически долгий перерыв, однако для него это был невынужденный простой, который не мог не бередить душу.

Он раскрыл альбом для эскизов. Несколько десятков страниц занимали наброски, по замыслу не отличающиеся от изображения на программке, но совершенно другие по настроению и восприятию. Обнаженные тела мужчины и женщины были ярко разрисованы нежными и округлыми лепестками, возбуждающие позы выглядели весьма откровенно. Все это смотрелось

бы просто как вызывающие желание порнографические рисунки, если бы не сухопарая фигура мужчины — напряженные мышцы бедер, плотно сжатые ягодицы и крепкий торс, — свойственная танцору балета. Тела — лица отсутствовали — он изобразил крепкими и спокойными настолько, что они подавляли сексуальное возбуждение.

Этот образ явился в один миг — прошлой осенью, когда интуиция подсказывала, что он должен, чего бы это ему ни стоило, покончить с убийственным состоянием, длившемся около года, когда он почувствовал, как энергия, закручиваясь, начала потихоньку подниматься в нем из самого нутра. Однако он не мог предположить, насколько исключительным окажется этот образ. Все его предыдущие работы были выполнены в весьма реалистичной манере. Для него, с помощью трехмерной графики и документальных картин создававшего сцены повседневной жизни человека, истасканного и разодранного посткапиталистическим обществом, этот чувственный, просто чувственный образ казался чем-то чудовищным.

Эта идея могла и не прийти к нему. Если бы жена в тот воскресный вечер не попросила его помыть сына. Если бы после того, как он вынес

его из ванной, обернув в огромное полотенце, он не увидел, как жена надевает на сына трусики, и не спросил: «Монгольское пятно до сих пор еще довольно большое. Когда же оно сойдет?» Если бы жена без всякого умысла не сказала: «Не знаю… Не помню точно, когда оно исчезает, но у Ёнхе, кажется, аж до двадцати лет оставалось». Если бы на его вопрос: «До двадцати?» — не последовало: «Да… Как и было сначала, размером с большой палец, голубое такое. В двадцать пятно еще оставалось и сейчас, может быть, все еще на своем месте». Именно в этот миг его потрясенное воображение нарисовало картину: из копчика женщины выходит, раскрываясь, голубой цветок. Монгольское пятно на ягодицах свояченицы и любовная сцена между мужчиной и женщиной, чьи тела сплошь разрисованы цветами, вдруг оказались соединены до невозможности точной и ясной причинно-следственной связью и отпечатались в его памяти.

В своем альбоме он рисовал безликую женщину, но перед его глазами стояло лицо свояченицы. Именно ее лицо должно было быть здесь. Впервые он изобразил ее, представив обнаженное тело, которое никогда не видел, и, нарисовав на ягодице маленькое голубое пятно, похожее

на лепесток, вместе с легкой дрожью испытал эрекцию. После женитьбы, особенно когда перевалило за тридцать пять, это было едва ли не первое страстное сексуальное желание, испытанное им, и при этом четко виделся его объект. Но кто же тогда безликий мужчина, крепко обнявший женщину за шею, словно он душит ее, и в сидячей позе проникающий в нее? Он представлял себя, это должен быть он сам. От этих мыслей гримаса искажала его лицо.

* * *

Он долго искал ответ на вопрос: как убежать от этого образа. Однако он уже не мог без него обходиться. Для него не существовало другого столь же страстного и пленительного образа. Ни с чем другим ему работать не хотелось. Все выставки, фильмы, представления и подобные им события казались незначительными. Только лишь потому, что не имели отношения к этому образу. Он то и дело размышлял, словно грезил, как превратить его в реальность. Попросил друга, тоже писавшего картины, какое-то время дать ему поработать в его мастерской, установил освещение, приготовил краски для тела, белое покрывало… И если дальше развивать мысль, то

оставалось самое главное — убедить свояченицу. Он долго терзался, перебирал все варианты, думал, не заменить ли ее другой женщиной, как вдруг его пронзил явно запоздалый вопрос: как он может поставить и снять порнографию, очевидную порнографию? Даже не свояченица, а просто какая-то женщина и то вряд ли примет такое предложение. Тогда, выходит, надо за большие деньги нанимать профессиональных актеров? Даже если он, сто раз пойдя на уступки, снимет желаемое, удастся ли ему этот фильм выставить на всеобщее обозрение? До сих пор он допускал, что своими произведениями, расшатывающими устои общества, может навлечь на себя беду, однако о том, что окажется в шкуре того, кого заклеймят как создателя непристойностей, еще не думал.

Казалось, если бы не этот образ, ему не пришлось бы страдать и волноваться, испытывать неудобства, тревоги, мучительные сомнения, и не было бы нужды копаться в себе, проверять свои чувства. И он не боялся бы потерять все, даже семью, все, что достигнуто им, пусть и не столь значительное, по собственной воле из-за одного опрометчивого шага. Все эти терзания раскололи его представление о самом себе, ли-

шили уверенности. Нормальный ли он человек? Достаточно ли добропорядочный? Сильный ли он мужчина, в состоянии ли контролировать самого себя? Прежде он думал, что знает точные ответы на эти вопросы, но теперь он уже ничего не знал.

Раздался щелчок открываемой двери, и он захлопнул альбом с эскизами и притянул к себе. Он не хотел, чтобы рисунки или какие-то наброски даже случайно попались кому-то на глаза. Раньше за ним, не скупившимся на демонстрацию своих эскизов и задумок, такое не замечалось.

— Сонбэ![8]

Вошел младший коллега Ч.; свои длинные волосы он туго скручивал в пучок.

— Надо же, а я думал, в студии никого не будет.

В ответ он нарочито спокойно откинулся назад и выдавил улыбку.

— Хотите кофе? — спросил Ч., доставая из кармана монеты. Он покачал головой. Молодой человек направился к автомату, а он оглядел студию, пространство которой теперь уже перестало принадлежать ему одному. Волнуясь, что обнаружится его лысеющая макушка, он нахлобучил кепку. Казалось, сейчас из него вырвется

---

[8] Примечания: 8

Обращение младшего к старшему товарищу, окончившему одно и то же учебное заведение.

что-то, похожее на крик, как кашель, с трудом сдерживаемый внутри. Поспешно сложив в сумку свои вещи, он выскользнул из студии. Чтобы не столкнуться с Ч., он чуть ли не бегом кинулся к лифту напротив запасной лестницы. Глядя на свое лицо, отразившееся на гладкой, как зеркало, поверхности лифтовой двери, он подумал, что его налитые кровью глаза выглядят так, словно он только что плакал. Перебирая в памяти прошлое, он попытался вспомнить хотя бы один случай, когда лил слезы в студии, но так и не смог. После этого ему захотелось плюнуть в эти глаза с красными прожилками. Захотелось хлестать по щекам с темными полосками усов до тех пор, пока не брызнет кровь, захотелось с силой ударить ногой и до крови разбить уродливые губы, опухшие от страстного желания.

* * *

— Что-то поздно вы вернулись.

Такими словами встретила его жена, стараясь спрятать свое расстроенное лицо. Сын то ли обрадовался, то ли нет, непонятно, и опять сосредоточился на своей игре с пластмассовым экскаватором.

Жена держала магазинчик с косметически-

ми товарами на оживленной университетской улице, но после рождения ребенка ей пришлось нанять продавщицу, а самой по ночам вести бухгалтерию. Однако с прошлого года сын пошел в детский сад, и она вернулась к своему бизнесу. Из-за этого его жену никогда не покидала усталость, но по природе своей она относилась к очень терпеливым женщинам. Выделить ей всего один день, воскресенье — это была едва ли не единственная ее просьба к нему.

— Я тоже хочу немного отдохнуть… Да и вам следует проводить время с ребенком, не так ли?

Он знал, что только с ним она может разделить все заботы о сыне, семье. Бывало, он с благодарностью думал о жене, которая без единого упрека тянула на себе груз домашних дел и свой бизнес. Однако в последнее время, стоило ему только взглянуть на нее, перед ним вставало лицо свояченицы, поэтому дома он ни одной секунды не чувствовал себя спокойным.

— Вы ужинали?

— Перекусил.

— Надо есть как следует. Зачем перекусывать?

Он бросил холодный взгляд на ее лицо, выражавшее смирение. Глаза жены, в двадцать лет с небольшим сделавшей операцию по созданию

двойного века, стали выглядеть вполне естественно и казались глубокими и ясными. Овал лица и линию шеи он бы назвал красивыми. Кто знает, может, бизнес по продаже косметики, который она, будучи молодой девушкой, начала с крошечного магазинчика площадью восемь квадратных метров, год от года успешно развивался во многом благодаря ее приятной внешности и приветливости? Однако он знал с самого начала: что-то в жене не совсем отвечало его вкусу. И черты лица, и телосложение, и даже такие свойства характера, как предупредительность и благоразумие, — все соответствовало образу женщины, которая издавна виделась ему спутницей жизни, и он, так и не разобравшись, чего же все-таки ему не хватает, решил на ней жениться. О том, чего именно лишена жена, он ясно понял на первой встрече всех членов ее семьи, увидев свояченицу.

Обычные монголоидные глаза, голос чуть-чуть грубоватый и без прикрас, но не гнусавый, как у жены, непримечательная одежда и даже немного выступающие скулы — все в ней ему понравилось. В свояченице, которую по сравнению с женой вряд ли можно было назвать привлекательной, тем не менее ощущалась сила, как у

дикорастущих деревьев, еще не выпустивших свои ветки. Однако нельзя сказать, что у него тогда возникли какие-то недозволенные чувства по отношению к ней. Просто в голове пронеслись мысли, что она ему нравится, что, несмотря на внешнее сходство между сестрами, нечто совсем другое, нечто неуловимо изящное исходит от нее, вот и все.

— Накрывать на стол или нет? — настойчиво спросила жена.

— Я же сказал, что поел.

Уставший от своих сумбурных мыслей, он открыл дверь в ванную. В тот момент, когда пальцы нажали на выключатель, до него донеслись слова жены, брошенные вслед:

— Мало того что из-за Ёнхе душа болит, так еще и вы запропастились куда-то на весь день, а простуженный ребенок ни на шаг не отпускает от себя…

Вслед за вздохом раздался крик, обращенный к сыну:

— Ну что ты там делаешь? Говорю же, иди пить лекарство.

Зная, что, сколько ни зови, мальчик не послушается сразу, жена осторожно высыпала порошок в ложку и развела с сиропом клубничного цвета.

Он закрыл дверь ванной, повернулся и спросил:

— Что еще случилось с твоей сестрой?

— Ее муж все-таки подал на развод. Конечно, нельзя не понять господина Чона, но каким же бездушным надо быть. Такая досада берет! Как я погляжу, между мужьями и женами ничего хорошего нет, одна тоска.

— Я…

Он с трудом подбирал слова.

— Может, мне сходить к ней, поговорить?

Лицо жены прояснилось, она оживилась.

— Правда, можете сходить? Сколько ни звала ее к нам, не приходит. А если вы предложите встретиться, может, и согласится, ей неловко будет отказать вам… Хотя вряд ли она понимает, что такое неловкость. И как такое могло с ней произойти…

Он смотрел на лицо своей добросердечной, исполненной чувства ответственности жены, на то, как она осторожно, боясь пролить, несет ложку с лекарством для сына. «Хорошая она женщина», — подумал он. С самого начала жена всегда была хорошей женщиной. Однако именно от этого «хорошей» ему как раз и становилось тоскливо.

— Может, прямо завтра и позвоню ей.

— Дать номер телефона?

— Не надо. У меня есть.

Чувствуя, что сердце вот-вот разорвется, он закрыл за собой дверь в ванную. Разделся, глядя, как вода из душа с шумом падает на дно ванны. Он не занимался с женой сексом почти два месяца. И сейчас его член набух и поднялся не из-за жены.

Он представил себе комнату свояченицы, которую когда-то давно навестил с женой, представил, как она лежит, свернувшись калачиком, затем представил ее окровавленное тело, взваленное ему на спину, вспомнил ощущение от соприкосновения с ее грудью и бедрами, которое не мог забыть с того дня, представил монгольское пятно — оно должно выделяться на ягодице голубой меткой, как клеймо, стоит лишь немного приспустить ей брюки, — и вся кровь устремилась в низ живота. Он стоял и мастурбировал, с трудом подавляя разочарование, испытанное много раз. Встав под льющуюся воду, он стал смывать сперму, и то ли смех, то ли плач — что-то похожее на стон вырвалось из его рта. Вода оказалась слишком холодной.

* * *

Два года назад в начале лета свояченица в его доме вскрыла себе вены. Это произошло после переезда в новую, более просторную квартиру, где на обед собрались все родственники его жены. Члены ее семьи всегда с большим удовольствием ели мясо, и новость о том, что свояченица, вдруг решив стать вегетарианкой, с какого-то времени отказалась от него, очевидно, отняла покой у всех, начиная с ее отца. Свояченица похудела так, что вызывала жалость, и можно было понять ее близких, набросившихся на нее с укорами и наставлениями. Однако в то, что их отец, участник войны во Вьетнаме, дал пощечину дочери, не подчинившейся его воле, и насильно пытался запихнуть ей в рот кусок мяса, с какой стороны ни взгляни, было трудно проверить, как в сцену из спектакля театра абсурда.

Но что запомнилось отчетливей всего и испугало его, так это вырвавшийся у нее в этот миг крик. Выплюнув мясо, она схватила нож для фруктов и стала переводить взгляд с одного лица на другое. Ее глаза беспокойно бегали, как у животного, попавшего в когти хищника.

И когда наконец из ее запястья брызнула кровь,

он разорвал покрывало, стянул полоской ткани рану на руке и взвалил себе на спину ее тело, легкое, как у призрака. Сам удивляясь своей решительности и способности быстро действовать в такой ситуации, помчался с этой ношей к стоянке.

В те секунды, когда он не отрывал глаз от нее, в беспамятстве принимавшей от врачей неотложную помощь, что-то внутри него вдруг с треском отломилось и вышло из тела. Что это было за чувство, он до сих пор не мог толком объяснить. Кто-то на его глазах собирался уничтожить свою жизнь, выбросить как мусор, и кровь этого человека впиталась в его белую рубашку, слилась с его потом и понемногу высыхала, твердея и приобретая коричневый оттенок.

Он хотел, чтобы она выжила, но в то же время задавался вопросом, есть ли в этом смысл. В тот миг, решившись покончить с собой, она, наверное, почувствовала себя загнанной жизнью в угол, из которого уже не выбраться. Никто не мог ей помочь. Все люди: насильно кормившие ее мясом родители, наблюдавший за этим муж и даже сестра с братом — стали ей совсем чужими или вообще врагами. Даже если она сейчас очнется, для нее ничего уже не изменится. Она

попыталась убить себя импульсивно, но ведь это может повториться. Прояви она немного терпения, ей никто не смог бы помешать осуществить задуманное. Неожиданно он поймал себя на мысли, что не хочет ее пробуждения, что если она вернется к жизни, ситуация, скорее всего, станет неопределенной и даже невыносимой, и, может быть, ему захочется схватить ее, очнувшуюся, и выбросить в окно.

Когда кризис у свояченицы миновал, на деньги, полученные от ее мужа, он купил в магазинчике при больнице рубашку и переоделся. Пахнувшую кровью одежду он не выбросил, а свернул в комок и, когда садился в такси, держа этот комок, как мяч, вдруг вспомнил свою последнюю законченную работу. Его испугало, что она запомнится как произведение, которое причиняет невыносимую боль. В нем под музыку в сопровождении субтитров шли впечатляющие кадры — то, что он ненавидел, считая ложью: обилие рекламы и телевизионных сериалов, новости, лица политиков, разрушающиеся мост и здание универмага, бездомные люди и слезы детей, страдающих неизлечимой болезнью.

Неожиданно его затошнило оттого, что все эти созданные им образы, рождавшие ненависть,

разочарование, страдание, и часы, когда он бился дни и ночи напролет ради того, чтобы найти истоки этих чувств, он почувствовал как некое насилие. В этот миг его сознание вдруг вышло за пределы дозволенного и возникло желание открыть дверь такси, мчащегося на большой скорости, броситься на асфальт и откатиться прочь. Выносить все эти слепки действительности он был уже не в состоянии. Иными словами, когда он думал обо всем этом раньше, ему казалось, что его ненависть не проявилась в полной мере. Ему казалось, что от этих образов не исходит настоящая опасность. Однако этим душным летним днем в такси, которое везло его домой, запах крови свояченицы ударил ему в нос и старые образы вдруг обернулись для него угрозой, вызывая тошноту, не давая свободно вздохнуть. Именно тогда он подумал, что вряд ли сможет и дальше заниматься своим делом. Всего за один миг он почувствовал полное бессилие, белый свет опротивел, и все, что составляло его жизнь, показалось невыносимым.

Все произведения, сотворенные им почти за десять лет, потихоньку отдалялись от него. Они уже не принадлежали ему. Они перешли к человеку, которого он знал, или думал, что знал.

* * *

На другом конце молчали. Свояченица точно подняла трубку: вместе с каким-то постукиванием раздавались смутные звуки, похожие на дыхание.

— Алло, — он с трудом разлепил губы, — Ёнхе, это я. Ты слышишь? Мама Чиу, твоя сестра…

Презирая самого себя, с ужасом осознавая низость своего притворства и лицемерия, он продолжил:

— …уж очень она беспокоится о тебе, вот я и звоню.

Он коротко выдохнул в трубку, из которой не раздалось ни слова в ответ. Наверное, сейчас свояченица стоит босиком, как обычно. Пролежав в отделении психиатрии несколько месяцев, она выписалась и, пока все родственники хором утешали ее мужа, заявившего, что совместная жизнь с ней и его загонит тоже в больницу, приехала пожить к ним. Весь месяц — до того дня, когда она поселилась в маленькой арендованной квартирке, — они провели под одной крышей, но ее присутствие особых трудностей не создало, и почти не стесняло его. Это было до разговора с женой о ее монгольском пятне, поэтому он лишь

с сочувствием и недоумением смотрел на нее со стороны.

Молчаливая по натуре, свояченица проводила все дни на лоджии, греясь в солнечных лучах последних осенних дней. Бывало, она приводила в порядок цветочные горшки, собирала опавшие листья и измельчала их или, растопырив пальцы на руках, играла с тенями на полу. А когда жена крутилась на кухне, она вела Чиу в ванную и, стоя там босиком на холодном кафеле, умывала племянника.

Было трудно поверить, что это та же самая женщина, которая когда-то пыталась покончить с собой и которая потом обнаженная по пояс — очевидно, так проявлялось душевное расстройство после попытки самоубийства — как ни в чем не бывало сидела перед людьми? Хотя он сам взвалил ее, всю в крови, на спину и помчался в больницу, хотя пережитое в тот день произвело на него неизгладимое впечатление, ему казалось, что это несчастье произошло с другой женщиной и события разворачивались в другие времена.

Если и было в ней что-то не совсем обычное, так лишь одно: она по-прежнему не ела мясо. Из-за этого у нее с самого начала разладились отношения с родственниками, и все ее странные

поступки, вплоть до хождения топлес, последовали за этой первой переменой, поэтому ее муж утверждал: вегетарианство и есть доказательство того, что никаких признаков возвращения в нормальное состояние нет.

— Говорю вам, она лишь с виду стала мягкой и послушной, только и всего. И без того подавленную, ее каждый день пичкали лекарствами, вот она все больше и погружается в прострацию, а так изменений никаких нет.

Смущение в нем вызывало лишь то, что отношение свояка к их с ней совместной жизни выглядело слишком поверхностным, что он решил бросить жену запросто, как выбрасывают на помойку сломанные часы или домашние электроприборы.

— Только не считайте меня подлецом. Все, кого ни спроси, главным пострадавшим назовут именно меня.

Не согласиться с этими словами он не мог, поэтому придерживался нейтралитета, в отличие от жены. Та умоляла зятя повременить с официальным разводом и посмотреть, что будет дальше, но в ответ получила лишь равнодушный отказ.

Стирая из памяти лицо свояка — очень узкий лоб, срезанный подбородок, капризное выраже-

ние, — которое не понравилось ему с первого взгляда, он снова обратился ксвояченице:

— Ёнхе, ответь, пожалуйста. Ну, скажи хоть что-нибудь.

Он подумал уже положить трубку, как вдруг облегченно выдохнул.

— …Вода кипит.

Ее голос был невесомым, словно пух. Он не звучал ни угрюмо, ни отрешенно, как у больного, и ясным или радостным его тоже нельзя было назвать. Это был безучастный голос человека, который ничему в этом мире не принадлежит, застряв где-то между бытием и небытием.

— Надо пойти выключить газ.

— Ёнхе, я…

Она собиралась закончить разговор, поэтому он поспешно сказал:

— Ничего, если я сейчас приеду к тебе? Ты не собираешься сегодня никуда выходить?

После недолгого молчания раздались короткие гудки. Он опустил трубку. Ладонь была мокрой от пота.

* * *

Запретные мысли о свояченице появились у него точно лишь после того, как он услышал

от жены о монгольском пятне. А до этого их совсем не было. Теперь же он вспоминал, какой видел ее в своем доме, пока она жила с ними, и в нем поднималось желание, как будто он заново переживал прошлое. Вот она на лоджии с потерянным видом растопырила пальцы и рассматривает тень от них; вот она в ванной моет его сына, а из-под ее широких тренировочных брюк выглядывают белые лодыжки; вот она смотрит телевизор, сидя в небрежной позе, чуть наклонившись вперед, ее ноги немного раздвинуты, а волосы растрепаны, — он чувствовал, как тело становится горячим каждый раз, когда ее облик всплывал в памяти. И на всех этих воспоминаниях стояла печать в виде монгольского пятна, этой атрофирующейся отметины, которая синеет на попках или спинах детей, но по мере их взросления постепенно исчезает. То, что он чувствовал, представляя себе ее ягодицы, отдаленно напоминало восторг, испытанный им, когда-то давно, при первом нежном прикосновении к попке голенького сына. В его воображении эта часть ее тела была залита ярким светом.

Даже то, что она не ест мясо — только крупы, салаты из трав и сырые овощи, — так хорошо сочеталось, что казалось ему теперь, с наличием

у нее монгольского пятна, похожего на синий цветок, что разделить эти две вещи он уже не мог, и то, что кровь, излившаяся из ее вен, впиталась в его рубашку, высохла и, затвердев, приобрела темно-коричневый, как у фасолевой каши, оттенок, он стал воспринимать как тревожащий намек на его необычную судьбу, намек, не подлежащий расшифровке.

Ее маленькая квартира находилась в тихом переулке недалеко от женского университета Д. Как велела жена, он купил фрукты и стоял перед домом в несколько этажей, держа пакеты в обеих руках. В них были мандарины с острова Чечжудо, яблоки, груши и даже несезонная клубника. От тяжести ныли руки и плечи, но осознание того, что ему предстоит войти в ее квартиру и оказаться с нею с глазу на глаз, вызвало в нем что-то похожее на страх, и он стоял, не решаясь войти.

Наконец, сначала опустив пакеты, он открыл крышку мобильного телефона и набрал ее номер. Ровно десять раз прозвенела трель, но она не ответила. Он взял фрукты и стал подниматься по лестнице. На третьем этаже, дойдя до угла коридора, нажал кнопку звонка с номером 16. Как он и предполагал, никто ему не открыл. Тогда он повернул дверную ручку. Дверь неожиданно

оказалась незапертой. Он снял бейсболку, чтобы вытереть холодный пот, увлажнивший волосы, и снова надел ее. Поправил на себе одежду, глубоко вздохнул и наконец открыл дверь.

* * *

Квартиру, окнами выходившую на юг, до самой кухни наполняли теплые лучи октябрьского солнца, придавая всему некую таинственность. Знакомая на вид одежда — очевидно, перешла от жены — разбросана по полу, кое-где были комочки пыли толщиной с палец, однако квартира почему-то не выглядела грязной. Может быть, оттого, что в ней почти отсутствовала мебель.

Он оставил в прихожей пакеты, оттягивавшие руки, снял обувь и прошел в комнату. Свояченицы нигде не было. Куда она делась? Зная, что он придет, куда-то ушла? Даже телевизора нет, лишь две розетки и рядом с ними отверстие для антенны тоскливо глазели на него со стены. Телефон, установленный женой, одиноко занимал свое место в гостиной, которая одновременно служила и спальней, в углу располагался пружинный матрас, а на нем мягко пушилось одеяло, и выглядело это спальное место как пещера, из которой только что выполз человек.

Это произошло в тот миг, когда он наполовину раздвинул дверь на лоджию, почувствовав легкую духоту. Неожиданно уловив какое-то движение, он резко повернулся. И перестал дышать.

Она выходила из ванной. Оттуда не доносилось никаких звуков, поэтому он даже представить себе не мог, что она там. Но что действительно повергло его в изумление, так это ее нагота. Без единой капли влаги на обнаженном теле она стояла в полной растерянности, даже немного испуганная. Затем одну за другой подобрала с пола разложенную одежду и прикрылась ею. Не потому, что устыдилась или почувствовала себя неловко, — ее поведение ясно показывало, что она просто действует так, как следует действовать в такой ситуации.

Пока она без всякой суеты одевалась, даже не отвернувшись от него, ему следовало отвести глаза или поспешно выйти из комнаты. Однако вопреки всем правилам морали он стоял как вкопанный и пристально разглядывал ее. Она была не такой худой, как в начале своего вегетарианства. Еще в больнице она стала понемногу прибавлять в весе, и, благодаря тому, что хорошо питалась у него дома, поправилась, и груди ее нежно округлились. Талия, к его удивлению, кру-

то изгибалась вогнутой линией, волосы на лобке не отличались густотой, а линии ног от бедер до лодыжек, пусть им не хватало объема, не имели ничего лишнего и смотрелись очаровательно. Это тело не вызывало сексуального желания, скорее, его хотелось спокойно созерцать. Осознание того, что ему не удалось увидеть монгольского пятна на ее попе, пришло к нему лишь после того, как она полностью оделась.

— Извини.

Только сейчас, заикаясь, он начал оправдываться.

— Дверь была открыта, вот я и подумал, что ты куда-то ненадолго вышла.

— Ничего страшного.

И вновь она произнесла это очень естественно, словно так и следует отвечать.

— Просто мне так удобно, когда я одна дома.

Вот оно что. Он привел в порядок немного прояснившиеся мысли. Она имела в виду, что все время проводит без одежды. Он со смущением почувствовал, как некая часть его тела, совсем недавно сохранявшая спокойствие при виде обнаженной женщины, вдруг напряглась и стала подниматься. Он стянул с головы бейсболку. Чтобы скрыть свое возбуждение, неловко опустился

на пол.

— Мне нечем вас угостить…

В темно-серых спортивных брюках, под которыми не было трусиков — он точно видел, что она их не надевала, — свояченица прошла на кухню. Глядя, как чуть заметно колышется ее совсем небольшая попка, которую вряд ли можно назвать аппетитной, он невольно сглотнул слюну, и кадык судорожно дернулся.

— Да ладно, не стоит… Или поедим фрукты, что я принес, — сказал он, пытаясь выиграть время, чтобы справиться с возбуждением.

— Да? Хорошо.

Она вернулась в прихожую, взяла яблоки, груши и понесла к раковине. Слушая, как льется вода и позвякивают тарелки, он попытался сосредоточиться на унылых розетках и кнопках телефона. Однако перед его внутренним взором лишь все более отчетливо вырисовывался ее лобок и ягодицы, раскрашенные лепестками цветов с его многочисленных эскизов, на которых мужчина и женщина занимаются сексом в разных позах. Эти видения беспорядочно носились у него в голове.

Она принесла тарелку с фруктами и села перед ним, и он опустил голову, чтобы блеск глаз не выдал его чувства.

— Не знаю, вкусные ли яблоки.

После недолгого молчания она сказала:

— Можно было и не приходить.

— Что?

Она спокойным тоном продолжила свою мысль:

— Вы не беспокойтесь за меня. Я сейчас ищу работу. Доктор посоветовал не заниматься делом, которое требует внимания и сосредоточенности, вот я и подумала, может, поработать в универмаге. На прошлой неделе даже на собеседование сходила.

— Вот как!

Он не ожидал такого поворота. «Вы бы на моем месте терпели жену, которая до конца жизни останется неадекватной, каждый день будет пить лекарства от психического расстройства, взвалив все заботы на плечи мужа?» Так однажды по телефону пьяным голосом вопрошал свояк. Ее бывший муж оказался неправ. Она была не такой уж и ненормальной.

— Может, не стоит идти в универмаг, а лучше поработать в магазине у сестры? — Опустив глаза, он, наконец, заговорил о деле, по которому пришел. — Почему бы тебе не устроиться туда? Жалко немаленькую зарплату выплачивать ра-

ботнику со стороны. Мать Чиу очень хочет тебя видеть в своем магазине. Вы сможете доверять друг другу, и у нее будет спокойно на душе, что вы вместе, да и ты уставать не будешь так, как в большом универмаге.

Он договорил, чувствуя, как спадает возбуждение. Постепенно пришло спокойствие, что позволило ему посмотреть ей в глаза. И лишь теперь он увидел ее бесстрастное лицо, какое бывает только у монахов. Совершенно бесстрастное. Мелькнул страх, когда он задался вопросом: «Сколько же ей пришлось пережить, какой осадок остался в душе, если она так выглядит?» Он почувствовал укол совести: увидев ее обнаженной, он стал разглядывать ее как порнографическую картинку. Однако невозможно было отрицать, что это короткое видение запечатлелось в его памяти и могло в любой момент вызвать в нем пожар.

— И груши попробуйте.

Она подвинула к нему тарелку.

— Ты тоже ешь.

Не вилочкой, а рукой она взяла кусочек груши и откусила. Он отвернулся, испугавшись своего порыва схватить ее, погруженную в свои мысли, за мягкие плечи, облизать ее тонкие пальцы,

испачканные липким грушевым соком, сосать ее губы и язык до тех пор, пока не исчезнет последняя капля фруктовой сладости, а потом с силой стянуть с нее широкие спортивные брюки.

* * *

— Слушай… Ты не выйдешь со мной? — спросил он, обуваясь.

— Куда?

— Пройдемся немного, поговорим.

— Я подумаю о том, что вы сказали.

— Нет, я не об этом… У меня есть к тебе просьба.

Он посмотрел ей прямо в лицо, на котором читалось сомнение. Ему было все равно куда идти, лишь бы только не сидеть в этой крайне опасной комнате, лишь бы избавиться от мучительного желания и страстного порыва, которые с каждой минутой усиливались.

— Говорите здесь.

— Нет, хочется пройтись. Да и тебе разве не тоскливо целый день сидеть дома?

Наконец она уступила, сунула ноги в шлепанцы и последовала за ним. Они молча прошли переулок и зашагали по большой улице. В глаза ему бросилась вывеска сетевого кафе, где прода-

ют мороженое.

— Ты любишь мороженое?

Она чуть-чуть улыбнулась, как воспитанная в строгих правилах девушка, завязавшая любовные отношения с молодым человеком. Они выбрали столик у окна. Сидя напротив, он молча смотрел, как она слизывала мороженое с деревянной лопаточки. И неожиданно поймал себя на том, что каждый раз, когда ее язык высовывается изо рта, невольно вздрагивает, как от электрического тока, словно между его телом и ее языком протянут невидимый провод.

И в эту секунду в голову пришла мысль: очевидно, другого пути нет. Чтобы выбраться из этого ада, очевидно, остается только претворить в жизнь свое страстное желание.

— Моя просьба…

На кончике ее языка таяло белое мороженое. Она открыто посмотрела на него. Из глаз с монголоидным разрезом слабым огнем блеснул зрачок, не маленький и не большой.

— Я прошу тебя стать моей моделью.

Она не улыбнулась, не растерялась. Словно собираясь пронзить его тихим взглядом, просто пристально смотрела на него.

— Ты ведь как-то приходила на мою выставку?

— Да.

— Это будет видеофильм, похожий на предыдущие.

Он почувствовал, что становится смелее, больше не потеет и что руки перестали дрожать. И голова стала остывать, словно на макушку положили пакет со льдом.

— Нужно будет снять одежду, а я разпишу тело красками.

По-прежнему тихо глядя на него, она разжала губы:

— …И что дальше?

— Нужно будет позировать в таком виде. Пока я не закончу съемку.

— Вы сказали, будете… писать на теле?

— Да, писать цветы.

Ему показалось, что ее глаза на миг дрогнули. Впрочем, он мог ошибиться.

— Это не такая уж трудная работа. Займет всего лишь один-два часа. Можно в любое время, когда тебе удобно.

Посчитав, что высказался, он почти с покорным видом опустил голову и посмотрел на свое мороженое. Посыпанное крошками арахиса и нарезанным миндалем, лакомство потихоньку таяло и мягко стекало вниз.

— …А где?

Ее вопрос дошел до него в тот момент, когда его внимание было поглощено мороженым, которое таяло, превращаясь в пену. Она подносила ко рту последнюю горку лакомства. В уголках бескровных губ остались следы белых сливок.

— Собираюсь попросить друга уступить на время свою мастерскую.

Ему показалось, что между ними выросла стена, настолько безучастным стало ее лицо. И заглянуть в ее душу он никак не мог.

— А… моей сестре сказали?

Думая, что лучше не говорить жене, что у него есть только один возможный ответ, с трудом подыскивая слова и от этого разочарованный в себе, он ответил:

— Нет. Потому что это… секрет.

Она не выказала ни одобрения, ни несогласия. Затаив дыхание, он поедал ее глазами, пытаясь понять, какой ответ таится в ее молчании.

* * *

Благодаря солнечным лучам, проникающим сквозь широкие окна, в мастерской художника М. было тепло. Это пространство площадью почти триста квадратных метров напоминало скорее

выставочный зал, чем мастерскую. Картины М. висели на стенах в удачных местах, а принадлежности для рисования находились, к его большому удивлению, в идеальном порядке. Все эти правильно разложенные кисти, краски и другие атрибуты художника вызвали в нем желание тут же взять и попробовать их в деле, хотя он и принес с собой все необходимое для работы.

После нескольких попыток найти студию с естественным освещением ему пришлось выбрать мастерскую бывшего сокурсника М., отношения с которым он не назвал бы очень близкими. М. уже в тридцать с небольшим, первый из выпуска, устроился штатным преподавателем в один из столичных университетов, и сейчас в его лице, одежде и манере поведения отражалось чувство собственного достоинства, которое так присуще профессорам.

— Как же это неожиданно. Подумать только — ты обратился ко мне с просьбой!

Так сказал М. примерно час назад, угостив его чашкой чая и передавая ключи от мастерской.

— Если еще когда-нибудь мастерская понадобится для такого дела, обращайся в любое время. Днем я провожу много часов в университете.

Он принял ключи, всматриваясь в округлив-

шийся живот М., который выпирал сильнее, чем у него самого. Конечно, М. не станет выставлять напоказ свои чувства, но страстное мужское желание, наверное, свойственно и ему, а вслед за ним и терзания. Линия округлившегося живота сокурсника доставила некоторое утешение. Скорее всего, М. как минимум испытывает досаду и небольшой стыд по поводу своего толстого пуза и тоскует по когда-то молодому телу, ставшему теперь не очень здоровым.

Чуть заслонявшие окна картины М. — они показались ему заурядными — он убрал в сторону и на деревянном полу, освещенном солнцем, постелил белое покрывало. Полежал немного на нем, проверил, каково придется ей, что она будет чувствовать и что будет видеть с этого места. Высокий потолок с фактурой дерева, за окном небо, пол холодноватый, но терпеть можно, жестковато, но от покрывала идет ощущение мягкости. Он перевернулся, и в поле зрения оказались картины М., холодная тень на полу, копоть в давно не растапливаемом камине.

Разложив приготовленную аппаратуру, он вынул видеокамеру, проверил батарейки, поставил в угол прожектор, взятый на тот случай, если съемка затянется, раскрыл альбом с эскизами,

закрыл и сунул назад в сумку, снял джемпер, закатал рукава рубашки. Он ждал. Когда до трех часов — в это время она собиралась приехать на станцию метро — оставалось несколько минут, он обулся и повесил джемпер через локоть. Вдыхая чистый воздух окраины города, зашагал к метро.

Зазвонил мобильный, и он ответил на ходу. Это была жена.

— Это я. Кажется, сегодня буду поздно. Студентка, что на подработке, снова не явилась. До семи надо забрать Чиу из детского сада.

Он ответил коротко:

— Я тоже не могу. Раньше девяти не получится.

Раздался вздох жены.

— Поняла. Попрошу тетушку из 709-й квартиры побыть с ребенком до девяти.

На этом разговор закончился. В последнее время его отношения с женой стали похожи на отношения компаньонов, связанных ребенком, и общались они без лишних слов.

Спустя несколько дней после его визита к свояченице, сила нестерпимой страсти заставила его ночью обнять жену. Горячее желание, которое он не испытывал к ней даже в первые месяцы после женитьбы, удивило их обоих.

— Что это с вами?

Не желая слышать ее гнусавого голоса, он закрыл ей рот. Смутно проступающее в темноте очертания носа, мягкие губы, линия гибкой шеи напомнили ему желанный образ, и он весь устремился к нему. Губами трогая упругие соски жены, он снял с нее ночную сорочку. Каждый раз, когда образ маленьких голубых лепестков собирался исчезнуть, он закрывал глаза и стирал лицо жены.

Когда все закончилось, он увидел, что она плачет. То ли от бурных эмоций, то ли от обиды, то ли от каких-то неизвестных ему чувств — он не мог знать.

— Мне страшно, — тихо проговорила жена.

Нет, кажется, она сказало другое.

— Я боюсь вас.

Он провалился в сон, похожий на смерть, поэтому не смог определить точно, на самом ли деле эти слова сорвались с губ жены. И как долго продолжались ее рыдания, тоже не слышал.

Однако на следующее утро жена вела себя как всегда, словно ничего не произошло. И голос ее, несколько минут назад прозвучавший по телефону, не изменился. В нем не было ни намека на случившееся той ночью, ни какой-то враждебно-

сти. Просто иногда ее интонации, ее терпение, которое временами казалось сверхчеловеческим, ее вздохи, всегда звучащие одинаково, привносили в его душу некую неловкость. Чтобы избавиться от нее, он ускорил шаги.

К его удивлению, свояченица уже ждала его у выхода из метро. Видимо, она уже давно поднялась наверх и немного взъерошенная, сидела на ступенях лестницы. В потертых джинсах, коричневом толстом свитере, она, казалось, явилась прямиком из зимы. Не решившись сразу окликнуть ее, он смотрел, будто зачарованный, как она вытирает пот с лица, разглядывал ее силуэт, освещенный солнечными лучами.

* * *

— Раздевайся, — тихо сказал он.

Она стояла и безучастно смотрела на осины за окном. Спокойные лучи дневного солнца придавали яркость светлым занавескам. Она даже не оглянулась. И в тот миг, когда он собрался повторить просьбу, решив, что она не расслышала, ее руки взлетели вверх вместе со свитером. Она сняла белую футболку и обнажила спину; бюстгальтера на ней не было. Потом стянула старые джинсы, и перед ним предстали две белые

округлости.

Он смотрел на ее ягодицы, затаив дыхание. Чуть повыше двух мягких холмиков виднелись довольно глубокие ямочки, обычно называемые улыбкой ангела. Что касается монгольского пятна, так оно, размером с большой палец, и в самом деле примостилось в верхней части левой ягодицы. Непонятно, как это пятно могло до сих пор оставаться на теле. Но он не ошибался; это действительно было четкое монгольское пятно, похожее на синяк, при освещении отливавшее светлым зеленовато-голубым цветом. Казалось, что это отголосок глубокой древности, чего-то существовавшего еще до эволюции, или след фотосинтеза. К его удивлению, пятно не вызывало никаких сексуальных переживаний, даже наоборот: в нем чувствовалась некая связь с миром растений. Все это он осознал, не отрывая глаз от пятна.

Лишь спустя некоторое время он поднял голову и осмотрел все ее тело. Он подумал об их родстве, и невозмутимое поведение свояченицы — женщины, впервые оказавшиеся в роли натурщицы, обычно ведут себя по-другому, — произвело на него еще большее впечатление. Вдруг он вспомнил, что на следующий день после того, как она

перерезала себе вены, ее обнаружили полуобнаженной у фонтана, вспомнил, что по этой причине ее перевели в психиатрическое отделение, где она много раз снимала с себя одежду, чтобы подставить тело солнцу, из-за чего откладывался день ее выписки.

— Мне сесть? — спросила она.

— Нет, ляг на живот.

Он ответил таким тихим голосом, что интонация почти не ощущалась. Она легла на покрывало лицом вниз. Застыв на месте, он стоял, зажмурившись, чтобы понять подлинный характер поднимающихся в нем невероятных эмоций, вызванных ее обнаженным телом.

— Минутку полежи так.

Он установил камеру на штатив и отрегулировал длину его ножек. Найдя такое положение, чтобы в кадр входила вся ее фигура, взял палитру и кисти. Он решил сначала снять на видео процесс рисования.

Собрав в узел рассыпанные до плеч волосы, он поднял их кверху и начал писать на ее теле цветы. На плечах и на спине зацвели прелестные полураскрытые пурпурные и красные бутоны, по бокам спустились тонкие стебельки. Дойдя до холмика на левой ягодице, он написал пышный

цветок пурпурного цвета, потом довольно толстыми мазками обозначил ярко-желтый пестик. Место, где находилось монгольское пятно, пока оставил чистым. Но зато вокруг зеленовато-голубого пятна большой кистью создал более светлый желтовато-зеленый фон, чтобы выделить пятно, похожее на тень от нежного лепестка.

Он ощущал, как от каждого прикосновения кисти мелкая дрожь пробегает по ее телу, словно ей щекотно, и трепетал сам. Испытанное им чувство было не обычным сексуальным желанием, а чем-то более мощным, затрагивающим самое нутро, и оно усиливалось, словно попало под электрический разряд в сотни тысяч вольт.

И когда наконец длинные стебли с листочками, проходящие через правое бедро, достигли ее тоненьких лодыжек, все его тело покрывал пот.

— Вот и все, — произнес он. — Полежи так еще немножко.

Он снял камеру со штатива и начал снимать крупным планом. Приближая к себе объективом один за другим каждый цветок, долго скользил по линии шеи, растрепавшимся волосам, рукам, как будто в напряжении давящим на покрывало, по ягодицам с монгольским пятном. В конце концов, засняв все ее тело, он выключил камеру.

— Теперь можешь встать.

Почувствовав небольшую усталость, он опустился на край дивана, стоящего перед камином. Она уперлась локтями о пол и медленно, будто у нее затекли конечности, поднялась.

— Не замерзла?

Он вытер пот, встал и накинул ей на плечи свой джемпер.

— Не устала?

И тут она посмотрела на него и засмеялась. Смех прозвучал едва слышно, но в нем чувствовалась сила, и этот смех, казалось, говорил, что она ничего не собирается отвергать и ничему не будет удивляться.

И только теперь он понял, что потрясло его в ней, когда она легла на покрывало. Тело, исторгнувшее из себя все страстные желания, принадлежало молодой женщине, и было прекрасным. И из этого противоречия рождалась удивительная суетность, и не просто суетность, а суетность, имеющая силу. Падающий через широкие окна солнечный свет, который разметался на мельчайшие частицы, похожие на песчинки на берегу моря, и красота тела, также бесконечно — незаметно для глаза — разбивающаяся на мельчайшие частицы… Множество ощущений,

которые невозможно описать несколькими словами, разом навалились на него и ослабили даже сексуальное желание, неустанно мучившее его весь прошедший год.

* * *

В его джемпере, наброшенном на плечи, в джинсах, она сидела, обхватив руками кружку, из которой поднимался пар. Без тапочек, она легко ступала по полу босиком.

— Ты не замерзла?

В ответ на этот вопрос, прозвучавший второй раз, она качнула головой.

— Не устала?

— Я же только тихо лежала. На теплом полу.

На удивление, она не выказывала никакого любопытства, и благодаря этому казалось, что в любой ситуации она останется спокойной. Что собой представляет незнакомое окружающее пространство, ее не интересовало, и эмоций она тоже не выражала, хотя в таких ситуациях у женщин они должны проявляться. Казалось, ей достаточно простого наблюдения за всем тем, что находится рядом. А может быть, в ее внутреннем мире разворачивались какие-то страшные, недоступные окружающим события, и этот мир,

ведомый только ей, существовал наряду с обычной жизнью, отнимая силы, и у нее не хватало энергии на то, чтобы реагировать на происходящее вокруг, любопытствовать, исследовать что-то. Он предположил это потому, что иногда в ее глазах читались не пассивность или равнодушие, свойственные слабоумным, а неистовство, но при этом в них сквозила и сила, сдерживающая его. Сейчас она сидела, обеими руками обхватив теплую кружку, сжавшись, как замерзший цыпленок, и что-то рассматривала у себя в ногах, но ее поза вызывала не жалость — скорее выражала одиночество, настолько глубокое, что это заставляло испытывать неловкость.

Он вспомнил ее бывшего мужа — теперь его и свояком называть не было надобности, — который сразу пришелся ему не по душе. У него было черствое лицо человека, не верящего ни в какие ценности, кроме телесных удовольствий и материальных благ, и едва представив, как его пустые губы, из которых не выходило ничего, кроме банальностей, жадно рыскают по ее телу, он почувствовал что-то похожее на стыд. Знал ли ее толстокожий муж о монгольском пятне? В своем воображении он нарисовал их вдвоем в постели, и сцену эту воспринял как оскорбление,

как насилие, как нечто грязное.

Она встала, допив свой чай, и он поднялся вслед за ней. Взял протянутую кружку, поставил на стол. Поменял кассету в видеокамере, отрегулировал положение штатива.

— Ну что, продолжим?

Она кивнула и направилась к покрывалу. За это время солнечные лучи несколько утратили свою яркость, и он установил в ее ногах вольфрамовую лампу.

Она снова разделась, но на этот раз легла лицом вверх. Из-за локального освещения ее грудь оказалась в тени, однако он сощурился, словно ослепленный. До этого у нее в квартире ему уже довелось случайно увидеть ее наготу спереди, но сейчас она — и когда лежала лицом вниз тоже — вся воплощала собой такую мимолетную красоту, что от страсти у него защипало в глазах. Худые ключицы, груди, от лежачего положения ставшие плоскими, как у девочки, выступающие ребра, без всякого стыда свободно раскинутые ноги и отрешенное лицо, будто она спит с открытыми глазами. Ни одна частичка этого тела не содержала в себе ничего лишнего. Он впервые видел тело, так много говорившее само за себя.

От ключиц до грудей желтыми и белыми крас-

ками он нарисовал большой цветок. Если спину украшали ночные цветы, то грудь — яркие полуденные соцветия. Оранжевый лилейник расцвел на худом животе, большие и малые золотые лепестки беспорядочно опадали на бедра.

Ни разу — за его почти сорок лет его жизни не испытанная им прежде светлая радость, тихонько излившись просочившись из какого-то тайного закутка внутри него, собралась на кончике его кисти. Ему хотелось продлить эту радость, чтобы она не угасала как можно дольше. Свет лампы доходил только до шеи, и ее лицо казалось темным. Он думал, она заснула, но когда кисть дотронулась внутренней стороны бедра, по ее телу дрожь пробежала, ясно показывая, она не спит. В ней, принимающей все безропотно, была словно какая-то святость, и ее нельзя было назвать ни человеком, ни зверем; она казалась и растением, и животным, и даже человеком — неизвестным существом, чем-то средним между всеми этими созданиями, живущим на Земле.

Наконец он опустил кисть и стал рассматривать ее тело, распустившиеся на нем цветы, забыв о том, что надо снять все на камеру. Но солнце потихоньку клонилось к закату, и ее лицо все больше погружалось в тень, поэтому он привел в

порядок свои мысли и встал.

— Попробуй лечь на бок.

Она медленно, словно двигаясь под тихую музыку, повернулась и легла, согнув руки, ноги и спину. Он запечатлел плавную линию бедер и талии, похожую на горную гряду, затем остановил движение камеры сзади на ночных цветах, а потом спереди — на дневных. В последнюю очередь снял похожее на древнюю реликвию синеватое монгольское пятно, принимающий на себя блекнущий свет. Немного поколебался, вспомнив, что обещал не снимать, но все-таки запечатлел ее лицо, обращенное к уже совсем темному окну. Едва заметно очерченные губы, тень на выступающих скулах, прямой лоб, белеющий сквозь пряди растрепанных волос. И ее абсолютно пустые глаза.

* * *

Пока он укладывал аппаратуру в багажник, она стояла в дверях подъезда, сунув руки под мышки. Как велел М., он опустил ключи от мастерской в один из пары ботинок, оставленных на лестничной клетке, — в таких ходят по горам, и сказал:

— Все. Теперь можно идти.

Поверх свитера он накинул на нее свой джем-

пер, но она дрожала, будто от холода.

— Поужинаем рядом с твоим домом? Или найдем какое-нибудь кафе поблизости? Ты, наверное, проголодалась.

— Я не голодна… А это сойдет, если помыться?

Она спросила, словно ничего, кроме этого, ее не волновало. Одной рукой она указывала на свою грудь.

— Так легко не смоется. Несколько раз надо потереть, чтобы совсем…

Она перебила его и сказала:

— Я хотела бы, чтобы не смывалось.

Он растерялся, не зная, что ответить, и посмотрел прямо ей в лицо, наполовину скрытое темнотой.

Они выехали на оживленную дорогу и нашли переулок, где располагались ресторанчики и кафе. Ради нее, вегетарианки, он выбрал заведение под вывеской «Храмовая еда». Они заказали комплексный ужин, и тут же стол заставили аккуратными тарелочками с закусками; их оказалось не менее двадцати. Затем подали горячий рис с каштанами и конопляными семечками. Глядя, как она держит ложку, он вдруг подумал, что почти четыре часа подряд видел ее обнаженной и не прикоснулся ни к одному волоску на ее

теле. И хотя с самого начала он планировал лишь снять ее наготу, неожиданно для себя сексуального желания не почувствовал.

Однако сейчас, глядя, как она сидит в толстом свитере и отправляет в рот ложку с рисом, он понял, что чудо этого дня, которое остановило настойчивое страстное желание, заставлявшее его страдать вот уже почти год, закончилось. Перед глазами — знакомый ад — пронеслось видение: он набрасывается на нее, впивается в медленно шевелящиеся губы, валит на пол, да так грубо, что все посетители кричат от ужаса. Опустив глаза, он проглотил рис и сказал:

— Почему ты не ешь мясо? Меня всегда это интересовало, но спросить я не мог.

Ее палочки, ухватившие салат, застыли; она посмотрела на него.

— Если тебе трудно об этом говорить, не отвечай, — сказал он, борясь с сексуальным видением, которое никак не покидало его.

— Нет, не трудно. Только все равно не поймете, — произнесла она равнодушно и начала жевать салат. — …Из-за сна.

— Из-за сна? — переспросил он.

— Я видела сон… поэтому не ем мясо.

— Что же… тебе приснилось?

— Лицо.

— Лицо?

Она ответила ему, не знавшему всех обстоятельств, тихим смехом. Почему-то он прозвучал мрачно.

— Я же сказала, что вы не поймете.

Он не смог спросить, почему же тогда, сидя на солнце, она выставила голую грудь всем на показ. Как мутировавшее животное, в котором совершался фотосинтез. Тоже из-за сна?

Остановившись перед ее домом, он вместе с ней вышел из машины.

— Спасибо тебе большое.

Вместо ответа она улыбнулась. Выражение ее лица, заставившее его вспомнить о жене, было спокойным и задумчивым. Она казалась совершенно нормальной женщиной.

«Нет, она на самом деле вполне нормальная, — подумал он. — Если кто-то ненормален, так это я».

Она кивнула ему на прощание и скрылась в вестибюле здания. Он ждал, когда в ее комнате появится свет, но окошко так и осталось темным. Он завел мотор, нарисовал в своем воображении ее комнату, ее обнаженное тело, как она юркнула под одеяло, не приняв душ. Снова ее тело, покры-

тое яркими цветами, — оно было с ним до той минуты, пока он не взмок от пота. Тело, к которому он не прикоснулся даже кончиком пальца.

Он страдал.

* * *

Было ровно девять часов десять минут, когда он нажал на звонок квартиры № 709. Открывшая дверь женщина тихо сказала:

— Чиу только что уснул, все маму ждал.

Девочка с косичками, на вид ученица второго-третьего класса, протянула ему пластмассовый экскаватор. Со словами благодарности он засунул игрушку в сумку. Затем открыл дверь в свою квартиру № 710 и лишь потом осторожно взял на руки спящего сына. Путь от холодного коридора до кроватки в детской комнате показался ему очень длинным. Пятилетний ребенок все еще сосал палец. Должно быть, его сон, потревоженный перемещением, прервался, потому что, когда он уложил сына в постель, в темной комнате раздалось тихое причмокивание.

Он вышел в гостиную и зажег свет. Запер входную дверь за замок, сел на диван. Посидел немного, погруженный в свои мысли, встал и, открыв входную дверь, вышел из квартиры.

Спустившись на лифте на первый этаж, уселся за руль своей машины. Обхватив сумку, хранящую в себе две шестимиллиметровые кассеты и альбом для эскизов, посидел несколько минут и наконец открыл крышку зазвонившего мобильного телефона.

— Как сын?

Голос жены звучал спокойно.

— Спит.

— Он поужинал?

— Поужинал, наверное. Он уже спал, когда я пришел за ним.

— Хорошо. Я буду примерно к одиннадцати.

— Он крепко спит… Вот я и…

— Что?

— Я съезжу в студию. Надо кое-что еще доделать.

Жена не отвечала.

— Чиу не должен проснуться. Спит очень крепко. Ведь в последнее время он как уснет, так до утра и спит.

Молчание.

— Ты слышишь?

— Да, слышу.

Неожиданно ему показалось, что жена плачет. Видимо, в магазине никого нет. Болезненно реа-

гируя на взгляды посторонних, она не позволяла себе слез на людях.

— …Если хотите ехать, поезжайте.

Фраза прозвучала лишь спустя какое-то время — когда жена успокоилась. Он никогда не слышал, чтобы она говорила с ним так — голосом, полным смятения.

— Я сейчас закроюсь и поеду домой.

Раздались короткие гудки. Как бы жена ни была занята, осторожная и предупредительная, она никогда не позволяла себе первой закончить разговор. Растерявшись и неожиданно почувствовав угрызение совести, он немного посидел с телефоном в руке, не решаясь сделать выбор. Пришла мысль вернуться домой и дождаться прихода жены, но он тут же ее отбросил и решительно завел машину. На дорогах ближе к ночи пробок нет, и минут через двадцать должна подъехать жена. За это время ребенок вряд ли проснется и вряд ли что-то случится. Больше всего ему не хотелось в их опрятном доме ждать прихода жены и, в конце концов, не хотелось встречаться с ней взглядом, видеть ее лицо, конечно же, уставшее и печальное.

Он вошел в студию, где обнаружил одного Ч.

— Что-то вы припозднились сегодня. Я уже

собрался уходить.

«Правильно сделал, что перестал сомневаться и приехал сюда», — подумал он. В этом пространстве творили художники, ведущие ночной образ жизни, и такая возможность — всю ночь одному пользоваться студией — выпадала нечасто.

Пока коллега одну за другой собирал свои вещи и надевал плащ, он включил компьютер. С удивлением посмотрев на две кассеты в его руках, Ч. сказал:

— Сонбэ, да вы, оказывается, поработали!

— Да…

Вместо пустых слов Ч. улыбнулся:

— Потом обязательно покажите мне.

— Хорошо.

Ч. шутливо низко поклонился ему и, изображая человека, который в спешке убегает, засеменил ногами, засучил руками и скрылся за дверью. Он захохотал. Успокоившись, он подумал, что давно не смеялся.

* * *

Проведя ночь напролет за работой, на рассвете он вынул мастер-кассету и выключил компьютер.

Кадры, на которых была она, превзошли все его

ожидания. Освещение, атмосфера и ее движения обладали такой притягательной силой, что захватывало дух. Он немного подумал о музыкальном сопровождении своего фильма, но на ум пришло только молчание, похожее на вакуум. Мягкие телодвижения, повороты в разных ракурсах, нагота, раскрывшиеся бутоны цветов и монгольское пятно — гармония безмолвия, напоминающая о вечном, квинтэссенция всего живого.

Он давно не занимался утомительным процессом рендеринга[9] и, пока корпел над каждым кадром, выкурил целую пачку сигарет. В результате время фильма составило четыре минуты и пятьдесят пять секунд. Сначала идет изображение его руки, наносящие цветы на ее теле, потом кадры с кистью постепенно затемняются и возникает монгольское пятно; камера долго следит за ним, затем переходит на ее лицо, напоминающее пустыню, и оно освещено настолько слабо, что узнать ее черты почти невозможно. Затем опять медленно надвигается темнота.

Уставший после бессонной ночи, чувствуя покалывание, как если бы во все закоулки тела вонзались мелкие песчинки, испытывая давно

[9] Примечания: 9

Термин компьютерной графики, которым обозначают процесс построения изображения по модели с помощью компьютерной программы.

забытое ощущение, словно какое-то существо, сидящее в нем, представляет ему все вокруг в незнакомом виде, он написал черной ручкой на этикетке мастер-кассеты: «Монгольское пятно 1 — Цветы ночи и цветы дня».

В воображении возникло то, что он, сдерживаясь, пока осуществить не мог, — фильм, который, если тот однажды получится, он назовет «Монгольское пятно 2», и, по правде, именно этот образ, бывший всем для него, как лицо человека, по ком он тосковал, предстал перед ним и заслонил свет.

В безмолвном, похожем на вакуум пространстве — сцена любви мужчины и женщины, чьи тела расписаны цветами. Полное слияние тел и откровенные движения, то страстные, то нежные, а затем крупный план половых органов.

Он держал в руках мастер-кассету, поглаживал ее, вертел и думал. Если выбирать мужчину, который будет сниматься вместе со свояченицей, то сам он не подходит. Он помнил о своем дряблом животе, жировой прослойке на боках, о ломаных линиях ягодиц и бедер.

Вместо того чтобы ехать домой, он направил свой автомобиль к ближайшей сауне, работающей круглосуточно. Переодевшись в футболку

и шорты, выданные работницей за стойкой, он разочарованно посмотрел на себя в зеркало. Он не годится для этой роли. Но тогда кто? Кому он предложит заняться с ней сексом? Его работа — не какой-то порнофильм, поэтому имитация секса не подойдет. Он собирался предложить по-настоящему заняться любовью и поместить в фильм кадры слияния половых органов. Но кому? Кто согласится на такое? И потом, как воспримет это предложение свояченица, примет ли она его?

Он понимал, до чего дошел. Но остановиться он уже не мог. Точнее, не хотел останавливаться.

В сауне, наполненной горячим воздухом, он призывал сон. Лежал, раскинув в стороны руки и ноги, в пространстве, в меру влажном и теплом, как летняя ночь, вернувшаяся вопреки законам природы. Он лежал, полностью обессиленный, и только образ, этот недостижимый образ окутывал его изможденное тело, как теплое свечение.

* * *

В самые последние минуты своего короткого сна он увидел ее.

Ее кожа отливала туманным желто-зеленым светом. Перед ним распласталось ее тело, похожее на листочек, только что слетевший с ветки

и поэтому только что начавший увядать. На ягодицах не было заметно монгольского пятна, вместо него всю ее равномерно покрывал этот желто-зеленый свет.

Он перевернул ее на спину. Слепящий свет лился с верхней части ее тела — источником, видимо, было лицо, — не позволяя ему поднять глаза выше ее груди. Двумя руками он раздвинул ей ноги, и по гибкости ее упругих бедер стало ясно, что она не спит. Он проник в нее, и сок зеленого цвета, какой течет из толстых надорванных листьевго листа, начал струиться из ее лона. Ароматный, но в то же время горьковатый запах листьев и травы постепенно сгустился и стал таким едким, что он еле дышал. Почти достигнув оргазма, он с трудом вышел из нее, и в этот миг увидел свой член, окрашенный в зеленоватый цвет. Неизвестно, из ее или из его тела выделилась влага, но его лобок и даже бедра покрывал свежий и душистый травяной сок ярко-зеленого цвета.

* * *

На другом конце невидимой телефонной линии снова молчали.

— …Ёнхе.

— Да.

К счастью, она молчала недолго. Неужели в этом ответе промелькнула радость? Пусть слабая, но радость? Или ему показалось?

— Ну как, отдохнула вчера?

— Да.

— Знаешь, я хотел кое-что спросить у тебя.

— Спрашивайте.

— Ты, наверное, уже смыла рисунки, да?

— Нет.

Он вздохнул с облегчением.

— Могу я попросить не смывать их? Хотя бы до завтра. Я еще не закончил работу. Думаю, надо снять еще раз.

Ему показалось, что она улыбается. Он не мог ее видеть, ведь была на другом конце провода, но все-таки ему казалось, что она улыбается.

— Мне не хотелось, чтобы они исчезли, вот я и не мылась.

Она говорила безразлично.

— С ними на теле я перестала видеть тот сон. Если они сотрутся, я попрошу вас нанести их еще раз.

Он не расслышал все до конца, поэтому сильнее прижал трубку к уху.

«Все нормально, — сказал он сам себе. — Если она такая, то есть шанс, что разрешит. И, может

быть, разрешит все».

— Завтра у тебя будет время еще раз приехать туда? В мастерскую в районе Сонбави.

— …Хорошо.

— Но, знаешь, там будет еще один человек. Мужчина.

Молчание.

— Ничего, если он тоже разденется и я распишу его цветами? Как это тебе, нормально?

Он ждал. По опыту общения с ней он уже знал, что ее молчание обычно означает согласие, и от этой мысли волнение его улеглось.

— …Хорошо.

Он положил трубку и, сцепив пальцы в замок, заходил кругами по гостиной. Ребенок был в детском саду, жена уехала в свой магазин, и он, вернувшись домой примерно в три часа пополудни, оказался предоставлен самому себе. Потерзавшись сомнениями, не зная, что сказать жене, он решил сначала позвонить свояченице.

Но уклониться от разговора с женой он никак не мог, поэтому затем набрал и ее номер.

— Вы где сейчас?

Она спросила скорее смущенно, нежели холодно.

— Дома.

— С работой все хорошо получилось?

— Еще не закончил. До завтрашней ночи, наверное, буду занят.

— Вот как… Ну ладно, отдыхайте.

Разговор закончился. Лучше бы она кричала, как другие жены, злилась, ругала его, осыпая бранью. Тогда ему жилось бы спокойнее. Характер жены, эта ее готовность к послушанию, этот осадок от покорности, печалью лежащий на ее сердце, — все это душило его. Он не мог не знать положительных качеств жены, не мог не знать, как отчаянно она пытается понять его, старается окружить заботой. Не мог он не знать и о том, что сам он, наоборот, человек эгоцентричный и безответственный. Но даже сейчас, в этот миг, вопреки здравому смыслу ему хотелось думать, что выдержка и благие намерения жены не дают ему дышать и это из-за них он ведет себя еще хуже.

Когда буря эмоций — ощущение вины, раскаяние и сомнения — пронеслась над ним и утихла, он, как и задумал, набрал номер телефона Ч. и тут же услышал его голос:

— Это вы, сонбэ? Сегодня вечером будете в студии?

— Нет, — ответил он. — Вчера всю ночь работал. Сегодня хочу немного отдохнуть.

— Да? Ну хорошо.

В Ч. чувствовались самоуверенность, великодушие и спокойствие, свойственные мужчинам, еще не достигшим тридцати. Он мысленно раздел его, скорее худощавого, нежели крепкого и сильного на вид. Кажется, подойдет.

— У меня к тебе просьба.

— Какая?

— Что у тебя завтра? Найдется время?

— Завтра вечером у меня встреча.

Коллеге, не понимавшему, зачем его просят куда-то прийти, он назвал адрес мастерской М.

— Это займет всего часа два, к вечеру освободишься.

После этих слов он, вдруг решив поменять планы, зашел с другой стороны.

— Ты ведь вчера сказал, что хочешь посмотреть мою работу?

— Да, конечно, очень хочу, — с готовностью ответил Ч.

— Я сейчас еду в студию.

Разговор закончился.

Он надеялся, что отредактированная прошлой ночью кассета понравится внимательному к деталям Ч., надеялся пробудить в нем интерес к своему фильму. К тому же вежливый молодой

человек вряд ли сможет легко отказать в просьбе старшему товарищу, работающему с ним в одной студии. Уверенности не было, но радостное предчувствие уже овладело им.

* * *

Ч. приехал раньше назначенного времени. Следуя своему любимому выражению: «Take it easy», он в любой обстановке вел себя расковано, но в этот раз казался немного напряженным. Он даже сказал:

— Что-то я нервничаю.

Подавая Ч. чашку кофе, он опять мысленно раздел его. Воображаемая картина понравилась ему. Кажется, Ч. подойдет.

Накануне посмотрев кассету, Ч. взволнованно признался:

— Не могу поверить… Это шедевральноі Как у вас это получилось? Если честно, я до сих пор считал вас вполне заурядным художником… Ой, простите…

В глазах, в голосе Ч. сквозила явная симпатия, которую раньше он за ним не замечал.

— Разве можно настолько изменить свой стиль? Как бы лучше выразиться… Такое впечатление, будто какой-то великан вдруг поднял вас и пере-

местил в другой мир… Вы только посмотрите на эти краски, оттенки!

Сентиментальные и неловкие выражения молодого Ч. не пришлись ему по душе, но в этих словах звучала правда. Такого разнообразия красок, какое изливалось из него в последнее время — хотя, конечно, он и раньше ощущал красоту всех оттенков и тонов, — он не мог припомнить. Казалось, все эти насыщенные энергией цвета заполнили его всего и, прорвав преграды, хлынули наружу. Очень уж неистовым стало его существование. Это ощущение полноты жизни никогда не владело им в прежние годы, даже в период молодости.

«Я был темным», — такие мысли иногда посещали его. Да, темным. Он пребывал в темноте. В этот черно-белый мир, лишенный красок, среди которых в последнее время проходила его жизнь, в этот мир, прекрасный и одинокий, перед ним закрылись все двери. Казалось, он навсегда утратил счастье, которое давал ему безмолвный покой. Однако ничего похожего на ощущение потери он не испытывал. Вся его энергия уходила на то, чтобы справиться с восторгом и болью, которое он переживал сейчас в новом неистовом мире.

Воодушевленный похвалой Ч., чувствуя, как го-

рят щеки, он, наконец, раскрыл свои намерения. Показав в качестве примера театральную программку с танцорами и свой альбом с эскизами, он попросил Ч. побыть его моделью, и тот на миг потерял дар речи.

— Почему вдруг я? Ведь полно профессиональных моделей или, там, театральных актеров…

— Мне нравится твое тело. Точеные фигуры не подходят. Ты — именно тот, кто мне нужен.

— Вы что, хотите, чтобы я с этой женщиной принимал вот такие позы? Нет, я не могу.

Ч. резко вскочил, и чтобы уговорить его, он умолял, угрожал, соблазнял.

— Никто не узнает. Говорю тебе, лицо не буду снимать. И потом, эта женщина… Разве тебе не хочется увидеть ее? Да тебя самого вдохновит эта работа.

Ч. попросил сутки, чтобы подумать, но уже на следующее утро позвонил и дал согласие. Однако молодой человек даже вообразить не мог, что сокровенное желание коллеги — конечно, тот не сказал об этом, — снять сцену настоящего секса.

— Она опаздывает?.. — спросил Ч., глядя в окно. Он и сам начинал беспокоиться. Она сказала, что вполне может добраться сама, поэтому он не пошел встречать ее, а ждал в мастерской.

— Да… Может, мне стоит сходить в метро?

Он уже поднялся с джемпером в руке, и тут кто-то постучал в полупрозрачную стеклянную дверь.

— А, вот и пришла.

Ч. опустил чашку с кофе.

К джинсам, уже знакомым ему с прошлого раза, сегодня она надела черный свитер толстой вязки. Ее растрепавшиеся волосы, некрашеные и от этого сиявшие иссиня-черным блеском, были еще влажными. Она посмотрела на него, а затем, бросив взгляд на Ч., легко рассмеялась. Прикасаясь к волосам, сказала:

— Боялась, что смоются цветы, на шее… Голову старалась мыть осторожно.

Ч. улыбнулся. Кажется, напряжение отпустило его, когда он неожиданно обнаружил в ней простоту и легкость.

— Давай раздевайся.

— Кто, я?

Ч. округлил глаза.

— У нее все уже нанесено, осталось разукрасить только твое тело.

Смущенно усмехнувшись, Ч. отвернулся и снял с себя одежду.

— И трусы тоже надо снять.

Ч. неловко стянул с себя трусы и даже носки. Обнажилось стройное тело: ни мускулов, ни жировых отложений, как он и предвидел. Если не считать густых волос, что вились внизу живота и почти достигали пупка, кожа была белой и гладкой. В нем шевельнулась зависть к молодому телу.

Он поступил с Ч. так же, как и с ней: попросил его лечь на живот и начал писать цветы на шее. В этот раз выбор пал на ярко-сине-зеленую цветовую гамму. Очень быстро большой кистью он нанес контуры — они ложились так, словно над ними бушевал ветер, — и, рисуя, он ощущал, как облетают лепестки гортензий сиреневатого цвета.

— Ложись лицом вверх.

Взяв за центральную точку пенис Ч., на его бедрах и в паху он нарисовал огромный темно-красный цветок, оттенком напоминающий свежую кровь. Нарисовал так, чтобы черные завитушки волос смотрелись как чашелистик, а член — как пестик. Она сидела на диване и, прихлебывая чай, пристально наблюдала за его работой. Когда его кисть замерла, он заметил, что член Ч. слегка напрягся.

Он выпрямился, переводя дыхание, и вынув

кассету, хотя на ней оставалось еще достаточно места, вставил новую. Оглянувшись, сказал ей:

— Раздевайся.

Она сняла одежду. В этот день солнце светило не так ярко, как в прошлый раз, однако золотой цветок, нарисованный в центре груди, вовсю сиял. В отличие от Ч., она вела себя очень спокойно. Ее движения словно говорили: «Раздеваться ведь естественнее, чем одеваться». От него не ускользнуло, что лицо Ч., который сидел, обхватив колени, на миг вдруг застыло в восторге.

Без каких-либо указаний она подошла к своему партнеру. Подражая ему, села на покрывало, обхватив колени. Ее безмолвное лицо с его телом, разукрашенным яркими красками, составляло резкий контраст.

— Что делать дальше?

Вопрос задал Ч.

То ли на него давило ощущение, что в любом случае придется выполнить поставленные условия, то ли по другой причине, но краска смущения по-прежнему не сходила с его лица, а пенис увял.

— Посади женщину к себе на колени.

Он мог спокойно называть ее так, как считает нужным, поскольку Ч. не знал об их родствен-

ной связи. Он подошел к ним с камерой в руках. Она села к Ч. на колени, и он низким голосом прокричал:

— Притяни ее ближе к себе!

Дрожащими руками Ч. взял ее за плечи и привлек к себе.

— Черт возьми! Ты что, никогда не обнимал женщину? Войди же в роль. Ну, хотя бы грудь потрогай.

Тыльной стороной руки Ч. вытер пот со лба. И тут она медленно повернулась и села лицом к партнеру. Одной рукой обняв его за шею, другой начала поглаживать красный цветок, распустившийся на его груди. Никто из них не смог бы определить, сколько секунд или минут длилось это действо. В тишине слышалось только их дыхание. Потихоньку соски Ч. затвердели, член поднялся. Двигаясь так, она, словно видела его альбом с эскизами обнаженной пары, шеей прильнула к шее мужчины, как голубка, выражающая свою нежность голубю.

— Хорошо! И вправду хорошо!

Он снимал эту сцену под разными углами. Наконец нашел самый удачный ракурс.

— Хорошо… Продолжайте. Теперь в этом же положении попробуйте лечь.

Она нежно уперлась в грудь Ч. и уложила его на покрывало. Вытянув руки, провела ими по торсу и двинулась вниз, к животу, поглаживая красный цветок, лепесток за лепестком. Держа камеру, он обошел ее сзади, запечатлел прелестные фиолетовые цветы, монгольское пятно, колышущееся при каждом движении ее тела. «Вот оно! — мелькнула мысль. Он стиснул зубы. — Если бы можно было довести все до конца…»

Член Ч. до предела налился силой. Молодой человек кривил лицо, очевидно, не зная, как с этим справится. Она медленно прогнулась и легла на него, коснувшись своими сосками его груди. Ее зад приподнялся, образовав зазор между телами. Он снял эту позу сбоку. Светлое пространство между ее изогнутой, как у кошки, спиной и его пупком, а посередине — его возвышающееся мужское достоинство. Эта картина, напоминающая соитие огромных растений, была похожа на фантосмагорию. Когда она все так же плавно приподнялась, выпрямила спину и опустилась на нижнюю часть живота Ч., он, запинаясь, сказал:

— Может… Может, вы, это самое…

Взглянув на Ч., потом на нее.

— …Вы сможете это сделать на самом деле?

На ее лице не отразилось ничего, но Ч. дернул-

ся, словно прикоснулся к чему-то горячему, и отстранил ее от себя. Пряча возбужденный член, сел, подняв колени, и сказал:

— Вы что? Хотите снять порно?

— Не хочешь, можешь не делать. Но если получается естественно, то…

— Все, хватит.

Молодой человек вскочил.

— Постой. Подожди. Я не буду больше ничего такого предлагать. Давай продолжим в том же духе, как было. И только так.

Он схватил Ч. за плечи. Должно быть, не рассчитал силу и схватил слишком сильно. Ч. вскрикнул и сбросил его руку.

— Послушай… Не надо так.

Голос его прозвучал настоятельно, торопливо, и Ч., очевидно, немного успокоившись, заговорил:

— Я понимаю… Потому как тоже художник. Однако то, что вы предлагаете, не пойдет. А эта женщина? Кто она, вообще? На проститутку вроде не похожа. Но даже если и проститутка, разве можно так поступать с ней?

— Понятно. Я вправда понял. Извини.

Ч. вернулся на прежнее место, но возбуждение и чувственность, еще недавно управлявшие его телом, исчезли без следа. Словно принимая

наказание, он, надев на лицо непроницаемую маску, обнял ее и уложил на покрывало. Затем накрыл своим телом, и они стали похожи на два слипшихся лепестка. Она закрыла глаза. Если бы Ч. согласился, она без слов приняла бы его. Он знал это.

— Двигайся, как есть, в этой же позе.

Нехотя, всем своим видом демонстрируя вынужденную покорность, Ч. стал двигаться вперед и назад, изображая секс. Он видел, как сильно сжались пальцы на ее ногах, видел, как страстно она обнимает Ч. за спину двумя руками. Ее разгоряченное тело наполнилось какой-то новой энергией и двигалось так естественно, что в полной мере компенсировало безучастность тела Ч. Пока они оставались в этой позе около десяти минут, показавшихся ему слишком короткими, а Ч. — слишком долгими и мучительными, он сумел поймать нужный ракурс и запечатлеть на пленку превосходные образы.

— Ну, теперь-то уже всё, закончили? — спросил нетерпеливо Ч., весь раскрасневшийся, но не от возбуждения, а от невыносимой для него ситуации.

— Еще один раз… Уже последний.

Он с трудом сглотнул слюну.

— Поза сзади. Женщину уложи на живот. Честно, это последняя съемка. Очень важная сцена. Только не говори, что не можешь.

У Ч. вырвался смех, похожий на рыдание.

— Хватит. На самом деле хватит. Прекратите, пока не стало совсем противно. Я достаточно вдохновился. Теперь я знаю, что чувствуют порноактеры. Жалко их.

Он попытался удержать Ч., но тот вырвался и начал одеваться. Он стиснул зубы. Стоял и смотрел, как его произведение, этот цветочный вихрь, с которым он еще чувствовал крепкую связь, запихивают в бесцветную рубашку.

— …Мое поведение нельзя не понять, поэтому не ругайте меня, считая ограниченным болваном. Сегодня я вот что узнал. Оказывается, я более консервативен, чем думал о себе. Я согласился сняться из любопытства, но, знаете ли, нести такую ответственность тяжело. Наверное, что-то во мне должно измениться… но прежде всего мне требуется время. Извините, сонбэ.

В торопливых словах Ч. заключалась очевидная истина, а сам молодой человек, должно быть, получил душевную травму, неизвестно, насколько сильную. Ч. кивнул ему на прощание, а затем, для приличия бросив взгляд женщине, стоящей у

окна, торопливо зашагал к двери.

* * *

— Извини.

Когда Ч. с шумом выехал со двора, он попросил у нее прощения. Она надевала свитер. Ответа не последовало. Она просунула ноги в джинсы, но вместо того чтобы застегнуть молнию до конца, вдруг издала смешок.

— Почему ты смеешься?

— Вся намокла…

Потрясенный, будто его огрели чем-то по голове, он стоял, поедая ее глазами. А она и в самом деле с удрученным видом топталась на месте, не зная, то ли поднять, то ли опустить молнию. И лишь тогда, спохватившись, он обнаружил, что все еще держит камеру в руках. Положив ее на пол, он быстро направился к прихожей, через которую только что вышел Ч., и запер дверь на ключ. Одного замка ему показалось мало, и он накинул еще и цепочку в верхней части двери. Затем ускорил шаги и почти бегом бросился к ней, обнял и повалил на покрывало. Когда он спустил ей джинсы до колен, она сказала:

— Нет, нельзя.

Не только словами выражая отказ, она грубо

оттолкнула его, встала и надела джинсы. Он смотрел снизу, как она поднимает полнию и застегивает кнопку. Он встал, подошел к ней и прижал к стене ее тело, еще не остывшее от желания. Ему хотелось с силой вдавиться в ее губы, всунуть ей в рот свой язык, но она опять резко оттолкнула его.

— Почему нельзя? Потому что я муж твоей сестры?

— Не, не поэтому.

— Но ты же сказала, что вся намокла.

Молчание.

— Тебе понравился этот парень, да?

— Нет, другое. Цветы…

— Цветы?

В один миг ее лицо вдруг стало таким бледным, что он испугался. Прикушенная нижняя губа, ярко-красная, чуть заметно дрожала. Четко выговаривая четко каждое слово, она сказала:

— Я и вправду очень хотела… Никогда еще мне не хотелось этого так сильно. Цветы, покрывавшие его тело… Это из-за них я уже не могла терпеть. И все, только из-за них.

Он смотрел, как она отворачивается от него и твердыми шагами идет к выходу. Когда она, сминая задник, сунула ноги в кроссовки, он бро-

сил вслед:

— Но если так…

Он чувствовал, что вместо слов из него рвется крик.

— Значит если и на моем теле будут цветы, ты отдашься мне?

Она повернулась и прямо посмотрела на него. Казалось, ее глаза говорили: «Конечно. Ведь нет никаких причин отказывать». Именно это прочел он в ее взгляде.

— И это… можно будет снять?

Она улыбнулась. Неопределенно, словно ни в чем не отказывает, но и не понимает, зачем это нужно. Или так, словно тихо над чем-то насмехается.

* * *

Хорошо бы умереть.
Хорошо бы умереть.
Ну и умирай тогда.
Умри.

Не понимая, почему льются слезы, он вел машину, изо всех сил вцепившись в руль. Он успел несколько раз включить и выключить стеклоочиститель, пока не догадался, что дорога расплывается не из-за того, что запотело стек-

ло, а из-за того, что глаза мокрые. «Хорошо бы умереть». Он не знал, почему эти слова, как заклинание, непрерывно стучат в голове. Не знал, почему вслед за ними звучит неизменное продолжение фразы: «Ну и умирай тогда», — словно кто-то другой внутри него, услышав, отвечает. И отчего именно эти фразы, похожие на диалог незнакомцев, усмиряют, словно мантра, его дрожащее тело, тоже не знал.

Ему показалось, что грудь, вернее, все тело горит огнем, и открыл окна с двух сторон. Он мчался по темной магистрали, а кругом свистел ночной ветер и гремели проносившиеся машины. Его начало трясти, дрожь разошлась по всему телу, и он, стуча зубами, утопил до конца педаль газа. Потом, бросая взгляд на спидометр, он всякий раз вздрагивал от испуга и судорожно тер глаза трясущимися руками.

* * *

В белом кардигане, надетом поверх черного платья, П. вышла из главного входа высотного жилого дома. Расставшись с ним после четырех лет любовной связи, она вступила в брак с бывшим одноклассником, который успешно сдал государственные экзамены на право заниматься

юридической практикой. Очевидно, благодаря материальной поддержке мужа она весьма успешно совмещала семейную жизнь с творчеством. Открывая многочисленные персональные выставки, она приобрела известность, стала пользоваться популярностью у коллекционеров богатейшего района столицы Каннам и, вращаясь в этой среде, вызывала у окружающих зависть, которая сопровождалась клеветой и сплетнями.

П. тут же заметила его машину, стоящую на аварийке. Он опустил окно и закричал:

— Садись!

— Здесь много людей, начиная с охранника, знают меня. И вообще, что за дела могут быть в такое время?

— Сначала сядь в машину. Есть разговор.

С таким видом, словно ей ничего другого не остается, она уселась рядом.

— Давно не виделись. Извини, что так неожиданно позвонил.

— Да, давно не виделись. Но что с тобой, дорогой? Тебя не узнать. Не похоже, что тебя привело сюда желание увидеть меня.

Раздраженно потирая лоб, он сказал:

— У меня к тебе просьба.

— Ну, рассказывай.

— Быстро не получится. Давай поедем в твою студию. Это, кажется, совсем рядом?

— Пешком минут пять… Но зачем?!

Сангвиник по темпераменту, П. повысила голос, желая тут же услышать ответ. Энергичность, свойственная женщинам с сильной натурой, временами тяготившая его, сейчас вдруг показалась даже приятной. Захотелось обнять ее. Но это заворошились старые чувства, иногда, невзирая ни на что, щемившие душу, и только. Как костер, куда подлили масло, в нем пылала страсть только к одной женщине — сестре жены, которую он только что отвез в ее квартиру.

— Жди, — сказал он в дверях, когда она повернулась к нему. — Жди и ничего с собой не делай. Я скоро вернусь.

После этого он помчался к единственному человеку, способному создать рисунок необходимого уровня, знающему его нагое тело, готовому, может, и всего один раз, но выполнить его срочную просьбу.

— Какое счастье, что у мужа сегодня ночная работа. Случись это вчера, не знала бы, как и выкрутиться.

П. вошла в свою мастерскую и зажгла свет.

— Вот, смотри, это эскизы, о которых я только

что говорил.

Протянутый альбом она рассматривала с неподдельным любопытством, очень внимательно.

— Как интересно! Просто удивительно. Я и не знала, что ты так работаешь красками. Однако…

Поглаживая острый подбородок, П. продолжила мысль:

— …это не похоже на твои прежние работы. Ты на самом деле сможешь это выставить? Ведь тебя же обзывали «майским священником»[10]. Ты походил на праведного священника, непреклонного святого отца… И мне в тебе это нравилось.

П. пристально смотрела на него поверх очков в роговой оправе.

— И ты, дорогой, тоже решил измениться? Но не слишком ли круто ты повернул? Хотя, конечно, кто я такая, чтобы судить, хорошо это или плохо.

Не желая вступать с ней в дискуссию, он молча начал раздеваться. Слегка удивленная, П. тут же покорно взялась за палитру и развела краски. Выбирая кисть, проговорила:

— Давно не видела твоего тела.

К счастью, П. не улыбалась. Даже если бы П.

---

[10] Примечания: 10

Игра слов «священник» и «невеста», которые звучат одинаково. В университетах Южной Кореи в мае проходит конкурс, на котором выбирают самую красивую студентку и называют ее «майской невестой».

улыбнулась просто так, без всякого умысла, он бы воспринял ее улыбку как жестокую насмешку.

Старательно, неторопливо П. водила кистью по его телу. Кисть была холодной, ее прикосновения, щекочущие и в то же время покалывающие, напоминали ласку, настойчивую и действенную.

— Я сделаю так, чтобы не был заметен мой стиль. Ты же знаешь, я тоже любила цветы и много их писала… В твоих эскизах чувствуется огромная сила. Я оживлю их.

Когда П., наконец, произнесла: «Кажется, все», — было далеко за полночь.

— Спасибо.

Он поблагодарил ее, дрожа всем телом. Мерзнуть пришлось долго.

— Здесь нет зеркала, а так хочется показать тебе. Жалко, что нет.

Он посмотрел на огромные красные цветы, написанные на трясущихся от озноба груди, животе, ногах.

— Мне нравится. Ты написала лучше, чем я.

— Не знаю, придется ли тебе по душе картина сзади. Мне показалось, в твоих эскизах главное внимание уделено именно виду сзади.

— Должно быть хорошо. Ведь писала ты, мастер!

— Я сделала все, чтобы подстроиться под твой стиль, но ничего не поделаешь, моя рука слегка чувствуется.

— Спасибо тебе большое.

И тут П. впервые улыбнулась.

— Сказать по правде, когда ты раздевался, я слегка возбудилась…

— И что?

Торопливо натягивая на себя одежду, он ответил, не задумываясь. Надел джемпер, чуть-чуть согрелся, но тело было по-прежнему напряженно.

— А сейчас ты почему-то такой…

— Какой?

— Что-то не так. Твой облик с цветами по всему телу… вызывает какую-то жалость. Раньше я ничего такого к тебе не испытывала.

П. подошла ближе и застегнула верхнюю пуговицу на рубашке.

— Но хоть один поцелуй-то подаришь? Раз уж вызвал меня в такое позднее время.

Не дожидаясь ответа, она прижалась к его губам, пробуждая воспоминания о сотнях прошлых поцелуев. Ему показалось, что он сейчас расплачется, он не знал, то ли воспоминания тому виной, то ли дружеская привязанность, то ли

страх перед чертой, которую он скоро собирался перейти.

* * *

Было уже так поздно, что он не стал нажимать на кнопку звонка, а тихо постучал. Не дожидаясь ответа, повернул ручку. Как он и предполагал, дверь была открыта.

Он вошел в темную комнату. Через лоджию, отделенную от комнаты стеклянной перегородкой, пробивался свет уличного фонаря, и какие-то предметы различались. Но вдруг нога наткнулась на тумбочку для обуви.

— …Ты спишь?

Аппаратуру для съемки, принесенную в обеих руках и на плечах, он оставил в прихожей. Разувшись, сделал несколько шагов в сторону матраса и увидел в темноте ее нечеткий силуэт. Она приподнялась и села в постели. Даже в полумраке он разглядел, что на ней нет одежды. Поднявшись во весь рост, она сделала несколько шагов навстречу.

— Свет зажечь?

Слова еле вырвались из пересохшего горла. Раздался тихий ответ:

— Пахнет приятно. Запах краски.

Он застонал и стремглав бросился к ней. Забыв об освещении, о съемке, обо всем. Страсть полностью поглотила его.

Рыча, он уложил ее на простыню. Губами хватая то ее рот, то нос, он одной рукой сжимал ее грудь, другой расстегивал пуговицы на рубашке. Последние нижние пуговицы рванул так, что они оторвались вместе с тканью.

Оставшись голым, он с силой раздвинул ей ноги и вошел в нее. Откуда-то доносилось дыхание запыхавшегося животного, смешанное с воплями, напоминающими стон, и в тот миг, когда он осознал, что все эти звуки вырываются у него самого, судорога прошла по всему телу. Никогда еще во время секса не случалось, чтобы он издавал какие-то звуки. Потому как думал, что стонут от наслаждения только женщины. Внутрь ее тела, ставшего влажным, внутрь ее тела, пугавшего мощными сокращениями, он, почти потеряв сознание, изверг из себя поток семени.

* * *

— Прости.

Он извинился, ощупывая ее лицо, скрытое темнотой. Вместо ответа она спросила:

— Можно зажечь свет?

Она была спокойна.

— Зачем?

— Хочу рассмотреть вас.

Поднявшись, она направилась к выключателю. Этот секс между ними, продлившийся не более пяти минут, ничем особо не отличался от обычного занятия любовью, и она совсем не выглядела уставшей.

Неожиданно комната наполнилась светом, и он двумя руками прикрыл глаза. Лишь спустя время, когда глаза привыкли к освещению, отнял руки. Увидел, что она стоит, прислонившись к стене. Разбросанные по всему телу цветы как и прежде сияли красотой.

Вдруг самосознание выдало ему оценку собственного тела, и он прижал ладонью свой выпирающий живот.

— Не закрывайте… Мне нравится. Такое впечатление, будто лепестки сморщились.

Она медленно подошла и склонилась над ним. Расставив пальцы, начала ласково поглаживать цветы на его груди, как недавно делала с Ч.

— Минутку.

Он поднялся, пошел в прихожую. И, как был голый, начал возиться с аппаратурой: установил низко штатив и закрепил камеру. Подняв матрас,

передвинул его к лоджии, на пол постелил белое покрывало. Затем поставил прожектор в ногах, так же, как в мастерской М.

— Можешь лечь?

Она легла, и он, наметив место на простыне, где должны расположиться вместе два тела, отрегулировал направление камеры. Под слепящим глаза светом она вытянулась в струнку. Он осторожно лег на нее сверху. Как и во время съемки с Ч., накрывшим ее собой, их тела казались не то цветами, переплетенными между собой, не то единым организмом, в котором соединились цветы, животные и люди.

Каждая новая поза требовала регулировки положения камеры. Когда он поставил ее на четвереньки, в позу, отвергнутую Ч., камера сначала долго крупным планом фиксировала ее ягодицы. Он проник в нее сзади и, контролируя изображение, что выводилось на внешний монитор, занялся сексом.

Все шло идеально. Как по его эскизам. Над монгольским пятном красные цветы на его животе и груди то закрывались, то открывались, а его член, как огромный пестик, входил и выходил из ее тела. По его телу прошла дрожь. Это был самый ужасный и одновременно самый прекрасный

образ полного слияния тел. Закрывая глаза, он видел, как липкий травяной сок окрашивает его лобок в ярко-зеленый цвет, увлажняет живот и разливается до самого паха.

Последней снималась поза наездницы: он лег на спину, она села на него. И опять сцена фиксировалась под таким ракурсом, чтобы в кадр попадало ее монгольское пятно.

«Навечно, все это навечно...» — когда под эти слова его тело содрогалось от невыносимого наслаждения, она вдруг заплакала. За полчаса не проронившая ни единого стона, лишь порой кусавшая свои губы, все время державшая глаза закрытыми, она только движениями обозначала свои горячие чувства. Надо было заканчивать. Он поднялся. Держа ее в объятиях, подошел к камере, вытянул руку, нащупал кнопку выключателя и нажал на нее.

Этот образ не предполагал ни кульминации, ни развязки, ни финала, а требовал бесконечного пребывания в состоянии единения. В полнейшей тишине, в наслаждении, вечно. Поэтому съемку следовало закончить именно на этом. Он дождался, когда плач утих, и снова уложил ее. В последнюю минуту секс заставил ее скрежетать зубами, а потом закричать грубо и пронзительно,

выдохнуть из себя: «Хватит...» — и заплакать, роняя слезы.

И все вокруг погрузилось в тишину.

* * *

В темно-синем предрассветном сумраке он долго лизал то самое заветное место на ягодице.

— Хорошо бы перенести его на мой язык.

— Его?

— Твое монгольское пятно.

Она повернулась и посмотрела на него с некоторым удивлением.

— Как оно до сих пор сохранилось здесь, на этой попке?

— ...Не знаю. Я думала, у всех такое есть. Но однажды пошла в сауну... И там увидела, что такое только у меня одной.

Он перенес руку с ее талии на пятно и погладил. «Хотел бы я разделить с ней этот знак, похожий на клеймо, — подумал он. — Как бы я хотел проглотить тебя, монгольское пятно, растворить в себе, чтобы ты текло во мне, в моей крови».

Тихо, едва слышно она проговорила:

— Может, мне больше не будет сниться этот сон?

— Сон? А, то лицо... Да, ты же говорила о лице.

Он ответил, чувствуя, как дремота постепенно наваливается на него.

— А что это за лицо? Чье оно?

— Всегда разное. Иногда хорошо знакомое, иногда чужое, которое я никогда раньше не видела. Бывает, все лицо в крови… Или похоже на лицо мертвеца, что сгнил и разложился.

Он поднял отяжелевшие веки и посмотрел ей в глаза. Они не казались уставшими и в проблесках зари светились беспокойством. Она продолжала:

— Я думала, мне это снится из-за мяса. Думала, если не есть мясо, то эти лица больше не будут появляться. Но все оказалось не так.

Мысль о том, что надо сосредоточиться на ее словах, вертелась в голове, но глаза, безразличные к его мыслям, потихоньку закрывались.

— Поэтому… теперь я знаю. Что это лицо того, кто находится во мне. Что это лицо, которое поднялось из моего нутра.

Ее слова без начала и конца звучали для него колыбельной песней, и он забылся, провалившись в сон, как после бесконечного ночного дежурства.

— Теперь я ничего не боюсь… Теперь я не буду ничего бояться.

* * *

Когда он проснулся, она еще спала.

Ярко светило солнце. Ее волосы спутались, как грива животного, смятая простыня обвилась вокруг бедер и ног. Комнату заполнял запах ее тела, напоминающий запах грудного младенца, и к нему примешивался другой — терпкий и кисловатый и в то же время сладковато-муторный.

Который уже час? Он достал телефон из кармана джемпера, брошенного вчера как попало. Час дня. Если он уснул в шесть утра, то, выходит, проспал мертвым сном ровно семь часов. Первым делом он надел трусы и брюки, затем, увидев аппаратуру, сложил прожектор и штатив. Однако камеры почему-то рядом не оказалось. Он вспомнил, что после съемки положил ее ближе к прихожей, чтобы ненароком не задеть, но она куда-то исчезла.

Подумав, что она, проснувшись утром, перенесла камеру в другое место, он направился к кухне. Перед выступом стены, за которым находилась мойка, в глаза ему бросилось что-то светлое. На полу валялась шестимиллиметровая кассета. «Странно», — подумал он, поднял ее и, завернув за угол, увидел женщину; она сидела, уткнувшись

лицом в стол. Это была его жена.

Перед ней возвышались упакованные контейнеры с едой, а рука сжимала мобильный телефон. Опрокинутая камера с открытой крышкой валялась на столе. Она наверняка слышала его шаги, однако даже не шелохнулась.

— До… Дорогая.

Он с трудом выговорил слово, не веря в реальность происходящего, чувствуя, как пол шатается под ногами. И только тогда жена подняла голову и встала. Он тут же понял, что делала она это не для того, чтобы подойти к нему, а чтобы удержать на расстоянии. Она начала говорить:

— Ёнхе так давно не звонила… что я решила навестить перед работой. Наготовила овощных салатов.

Ее голос звучал очень напряженно, как будто она оправдывалась перед ним и старалась сохранить самообладание. Он знал эту ее манеру говорить. Когда жена хотела спрятать свои чувства как можно глубже, она говорила тихо, медленно, чуть дрожащим голосом.

— …Дверь была открыта, вот я и вошла. Облик Ёнхе, разрисованное тело — все это показалось мне странным… Вы спали лицом к стене, завернувшись в одеяло, поэтому вас я не узнала.

Рукой, держащей телефон, жена откинула с лица волосы. Ее руки сильно тряслись.

— Подумала, мужчина у нее появился, а как увидела разрисованные тела у обоих, то пришла мысль, что она второй раз тронулась умом. Лучше бы я сразу ушла… Но потом пришла мысль, что надо защитить Ёнхе, ведь кто знает, что это за мужчина… Рядом с прихожей лежала камера, знакомая на вид, и я перемотала кассету, как вы мне когда-то показали…

Она продолжала говорить, стараясь держать себя в руках, и он чувствовал, ценой какого напряжения дается ей эта сдержанность.

— На видео я увидела вас.

В ее глазах слились воедино потрясение, страх, отчаяние, и остроту этого взгляда невозможно было выразить словами, однако само лицо, казалось, застыло, лишенное каких-либо чувств. И только тогда он понял, что его полуобнаженное тело вызывает у жены отвращение, и стал озираться по сторонам в поисках рубашки.

Она валялась возле ванной, и он, просовывая руки в рукава, выговорил:

— Дорогая. Я все объясню. Конечно, понять меня будет нелегко, но…

Жена неожиданно громко прервала его высо-

ким голосом:

— Я вызвала «скорую».

— Что ты сказала?!

Она отвернулась, когда он подошел к ней с побелевшим лицом.

— Ведь и Ёнхе, и вас нужно лечить!

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать смысл ее слов.

— Ты считаешь, мне надо лечь в психушку?

И тут со стороны матраса раздался шорох. Они затаили дыхание. Не прикрытая даже маленьким лоскутком ткани, она откинула простыню и поднялась с постели. Он увидел, как из глаз жены полились слезы.

Тихим голосом, глотая слезы, она бросила ему в лицо:

— Мерзавец! — Мокрые губы жены затряслись. — И эту девочку, еще не пришедшую в себя… Эту девочку…

Будто только сейчас узнав, что пришла сестра, свояченица недоуменно посмотрела в их сторону. Взгляд ее не выражал ничего. Он впервые подумал, что у нее глаза как у младенца. Если и не как у младенца, то глаза, из которых нечего взять, глаза, наполненные всем и в то же время совершенно пустые. Нет, скорее, это были глаза

еще не родившегося ребенка, в зрачках которого ничего еще не успело отпечататься.

Она медленно повернулась к ним спиной и направилась к лоджии. Открыв раздвижное окно, в один миг впустила в комнату холодный ветер. Он увидел ее сине-зеленое монгольское пятно. А на нем — следы своих слюны и спермы, засохших, как травяной сок. Вдруг он почувствовал себя состарившимся и подумал, что в этой жизни испытал все, и ему не страшно сейчас умереть.

Она перегнулась через перила лоджии, выставив сверкающую золотым блеском грудь, и широко расставила ноги, до самых бедер сплошь усеянные оранжевыми лепестками. Казалось, она вся устремилась вперед в желании слиться с солнечными лучами или ветром. Он услышал приближающийся вой сирены «скорой помощи», галдеж и крики, визги детей — весь этот шум, нависший над переулком. Топот бегущих вверх по лестнице ног раздавался все ближе.

Он еще может выбежать на лоджию, где стоит она, облокотившись о перила, перемахнуть через них и взлететь. Может упасть с высоты третьего этажа, удариться головой и разбиться насмерть. Он может это сделать. И только так будет честно. Однако он не двигался с места, словно его

пригвоздили к полу, словно это было последнее мгновение его жизни, и не сводил глаз с ее тела, похожего на ярко пылающий цветок, которое сверкало ярче, чем в сценах, снятых им ночью.

Пламя деревьев

* * *

Автобусная остановка напротив терминала уездного городка Масóк. Женщина стоит и смотрит на дорогу, мокрую от дождя. Мимо по крайней полосе с шумом проносятся большегрузные машины. Дождь льет так сильно, что кажется, вот-вот пробьет ткань зонтика.

Она не очень молода. И вряд ли кто назвал бы ее красавицей. Лишь линия шеи изящная да взгляд ясный. Косметика на лице неброская, смотрится вполне естественно, одета она опрятно, на белой блузке с короткими рукавами ни одной складочки. Благодаря благонравной внешности, у всех, как правило, вызывающей симпатию, тень на ее лице едва заметна.

Ее глаза на секунду загораются. Вдали появляется долгожданный автобус. Она спускается на проезжую часть и поднимает руку. Смотрит, как мчащийся автобус сбрасывает скорость.

— До психиатрической больницы Чхуксон довезете?

Пожилой водитель кивает и подает знак рукой,

чтобы скорее поднималась в салон. Оплатив проезд, она ищет свободное место, и взгляд ее наталкивается на лица пассажиров. Все взоры обращены на нее. «Больная или из тех, кто ухаживает за ними? Вроде бы ничего странного в ней нет». Она привычно отворачивается от их взглядов, полных сомнений и осторожности, неприязни и любопытства.

С ее сложенного зонтика стекает вода. Внизу уже образовалась лужа, темная и блестящая. От такого дождя под зонтом полностью не укроешься: блузка и брюки почти наполовину промокли. Автобус разгоняется и несется дальше сквозь дождь. Стараясь удержать равновесие, она пробирается в глубь салона. Увидев два свободных места рядом, садится у окна. Вынимает из сумки салфетки, вытирает запотевшее стекло. Твердым взглядом, который встречается только у человека, долгое время пребывавшего в одиночестве, смотрит на струи дождя, что с силой ударяются в окно. Городок Масóк остается позади, и вдоль дороги начинается июньский лес. Накрытый ливнем, он напоминает огромного зверя, сдерживающего дикий рев. Автобус въезжает в горы Чхуксонсан, и дорога постепенно сужается и становится извилистой. Чем дальше в горы, тем

ближе подступает лес, раскачиваясь своим мокрым телом. Интересно, где примерно находится та чаща у подножия горы, где три месяца назад обнаружили ее младшую сестру Ёнхе? В воображении она рисует пелену из дождя, внутри нее раскачиваются деревья, одно, второе, третье, а под ними — темные пространства, где можно спрятаться. Но вскоре она отворачивается от окна.

Ей сообщили, что Ёнхе исчезла из больницы в промежутке между двумя и тремя часами дня во время свободной прогулки пациентов. Тогда грозовые тучи только собрались на небе, дождь еще не начался. Как и в обычные дни, «легкие» больные по расписанию отправились гулять. В три часа, когда медсестры проверяли, все ли на месте, обнаружилось отсутствие Ёнхе. Примерно в это время начал накрапывать дождь, капля за каплей. Весь персонал больницы оказался в чрезвычайной ситуации. Медсестры и санитары сразу перекрыли дорогу, по которой ходят автобусы и такси, проверяли машины. Покинув больницу, пропавший пациент мог спуститься с горы и направиться в сторону городка Масóк или, наоборот, углубиться в лес.

Приближались сумерки, и дождь постепенно

усиливался. Из-за ненастного дня мартовское солнце зашло раньше времени. По словам лечащего врача, нашла Ёнхе одна из санитарок, которые тщательно осматривали все окрестные леса, и это можно считать большой-пребольшой удачей, почти чудом. Ей рассказали, что в глухой чаще леса на склоне горы Ёнхе неподвижно стояла рядом с промокшими деревьями, словно сама превратилась в дерево.

Около четырех часов дня, когда позвонили и сообщили об исчезновении Ёнхе, она находилась в клинике вместе с пятилетним сыном. Вот уже пять дней температура тела Чиу поднималась до сорока градусов, и они поехали делать снимок легких. Мальчик стоял перед аппаратом, с беспокойством поглядывая то на рентгенолога, то на маму.

— Это госпожа Ким Инхе?

— Да, это я.

— Вы опекаете Ким Ёнхе?

Из клиники, где лежит Ёнхе, с ней первый раз связались по мобильному телефону. Время от времени она звонила сама, чтобы заранее договориться о дате посещения сестры или узнать, все ли у той в порядке. Медсестра спокойным тоном, за которым скрывалось волнение, сообщила ей,

как и когда исчезла Ёнхе.

— Мы делаем все возможное, чтобы найти ее, но если вдруг она придет к вам, необходимо сразу нам позвонить.

Прежде чем закончить разговор, медсестра спросила:

— А она не может поехать куда-нибудь еще? Например, к родителям?

— Родительский дом далеко… Если нужно, я позвоню им сама.

Она закрыла крышку телефона, положила его в сумку, вошла в кабинет и обняла Чиу. Похудевшее за несколько дней тело сына было горячим.

— Мамочка, я молодец, да?

Лицо ребенка раскраснелось в ожидании похвалы, не только из-за температуры.

— Да, правда. Ты даже не шелохнулся!

Услышав от врача, что воспаления легких нет, она взяла Чиу на руки, под дождем села с ним в такси и поехала домой. Быстро умыв ребенка, накормила его кашей, дала лекарства и рано уложила спать. У нее уже не было сил бередить себе душу мыслями о пропаже сестры. Сын болел пятый день, и пятые сутки ей не удавалось нормально поспать. Прошлой ночью она решила, если через день температура не спадет, положить

его в центральную больницу. На всякий случай заранее сунула в сумку медицинскую страховку, и когда укладывала туда одежду Чиу, зазвонил телефон. На часах было почти девять.

— Вы говорите, она нашлась? Какое счастье. Я навещу ее на следующей неделе, как планировала.

Она искренне благодарила медсестру, но из-за навалившейся усталости голос звучал сухо, почти равнодушно. И только положив трубку, она осознала, что ливень накрыл всю страну, а это значит, и в лесу, где нашли Ёнхе, тоже шел дождь.

Она не понимала, как образ сестры мог предстать перед ней настолько четко, настолько правдоподобно. Всю ночь прикладывая мокрое полотенце ко лбу тяжело сопящего ребенка, то и дело проваливаясь в короткий сон, словно теряя сознание, она видела за дождевой завесой призрачно мерцающий лес. Черный дождь, черный лес, окутанный дождем, белая больничная пижама, мокрые волосы, темный крутой склон и неприкаянная Ёнхе, стоящая там, как привидение, превратившаяся в сгусток воды и темноты. Наконец ночь закончилась, и она, пощупав лоб ребенка, вздохнула с облегчением: температура

спала. Она вышла в гостиную и долго безучастно смотрела на тусклую синеву предрассветного неба, которая проникала через окна лоджии.

Она свернулась калачиком на диване. Надо было поспать хотя бы час, пока не проснулся Чиу.

Сестра, я стою на руках, на моем теле выросли листья, из рук пробились корни… Я вросла в землю. Навсегда. Навсегда… И знаешь, в паху собирались распуститься цветы, и я расставила ноги, широко так расставила, но…

Голос Ёнхе, услышанный ею в полудреме, звучал сначала тихо и ласково, потом — мило, будто лепечет невинный ребенок, а в конце — невнятно и сдавленно, словно это был голос животного, и она уже не могла разобрать слов. Сильное отвращение, испытываемое ею впервые в жизни, заставило ее испуганно открыть глаза, но затем ее снова затянуло в сон. Теперь она стояла в ванной перед зеркалом. Из левого глаза ее отражения пошла кровь. Она быстро подняла руку, чтобы вытереть струйку, но фигура в зеркале почему-то не двигала рукой, а лишь стояла в растерянности, глядя, как из глаза льется алая кровь.

Кашель Чиу разбудил ее, она вскочила и поспешила в спальню. Прогоняя из памяти образ Ёнхе, которая когда-то давно сидела в углу этой

комнаты, прижав колени к груди, она схватила ручонку сына, увидев, как он дернулся во сне…

— Теперь все нормально, все будет нормально.

Она тихо шептала эти слова, не зная точно, кому: то ли ребенку, чтобы утешить его, то ли себе для успокоения.

* * *

Автобус сворачивает с горной дороги и останавливается на перекрестке. Передняя дверь распахивается, она торопливо спускается по ступеням и раскрывает зонтик. Больше никто не выходит. Автобус без задержки мчится дальше и исчезает вдали в пелене дождя.

Если от этой остановки направиться по отходящей в бок узкой дороге, обогнуть крутой холм, пройти тоннель длиной около пятидесяти метров, то можно увидеть маленькую больницу, стоящую посреди леса. Кажется, дождь немного утих, но по-прежнему стучит по зонту. Она нагибается, чтобы подвернуть брюки, как вдруг ее взгляд натыкается на мелколепестник — беленькие цветочки, прибитые дождем к асфальту. Она поправляет увесистую сумку. Поднимает вертикально зонтик, идет в сторону больницы.

Теперь, чтобы узнать, как протекает болезнь

Ёнхе, она шагает по этой дороге каждую среду, но до того дождливого дня, когда сестра исчезла, а потом была найдена в лесу, она приезжала сюда примерно раз в месяц. На этой тихой и унылой дороге, по которой она идет, неся в сумке фрукты, рисовые хлебцы, конвертики из жареного тофу, фаршированные рисом с овощами в уксусном соусе, редко можно увидеть человека или машину. Когда они усаживались напротив друг друга в комнате для свиданий, рядом с регистратурой, и она выкладывала на стол привезенные гостинцы, Ёнхе молча, как ребенок, выполняющий домашнее задание, начинала есть. Случалось, она собирала волосы сестры, заправляла их за уши, и Ёнхе поднимала глаза, спокойно улыбаясь. В такие приятные мгновения возникали мысли: разве есть какие-то проблемы? Разве нельзя вот так провести всю оставшуюся жизнь? Ведь Ёнхе здесь может говорить только тогда, когда хочет говорить, может не есть мясо, если не хочет. А ей самой будет вполне достаточно вот так, время от времени, навещать сестру.

Ёнхе младше на четыре года. То ли из-за достаточно большой разницы в возрасте, то ли по другой причине, но они росли без каких-либо трений и споров, что редко бывает между сестрами.

С самого детства, когда они жили в родительском доме, по очереди получая пощечины от горячего на руку отца, Ёнхе была для нее существом, за которым все время следовало присматривать, и она несла за нее ответственность, окутав заботой сродни материнской любви. Младшая сестричка, бегавшая с почерневшими от грязи пятками, летом от жары терпевшая потницу, выступавшую красными прыщиками на переносице, эта девочка вдруг повзрослела, и однажды она с удивлением узнала, что та собралась замуж. Одно лишь тревожило душу: чем старше становилась сестра, тем больше замыкалась в себе, меньше говорила. Она и сама была сдержанной, однако в зависимости от ситуации умела быть яркой, приветливой и добродушной. У Ёнхе же сдержанность проявлялась сильнее, и с какого-то времени из-за этой черты характера с ней бывало тяжело. Порой настолько тяжело, что она казалась совсем чужой.

К примеру, в тот день, когда родился Чиу, младшая сестра пришла в больницу посмотреть на своего первого племянника, однако вместо поздравлений лишь тихонько проговорила:

— Впервые вижу такого маленького ребеночка… Неужели младенцы, что только родились,

все такие? — Казалось, она спрашивает саму себя. — Ты сможешь одна продержать его на руках до самого городка Д., где живет мама? Машину, конечно, поведет брат… Если тебе кажется, что не сможешь, то я поеду вместе с тобой, хочешь?

Она с благодарностью приняла такое великодушное предложение, как вдруг заметила: в тихой улыбке, появившейся в эту минуту в уголках губ Ёнхе, проглядывается что-то незнакомое. Ей показалось, что нечто подобное обнаружила и Ёнхе в своих чувствах к ней. Глядя на лицо младшей сестры, на котором за внешним спокойствием проступало чуть ли не отчуждение, она не знала что сказать еще. В этом новом отношении к ней со стороны Ёнхе не было ничего похожего на мрачное поведение мужа, но чем-то они оба подавляли ее волю. Может быть, тем, что и он, и она разговаривали все реже?

Она входит в тоннель. В ненастную погоду там темнее, чем обычно. Складывает зонт. Под стук своих шагов, громко звучащих в закрытом пространстве, идет вперед. С середины стены, на которой, кажется, темнота собралась в виде капель, вверх летит большой пестрый мотылек. Она ненадолго останавливается и смотрит на трепетание его крыльев с узорчатым рисунком.

Такой вид ей раньше не встречался. Мотылек замирает, найдя себе новое место на темном потолке, и остается без движения, словно осознает, что за ним наблюдают.

Ее муж с удовольствием снимал на видео разных насекомых, а также птиц, и вообще все, что имело крылья, начиная с самолета и заканчивая мухами и мотыльками. Ее, и без того далекую от искусства, приводили в замешательство сцены, на которых был запечатлен полет этих крылатых существ, казалось бы, не имеющих отношения к содержанию его работы.

Однажды она спросила его:

— А зачем вы вставили в фильм эти кадры?

Это случилось, когда после сцен разрушенния моста и громких рыданий людей на похоронной церемонии в конце фильма примерно на две секунды неожиданно возникла черная тень птицы, медленно летящей вверх в пустом пространстве. Он ответил:

— Не знаю. Просто так выходит. Вставлю такой полет, и на душе становится легче.

А затем наступило привычное молчание.

Видела ли она когда-нибудь истинную сущность мужа, погруженного в молчание, в которое, как ей казалось, проникнуть невозможно? «Мо-

жет быть, он покажет эту сущность в своих работах?» Случалось, к ней приходили и такие мысли. Он создавал видеоарт, короткие фильмы — около двух минут и длинные — до часа, и выставлял их на суд зрителей. Откровенно говоря, до встречи с ним она жила, даже не подозревая, что существует такой вид искусства. Она очень старалась, но не могла понять заложенный в его произведения смысл.

В памяти встает тот день, почти вечер, когда они впервые увидели друг друга. Худой, как стебелек проса, с отросшей за несколько дней щетиной на лице, он вошел в ее магазинчик с тяжелой, даже на взгляд, сумкой для видеокамеры. Рассматривая лосьоны после бритья, оперся локтями о стеклянный стенд, и она заметила, что от усталости он с трудом держится на ногах. Ей показалось, что стенд может упасть вместе с ним. Она приветливо обратилась к нему с вопросом: «Вы обедали?» Для нее, почти не имевшей опыта в любовных делах, такая смелость была почти чудом. Он как будто немного удивился, но словно у него не осталось сил даже на то, чтобы выразить удивление, просто перевел утомленный взгляд на ее лицо. То, что она закрыла магазин, вышла и разделила с ним поздний обед — конечно, и

блюда выбирала она, — все это случилось из-за того, что он показался ей совсем беззащитным, неухоженным, и это чувство заставило ее забыть обо всех барьерах, установленных между мужчиной и женщиной.

С того самого дня она хотела только одного — своими силами устроить ему такую жизнь, чтобы он мог отдыхать. Однако, несмотря на ее искреннюю заботу, стремление оградить его от всех проблем, он и после женитьбы по-прежнему выглядел уставшим. Всегда занятый работой, в редкие часы, когда находился дома, он казался постояльцем гостиницы, замкнутым и холодным. А когда что-то не получалось, его молчание растягивалось, как резина, и становилось тяжелым, как скала.

Не прошло много времени, как она поняла: возможно, человек, которому она горячо желала обеспечить отдых, не он, а она сама. Или, возможно, просто увидела — оглядываясь на себя, в восемнадцать лет девчонкой покинувшую родительский дом и без чьей-либо помощи устроившую себе жизнь в столице, — что его постоянная усталость отразилась на ней самой.

У нее не было твердой уверенности ни в своей любви к нему, ни в его — к ней. Он оказался совсем

неприспособленным к обычной семейной жизни, поэтому время от времени она чувствовала, что он во всем полагается на нее. Будучи по натуре прямым настолько, что производил впечатление бесхитростного человека, он никогда, кто бы перед ним ни оказался, не мог льстить или что-либо преувеличивать. Но к ней всегда относился по-доброму, ни разу не сказал ничего плохого и порой смотрел на нее с большим уважением.

Еще до женитьбы он признался:

— Я недостоин тебя. Твоя доброта, твое спокойствие, самообладание, твое отношение к жизни, в котором нет ничего неестественного… Все это производит на меня такое сильное впечатление.

Эти слова хоть немного, но все-таки были искренними, поэтому прозвучали для нее правдиво, однако не означали ли они, что у него нет к ней никаких чувств, похожих на любовь?

Очевидно, по-настоящему он любил только снятые им образы или образы, которые собирался снять. После женитьбы, впервые сходив на показ его фильма, она была поражена увиденным, потому что не могла поверить, что этот мужчина, который выглядел таким неустойчивым, что, казалось, вот-вот упадет, исходил со своей камерой столько разных мест. Она с трудом представляла

себе, как ему удавалось получить разрешение на съемку в таких местах, где требовались быстрая реакция, смелость, настойчивость и бесконечное терпение. Другими словами, ей не верилось, что в его чувствах может быть столько огня. Между его наполненными страстью произведениями и образом жизни, который напоминал существование рыбы, заточенной в аквариуме, проходила четкая грань, и она не понимала, как в нем одном уживаются два совершенно разных человека, и она не понимала, как в нем одном уживаются два совершенно разных человека.

Только раз ей удалось увидеть дома блеск в его глазах. Чиу уже исполнился годик, и ребенок начал потихоньку ходить. Вынув камеру, ее муж начал снимать сына, шагающего на неуверенных ножках посреди гостиной, освещенной солнцем. И как Чиу бросается ей в объятия, и как она целует его в макушку, тоже снял. Его глаза светились доселе неизвестным ей жизнелюбием, когда он говорил:

— Может, вставить анимацию, как у Миядзаки, чтобы с каждым шагом Чиу распускались цветы? Или нет, лучше, если за ним будет взлетать рой бабочек. А в этом случае фильм получится хороший, если снять его на лужайке.

Он научил ее включать видеокамеру и, показывая только что отснятые кадры первых шагов сына, с воодушевлением сказал:

— Ребенка надо одеть в белое, и ты тоже должна быть в белом. Нет, не то. Не знаю, может, наоборот, будет лучше смотреться поношенная одежда? Да, это лучше. Прогулка бедной матери с сыном, и при каждом несмелом шаге ребенка из-под его ног, как чудо, вылетают яркие бабочки…

Однако на лужайку они не пошли. Вскоре Чиу подрос, и при ходьбе ножки его больше не заплетались. Фильм, в котором вслед за ребенком порхают бабочки, остался лишь в ее воображении.

С какого-то времени он стал уставать еще больше. Все время торчал в студии, порой не ночевал дома, для него перестали существовать выходные и праздники, однако по нему не было видно, что он завершает новую работу. Его кроссовки покрывались слоем пыли от бесконечных блужданий по улицам, но все продолжалось, как прежде. Случалось, проснувшись на рассвете, она входила в темную ванную и вздрагивала от испуга. Вернувшись домой неизвестно когда, он в одежде ложился в ванну и засыпал, свернувшись калачиком.

— А у нас есть папа?

Этот вопрос ребенок иногда задавал после его ухода из семьи. Впрочем, когда они жили вместе, он каждое утро спрашивал тоже самое.

— Нет.

Она отвечала коротко. А про себя добавляла: «Никого нет. Есть только ты и я. До каких пор так будет продолжаться?»

* * *

Корпуса больницы выглядят тоскливо и жалко. Серые кирпичные стены, промокшие под дождем, кажутся массивными и более темными, чем обычно. Окна палат на втором и третьем этажах закрыты металлическими решетками. В ясные дни в них редко кого можно увидеть, но сегодня маячат белые лица нескольких пациентов, которые смотрят на дождь. Бросив взгляд на окна третьего этажа пристройки, там расположена палата Ёнхе, — она направляется к входу, ведущему к регистратуре, магазину и комнате для свиданий.

— У меня назначена встреча с доктором Пак Инхо.

Работница отдела узнает ее, здоровается. Она складывает зонтик, с которого капает вода, и

садится на длинную деревянную скамью. Лечащий врач должен спуститься в комнату для консультаций, и она, ожидая его, как всегда, поворачивает голову и смотрит на дзелкву во внутреннем дворе больницы. Оно старое, это дерево, и выглядит лет на четыреста. В ясный день дзелква расправляет все свои многочисленные ветви и, отражая солнечные лучи, кажется, что-то говорит ей, но сегодня, залитая дождем, молчит, как сдержанный человек, спрятавший в себе слова, которыми хотел бы поделиться. Кора на нижней части ствола старого дерева вся промокла, под ним темно, как вечером, листья на тонких ветках беззвучно дрожат, отдавшись во власть дождя. На образ дерева, как привидение, наслаиваются очертания Ёнхе, и она тихо пронизывает взглядом лицо младшей сестры.

Она надолго закрывает красные от переутомления глаза, потом все же открывает их. В поле зрения по-прежнему только старое дерево. После той ночи Чиу выздоровел и снова пошел в детский сад, однако ей самой до сих пор никак не удается наладить нормальный сон. Вот уже третий месяц она спит не больше часа, просыпается и с трудом засыпает опять, так же лишь на короткое время. И всю длинную ночь ей только

и остается удалять из памяти, словно растирая в порошок черепки глиняной посуды, голос Ёнхе и лес, заливаемый черным дождем, свое лицо и текущую из глаза алую струйку крови.

Отказавшись наконец от попыток уснуть, она встает примерно в три часа ночи. Умывается, чистит зубы, готовит еду, наводит порядок в каждом закутке квартиры, однако стрелки на часах, словно к ним привесили тяжелые гири, не спешат двигаться вперед. Она заходит в комнату мужа, слушает музыку, записанную им на диски, или начинает описывать круги, положив руки на талию, как раньше делал он, или ложится в ванну в одежде, поджав под себя ноги, и впервые у нее появляется ощущение, что его можно понять. Должно быть, у него не хватало сил даже раздеться. А отрегулировать горячую воду и принять душ, тем более. Она осознает, что именно это изогнутое и узкое пространство, как ни странно, было для него самым уютным местом во всем доме площадью сто пять квадратных метров.

«Когда все пошло не так? — иногда спрашивает она себя в такие минуты. — Когда все это началось? Точнее, когда все начало рушиться?»

Ёнхе стала вести себя странно примерно три года назад, неожиданно ударившись в вегетариан-

ство. Сейчас этих вегетарианцев полным-полно, но что особо отличало Ёнхе от всех остальных, так это неясность мотива, из-за которого она отказалась от мяса. Она худела так стремительно, что нельзя было смотреть на нее без боли, и при этом почти не спала. Все и раньше считали ее тихой и спокойной, но она совсем замкнулась в себе и так мало говорила, что врач не смог найти с ней общий язык. Ее муж, конечно, рассказал о таких странностях, заставив всю семью переживать за дочь и сестру. В это время они как раз переехали в новую квартиру. На новоселье собрались все родственники с детьми, и за обедом отец дал Ёнхе пощечину, силой раскрыл ей рот и запихал туда кусок мяса. Глядя на младшую сестру, она дрожала всем телом, словно это ее ударил отец. А затем, оцепенев, наблюдала, как у Ёнхе вырвался крик дикого животного, как она с отвращением выплюнула мясо, как схватила нож для фруктов и полоснула по своему запястью.

«Можно ли было помешать этому? — нет-нет, да и задавала она себе вопрос. — Могла ли она в тот день удержать руку отца? Не дать Ёнхе схватить нож? Помешать тому, чтобы муж взвалил на свою спину залитую кровью Ёнхе и помчался с ней в больницу? Уговорить зятя не бросать

жену так безжалостно сразу после ее выписки из психиатрической клиники? И могла ли она не допустить того, о чем даже вспоминать не хочется, того, что сотворил ее муж с Ёнхе, — эту беду, которая вылилась в дешевый скандал? Могла ли она предотвратить все это — разрушившее, как гору из песка, жизнь всех близких ей людей?»

Она и знать не хочет, какое такое вдохновение черпал муж из маленького сине-зеленого монгольского пятна, оставшегося на ягодице Ёнхе. В то осеннее утро она принесла сестре приготовленные для нее салаты и увидела сцену, которая казалась выше ее понимания, не вмещалась в рамки здравого смысла. Накануне ночью он расписал свое тело и тело Ёнхе пестрыми цветами, а затем снял на камеру сцену совокупления.

Могла ли она помешать ему? Не проглядела ли первые признаки, по которым поняла бы его намерения? Не могла ли более убедительно донести до его сознания, что Ёнхе больна, что она проходит курс лечения?

Даже в самом страшном сне ей не привиделось бы, что мужчина, лежавший в то утро под одеялом рядом с Ёнхе, чье тело сплошь покрывали нарисованные красные и желтые цветы, — ее муж. В борьбе с желанием оставить все как есть

и убежать победила мысль, что надо защитить младшую сестру. Доверившись своему чувству ответственности, пренебречь которым было невозможно, она подняла оставленную у прихожей камеру, и, зная, как надо включать аппарат — именно он научил ее этому, — просмотрела запись. Вынув кассету, словно пылающую огнем, и уронив ее, она нажала на кнопки мобильного телефона, заявила о двух больных, которым требуется срочная психиатрическая помощь, но все еще не могла принять происходящее за реальность. Она отказывалась верить собственным глазам. Одно было ясно: поступок мужа нельзя простить, ни за что нельзя простить.

Он проснулся после полудня, потом пробудилась и Ёнхе, и тут примчалась бригада «скорой помощи» из трех мужчин со смирительными рубашками и защитным снаряжением. Ёнхе стояла на лоджии, поэтому два санитара сначала бросились к ней. Она отчаянно сопротивлялась, пока они натягивали рубашку на ее ярко раскрашенное тело, сильно укусила одного за руку, что-то невнятно кричала пронзительным голосом. В предплечье дергавшейся всем телом Ёнхе вонзилась игла. В это время муж оттолкнул стоявшего у прихожей санитара и попытался убежать, но тут

же был схвачен. Он боролся изо всех сил, сумел вырваться и, повернувшись, вдруг стремглав понесся к лоджии. Никто не успел даже глазом моргнуть. Он собирался перелететь через перила, словно стал птицей. Однако проворный санитар успел двумя руками ухватить его за ноги, и он перестал сопротивляться.

Она дрожала всем телом, наблюдая всю эту сцену до самого конца. Когда его выводили из квартиры, их глаза встретились последний раз, и она напрягла все силы, чтобы уничтожить его своим взглядом. Однако в его глазах она не увидела ни страсти, ни признаков сумасшествия. Не было в них и сожаления или отчаяния. В его глазах таился лишь страх, такой же, какой в тот миг чувствовала она сама, и больше в них ничего не отражалось.

Вот так все закончилось. После того дня возвращение к прежней жизни стало просто невозможным.

В больнице выяснилось, что он нормальный, и его поместили в камеру предварительного заключения. Судебный процесс, длившийся несколько месяцев, утомительные проверки и выяснение различных деталей закончились его освобождением, и он, куда-то скрывшись, больше

не появлялся. Однако Ёнхе не удалось выйти из закрытого лечебного заведения. Некоторое время после первого помешательства она разговаривала, но теперь опять замолчала. Вместо того чтобы говорить с людьми, она садилась, скорчившись, где-нибудь в безлюдном месте на солнце и что-то тихо бормотала. Она по-прежнему не ела мясо и, если подавали что-то мясное, с криком куда-нибудь убегала. В солнечную погоду прилипала к окну, расстегивала пуговицы на пижаме и выставляла грудь. Внезапно одряхлевшие родители больше не желали видеть младшую дочь, но и со старшей, напоминавшей им о зяте, который оказался хуже животного, тоже прервали отношения. Младший брат и его жена тоже перестали общаться с сестрами вслед за родителями. Однако она не могла бросить Ёнхе. Ведь кто-то должен был платить за ее содержание в больнице, кто-то должен был нести ответственность за больную.

Она продолжала жить. По-прежнему вела свой бизнес, чувствуя за спиной отголоски того ужасного скандала. Время — до жестокости равнодушная волна, поэтому и ее жизнь, которая сжалась до твердого комка из одного лишь терпения, неслась дальше в общем потоке. Чиу, которому в ту осень было четыре года, сейчас уже

исполнилось пять. Примерно к этому времени, когда она собралась перевести сестру в больницу, расположенную в хорошем месте и с приемлемой ценой за лечение, состояние Ёнхе, казалось, намного улучшилось.

С детских лет в ней чувствовался сильный характер, какой бывает у тех, кто строит жизнь своими руками. За все, что происходило с ней, она отвечала сама, а по своей натуре она чистотой помыслов напоминала ангела. Как дочь и сестра, как жена и мать, как предприниматель, ведущий свой маленький бизнес, и даже как пассажир метро, вынужденный иногда в толпе задевать кого-то локтем, она старалась делать все возможное, чтобы оставаться собой. Благодаря своей добросердечности она могла бы со временем преодолеть все что угодно. Если бы в прошедшем марте Ёнхе вдруг не исчезла, если бы дождливой ночью ее не обнаружили в лесу, если бы после этого дня все признаки ее болезни не проявились так резко…

* * *

Раздается энергичный стук ботинок, и в дальнем конце коридора появляется молодой врач в белом халате. Она встает, здоровается с ним, и он

в ответ быстро склоняет голову. Широким жестом приглашает ее в комнату для консультаций. Она молча следует за ним.

Врачу — лет тридцать пять, и на него приятно смотреть: на вид пышет здоровьем, в меру упитан. Выражение лица и походка говорят о большой уверенности в себе. Усевшись за стол, он смотрит на нее, наморщив лоб. Она чувствует, что разговор приятным не будет, и на душе становится тяжело.

— Сестра…

— Мы делаем все возможное, однако ее состояние не меняется.

— Тогда сегодня…

Ее лицо краснеет, словно она совершила какую-то оплошность. Врач вместо нее заканчивает мысль:

— Сегодня попробуем через трубку ввести ей питательный раствор из злаков, и, если появится хотя бы небольшое улучшение, посчитаем это за удачу, а если и это не поможет, то останется только перевезти ее в общую больницу как тяжелобольную.

Она задает вопрос:

— Можно мне недолго побыть с ней и еще раз попробовать убедить принимать еду?

Он через стол смотрит на нее, в глазах нет надежды. Кажется, он устал. А еще — что в нем сидит скрытая обида на больного, с которым не получается, как он рассчитывал. Бросив взгляд на свое запястье, он говорит:

— Даю вам примерно тридцать минут. Если удастся убедить ее, сообщите об этом медсестрам. Если не получится, увидимся в два часа.

Ей кажется, врач хочет тут же вскочить и покинуть комнату, но, должно быть, почувствовав себя виноватым, он решает немного смягчить разговор:

— Как я уже говорил вам прошлый раз, в случае психологической анорексии от пятнадцати до двадцати процентов больных умирают от голода. Такие пациенты уверены, что они поправляются, даже когда от них остаются кожа да кости. Основной причиной этой болезни является конфликт с матерью, с детства подавлявшей волю ребенка… Однако случай с госпожой Ким Ёнхе особый, здесь налицо шизофрения и одновременно отказ от приема пищи. Я считал, что у нее нет тяжелой формы шизофрении, но, по правде говоря, никто не ожидал, что все так обернется. Убедить больного удается в том случае, когда болезнь вызвана осуждением его поведения. Например,

врач принимает пищу вместе с пациентом и уговаривает его поесть. Однако в нашем случае неясна сама причина отказа госпожи Ким Ёнхе от еды, и лекарства не дают положительного эффекта. Мне нелегко говорить об этом, но я не в силах что-либо сделать. Прежде всего нужно сохранить ей жизнь… Однако уверенности, что в нашей больнице мы спасем ее, нет.

Прежде чем подняться, врач задает ей вопрос. Так проявляется его профессиональная наблюдательность:

— Вы плохо выглядите. Наверное, мало спите?

Она не может ответить сразу.

— Ответственный за больного должен быть здоровым.

Они обмениваются легкими поклонами, и доктор первым покидает комнату, все так же стуча ботинками. Она выходит вслед за ним и видит удаляющуюся фигуру уже в самом конце коридора.

Когда она возвращается на длинную скамью перед регистратурой, в дверях появляется средних лет женщина в яркой нарядной одежде под руку с мужчиной примерно того же возраста. Должно быть, пришли навестить больного. В следующее мгновение изо рта женщины выры-

вается площадная брань. Мужчина, не обращая внимания на оскорбительные слова, очевидно, уже привыкнув к ним, достает из большого портмоне медицинскую страховку и протягивает служащей в окошко.

— Сволочи! Высосал бы кто все ваши кишки, и все равно легче не стало бы! Я собираюсь эмигрировать! С такими сволочами, как вы, ни дня не хочу быть вместе!

На мужа вроде не похож. Старший брат или, может, младший? Если сегодня эту женщину оформят и положат в больницу, то наверняка ночь ей придется провести в изоляторе для буйных. Весьма вероятно и то, что ей свяжут руки и ноги, всадят укол с успокоительным. Она рассматривает яркую шляпу с цветочным орнаментом на женщине, орущей благим матом. Вдруг осознает, что вот таких людей, сошедших с ума, воспринимает уже спокойно. Мирная улица, заполненная толпой нормальных прохожих, время от времени ей кажется непривычной.

Она вспоминает тот день, когда впервые привезла сюда Ёнхе. Ярко светило солнце, осень только наступила. Изолятор для тяжелобольных в общей больнице Сеула находился недалеко от их дома, но плата за лечение оказалась слишком

высокой, поэтому, услышав от многих, что в этой больнице хороший уход, она перевела сестру сюда. Чтобы выписать ее из городской больницы, она пошла на консультацию с лечащим врачом и от него получила совет лечить сестру амбулаторно:

— Пока, судя по нашим наблюдениям, все идет нормально. Вести прежнюю жизнь в обществе она не сможет, но сейчас для выздоровления требуется помощь семьи.

Она ответила:

— В прошлый раз я выписала ее из больницы, поверив вашим словам. Я думаю, не забери я ее тогда, сейчас ей было бы лучше.

Тогда она знала. Знала, что тревога по поводу новой вспышки болезни — с ней она поделилась с доктором — всего лишь внешняя причина. Знала, что не сможет вынести присутствие Ёнхе рядом с собой. Знала, что не сможет ее видеть, потому что та напоминает о страшном прошлом. Знала, что тайно ненавидит ее. Знала, что не сможет простить безответственность сестры, которая в одиночку перешла границы их общего мира, переложила всю грязь жизни на ее плечи.

К счастью, Ёнхе сама захотела продолжить лечение:

— В больнице спокойно.

Четко сказав доктору эти слова, одетая не в больничную пижаму, а в обычную одежду, она казалась тихой и кроткой. Взгляд ее был ясным, в очертаниях губ чувствовалась твердость. Поскольку она ела очень мало, вес ее уменьшился, и сейчас она, и до того худая, отощала совсем. Только этим она отличалась от обычных людей. И в такси, которое везло их в больницу, она сидела тихо, глядя в окно, не подавая никаких признаков беспокойства, а когда добрались до места, легкими шагами, словно вышла прогуляться в парк, последовала за ней. И настолько она не выглядела больной, что в регистратуре служащая спросила:

— Кто из вас к нам поступает?

Пока они ждали, когда оформят документы, она сказала Ёнхе:

— Здесь, на чистом воздухе, у тебя должен появиться аппетит. Тебе надо есть побольше, и тогда ты поправишься.

В последнее время понемногу начавшая что-то говорить, Ёнхе, бросив взгляд на дзелкву за окном, сказала:

— Да… Здесь есть большие деревья.

Санитар средних лет, сильный и здоровый на

вид, получив указание от руководства, подошел проверить содержимое сумки поступающего в больницу. Нижнее белье, повседневная одежда, тапочки, предметы личной гигиены. Мужчина тщательно осмотрел каждую вещь, каждый предмет. Наверное, проверял, нет ли среди них веревки, шпильки или булавки. Вынув из сумки толстый длинный пояс к шерстяному пальто, он велел сестрам идти за ним.

Открыв ключом дверь, санитар прошел в больничный корпус; они двинулись следом. Ёнхе оставалась невозмутимой, пока знакомилась и разговаривала с медсестрами. Наконец, опуская сумку с вещами рядом с указанной кроватью в шестиместной палате, она вдруг уперлась взглядом в частые металлические прутья на окнах. Чувство вины, до сих пор не дававшее о себе знать, тяжелым камнем легло на душу, и она растерялась. В эту минуту Ёнхе молча подошла и встала рядом.

— …И отсюда видны деревья.

Плотно сжав губы, она убеждала саму себя: «Не поддавайся чувствам. В любом случае, эта ноша тебе не под силу. Никто тебя за это не осудит. Достаточно того, что ты уже сделала для нее».

Она не взглянула на профиль Ёнхе, стоявшей

рядом. Не могла оторвать глаз от того, как за окном яркие осенние солнечные лучи преломляются над лиственницей, еще не сбросившей все свои иголки. Словно утешая, Ёнхе позвала ее спокойным, тихим голосом:

— Сестра.

От ее старого черного свитера смутно пахло нафталином. Она ничего не ответила, и Ёнхе еще раз тихо прошептала:

— Сестра…

Молчание.

— Сестра… Все деревья на свете нам братья и сестры.

* * *

Пройдя мимо корпуса номер два, где размещались бродяги и умственно отсталые, она останавливается перед входом в первый корпус. В глаза бросаются пациенты — они стоят вплотную к стеклянным дверям и смотрят на дождь. Видно, им тоскливо: вот уже несколько дней из-за непогоды они не могут гулять. Она нажимает на дверной звонок, и тут же из сестринской комнаты на первом этаже выходит санитар лет сорока, в руках у него ключи. Должно быть, он заранее получил сообщение из регистратуры,

спустился с третьего этажа, где лежит сестра, и дожидался ее.

Она обращает внимание на молодую женщину, которая глядит на нее через стекло, прижавшись щекой к закрытой двери. Пустые глаза следят за ней, пронизывают насквозь. Здоровый человек не смог бы смотреть на незнакомца так пристально. Открыв дверь, санитар быстро поворачивается и, воткнув ключ в замок, запирает его.

— Как сестра ведет себя в последнее время? — спрашивает она его, поднимаясь по лестнице на третий этаж. Тот оглядывается и качает головой:

— Даже не спрашивайте. Теперь уже и иглу от капельницы пытается выдернуть, поэтому пришлось перевести ее в изолятор для буйных, вколоть успокоительное и положить под капельницу. Не знаю, откуда только в этом тельце берется сила, чтобы так вырываться…

— Значит, она сейчас в изоляторе?

— Нет. Недавно проснулась, и мы перевели ее в палату. Разве вам не сказали, что в два часа ей вставят трубку и будут кормить через нос?

Вслед за санитаром она входит в холл на третьем этаже. В ясный день это пространство заполняется пожилыми пациентами, которые сидят на скамьях у окна, греясь на солнце, заяд-

лыми игроками в пинг-понг, а также музыкой, что включают медсестры в своей комнате, и мелодии эти вызывают светлые чувства. Но сегодня все оживление обитателей корпуса словно погасил дождь. В холле тихо, людей совсем немного. Наверное, большинство пациентов разбрелись по своим палатам. Страдающие старческим слабоумием сидят, вобрав головы в плечи, и грызут ногти или смотрят себе под ноги, кто-то молча прилип к окну. Возле стола для пинг-понга никого нет.

Она бросает взгляд на западную сторону коридора, где обычно после полудня через широкое окно льется поток солнечных лучей. Когда она приезжала навестить сестру в марте, перед самым ее исчезновением, та не вышла в комнату для свиданий. До этого ей позвонила ответственная за Ёнхе медсестра и сказала, что ее подопечная, как это ни странно, вот уже несколько дней отказывается покидать корпус больницы и что она не хочет выходить даже на свободную прогулку, так любимую всеми больными.

Тем не менее, не желая возвращаться назад ни с чем — не зря же такой длинный путь проделала, — она попросила показать ей сестру, и санитар спустился за ней на первый этаж.

Увидев причудливую женскую фигуру, которая стояла вниз головой в коридоре, окнами выходящем на запад, она не могла представить, что это Ёнхе. И только когда медсестра, разговарившая с ней по телефону, подвела ее ближе, она узнала длинные густые волосы сестры. Та стояла, опираясь на плечи и подняв ноги вверх. Лицо ее было красным от прилившей крови. Медсестра с беспокойством сказала:

— Вот уже тридцать минут так стоит. Два дня назад это началось. Кажется, и говорит что-то… Она отличается от других больных с такой формой заболевания. До вчерашнего дня мы ее переворачивали на ноги и вели в палату, однако она и там вставала вниз головой… И запретить делать это мы не можем.

Прежде чем вернуться назад, медсестра добавила:

— Если ее толкнуть, она упадет. Не послушается вас — попробуйте толкнуть. Я все равно собиралась поднять ее и вести в палату.

Оставшись наедине с сестрой, она присела на корточки и попыталась поймать ее взгляд. Если человек перевернется вниз головой, его лицо будет казаться не таким, как если бы он стоял на ногах. Несмотря на свою худобу, лицо Ёнхе

выглядело странным из-за оттянутой вниз кожи. Сверкающие живым блеском глаза смотрели куда-то в пустоту. Кажется, она даже не узнала в подошедшей женщине свою сестру.

— …Ёнхе.

Не услышав ответа, она позвала ее немного громче:

— Ёнхе. Что ты делаешь? Давай ты встанешь как следует, а?

Она коснулась рукой ее разгоряченной щеки.

— Вставай на ноги, Ёнхе. Голова не болит? Лицо вон какое красное.

В конце концов пришлось ее толкнуть. И в самом деле, она свалилась, ударившись ногами об пол. Она обняла Ёнхе за шею и приподняла.

— Сестра, — Ёнхе светло улыбнулась, — когда ты приехала?

Ее лицо светилось радостью, словно она только что пробудилась от хорошего сна.

Подошел санитар, наблюдавший за стеной, и провел их в отдельную комнату, расположенную рядом с холлом. Сказал, что больные в тяжелом состоянии — те, кто не может спуститься к регистратуре, — с родственниками здесь встречаются. Очевидно, в этой комнате проходили и консультации с врачами.

Она собралась выложить на стол продукты, но Ёнхе вдруг сказала:

— Сестра, больше не приноси сюда ничего. — Затем улыбнулась: — Мне теперь вообще можно не есть.

— О чем ты говоришь?

Она с недоумением посмотрела на Ёнхе. Такого светящегося радостью лица она давно у сестры не видела. Вернее, никогда. Она спросила:

— А что ты делала несколько минут назад?

Вместо ответа Ёнхе задала встречный вопрос:

— Сестра, знаешь ли ты?

— Что?

— Я и не подозревала. Думала, деревья стоят прямо… Только недавно все выяснила. Оказывается, они стоят, упершись руками в землю. Смотри, смотри туда. Разве это не удивительно?

Ёнхе вскочила и показала на окно:

— Все, все деревья стоят вниз головой! — И она радостно засмеялась.

Только сейчас она осознала, что выражение лица сестры напоминает ей о мгновениях их детства: ее маленькая сестричка прищуривала глаза, которые вдруг становились черными, и у нее беззаботно вырывался невинный смех.

— А знаешь, как я узнала? Во сне узнала. Когда

я стояла вниз головой… из моего тела выросли листочки, из рук вылезли корни… и я начала зарываться в землю. Все глубже и глубже… В паху стали пробиваться цветы, и я раздвинула ноги, широко так раздвинула…

Не находя никаких слов, ошеломленная, она лишь печально смотрела в глаза Ёнхе, блестевшие, как в горячке.

— Меня, мое тело надо облить водой. Сестра, мне не нужна еда. Мне нужна вода.

* * *

— Спасибо вам за заботу.

Она благодарит главную медсестру. Угощая рисовыми хлебцами, обходит и других сестер. Пока она, как обычно, разговаривает с ними о состоянии Ёнхе, к ним отойдя от окна медленно приближается больная лет пятидесяти, уже несколько раз принимавшая ее за сотрудницу больницы, и низко кланяется.

— У меня болит голова. Попросите, пожалуйста, доктора прописать мне другие лекарства.

— Я не работаю здесь. Пришла навестить младшую сестру.

Женщина умоляюще смотрит ей в глаза.

— Спасите меня… Понимаете, голова так силь-

но болит, что мочи нет. Как мне жить с такой болью?

В это время один из пациентов, мужчина лет тридцати, подходит к ней сзади и встает почти вплотную. В подобных заведениях такое часто бывает, однако ей становится не по себе. Обитателям больницы все равно, что существует определенная дистанция, которую следует соблюдать между собой и другими, им все равно, что нельзя подолгу пристально смотреть в лицо человека. Среди них можно увидеть людей с потухшими глазами, живущих в своем замкнутом мире, и в то же время довольно часто встречаются обладатели такого ясного взгляда, что их даже можно принять за доктора. В таком состоянии когда-то находилась и ее Ёнхе.

— Госпожа медсестра, почему вы не накажете этого человека? Ведь он все время бьет меня!

Это пронзительно кричит главной медсестре женщина за сорок. Очевидно, мания преследования этой пациентки с каждым приступом обостряется.

Она еще раз благодарит медсестер и кланяется им.

— Сначала повидаюсь с сестрой, попробую поговорить с ней.

По выражению их лиц она чувствует, что они тоже устали от Ёнхе. Никто из них не верит, что убеждения или уговоры сестры хоть как-то повлияют на больную и заставят ее принимать еду. Она осторожно, так, чтобы ненароком никого не задеть, проходит мимо людей. Идет по восточному коридору к палате Ёнхе. Входит в открытую дверь, и тут же ей навстречу встает женщина с короткой стрижкой.

— Приехали? Здравствуйте.

Эту женщину зовут Хичжу, она лечится здесь от алкоголизма и гипомании. Несмотря на крепкое телосложение и хриплый голос, ее можно назвать даже привлекательной благодаря круглым глазам. В этой больнице пациентам, способным ухаживать за тяжелобольными и страдающими старческим слабоумием, давали возможность подработать в качестве сиделок, и когда Ёнхе стала вести себя беспокойно, настойчиво отказываясь от еды, она поручила Хичжу присматривать за сестрой.

— Тяжело вам приходится?

Едва она слегка улыбается, как Хичжу берет ее за руку своими влажными руками.

— Что же делать? Ёнхе… Говорят, она может умереть.

Круглые глаза женщины наполняются слезами.

— …Как она?

— Ее только что немного вырвало кровью. Она ничего не ест, поэтому желудок сократился и постоянно возникают спазмы, как мне сказали. Неужели из-за этого может даже кровь выходить?

Слова Хичжу прерываются рыданиями.

— Сначала, когда я начала присматривать за ней, такого не было… Нормально все шло. Может, я не очень хорошо ухаживала? Не думала, что до такого дойдет. Уж лучше бы я не бралась за это дело, тогда бы и не переживала так.

Отпустив руки Хичжу, чей голос становится все более возбужденным, она потихоньку, шаг за шагом, приближается к кровати. Мелькает мысль: «Хорошо бы, чтобы она не видела мои глаза. Кто бы прикрыл их?»

Ёнхе лежит прямо. Кажется, ее взгляд направлен в сторону окна, но если присмотреться, то в никуда. На лице, шее, плечах, руках и ногах не осталось ни капли жира, совсем как у голодающих в районах бедствия. В глаза бросается длинный пушок на щеках и руках от запястья до локтя. Такой пушок иногда покрывает тела

младенцев. Доктор объяснял, что причина — в нарушении гормонального баланса из-за длительного голодания.

Неужели Ёнхе превращается в ребенка? Месячные давно прекратились, весит она не более тридцати килограммов, и от грудей ничего не осталось. Она лежит, напоминая странную девочку, потерявшую все вторичные половые признаки.

Она откидывает белое покрывало. Перевернув неподвижное тело Ёнхе, проверяет, не появились ли пролежни на копчике и спине. Рана, в прошлый приезд гноившаяся, выглядит намного лучше. Взгляд ее притягивает синевато-зеленое монгольское пятно, четко, как метка, поставленное на середине ягодиц, от которых остались одни кости. Образ цветов, что возникли из этого пятна и распространились по всему телу, встает перед ее глазами и, заставив на миг почувствовать головокружение, исчезает.

— Хичжу, спасибо вам.

— …Каждый день обтирала ее влажной салфеткой, присыпала ранку специальным порошком, похлопывала, но из-за сырости заживает плохо.

— Я вам очень благодарна.

— Раньше, когда мы с медсестрами мыли Ёнхи,

тяжеловато бывало, а сейчас она так похудела, что справляемся легко. Ну, прямо так и кажется, будто снова с маленьким ребенком вожусь. Сегодня как раз хотели помыть ее, слышала, что в другую больницу переводят. Последний раз обязательно надо…

Большие глаза Хичжу снова краснеют.

— Хорошо, давайте потом вместе помоем ее.

— Да, в четыре часа, сказали, дадут горячую воду…

Женщина несколько раз прикладывает платок к воспаленным глазам.

— Ну, тогда увидимся в четыре часа.

Проводив взглядом уходящую Хичжу, она накрывает Ёнхи покрывалом. Поправляя простыню в ногах, видит, где полопались сосуды. На руках, на ногах до самых лодыжек не осталось живого места. Единственный шанс обеспечить организм белком и глюкозой — внутривенный укол, но колоть уже некуда. Последний способ — использовать большую вену на плече, однако это очень опасная процедура, поэтому лечащий врач вчера по телефону сказал, что Ёнхи следует перевезти в общую больницу. Они несколько раз пытались ввести длинную трубку через нос в пищевод и кормить питательным раствором, однако она не

давала трубке пройти через горло, зажимала его. Так сказал врач. Поэтому сегодня персонал этой клиники собирался предпринять последнюю попытку накормить Ёнхе, а потом — отказаться от нее.

Три месяца назад, после того как сестру обнаружили в лесу, она приехала повидать ее в назначенный день, и в регистратуре ей сообщили, что с ней хочет поговорить лечащий врач. За все время пребывания здесь Ёнхе она видела его только в день ее поступления, поэтому немного встревожилась.

— …Мы знали, что ваша сестра психологически не переносит ничего мясного, становится беспокойной, поэтому каждый раз при раздаче еды старались быть очень осторожными. Однако сейчас она не выходит в столовую ни на завтрак, ни на обед, ни на ужин, и даже когда мы относим ей поднос с едой в палату, не притрагивается к нему. Это продолжается уже четвертый день. У нее начинается процесс обезвоживания. При этом она яростно сопротивляется, когда ей ставят капельницу… И у нас возникли сомнения, что она принимает лекарства как следует.

Доктор подозревал, что Ёнхи с самого начала не пила никаких прописанных ей лекарств. Он

даже упрекал себя в том, что был за нее спокоен, поскольку процесс лечения проходил весьма успешно. В то утро медсестра, проверяя, выпила ли Ёнхе лекарства, попросила показать, что у нее под языком, но та не послушалась. Когда ее заставили поднять язык, луч фонарика высветил таблетки.

В тот день она спросила сестру, лежавшую в палате под капельницей с иглой в руке:

— Зачем ты убежала? И что делала там, в этом темном лесу? Не замерзла? А если бы ты заболела?

Лицо Ёнхе заметно осунулось, непричесанные волосы спутались, стали похожи на большой пучок морских водорослей.

— Тебе надо есть. Допустим, мясо ты не ешь, потому что не хочешь, это я понимаю. Но почему ты отказываешься от всего другого?

Ёнхе тихо приоткрыла губы.

— Горло пересохло. Дай воды.

Она вышла в коридор и принесла воды. Напившись, Ёнхе спросила, переводя дыхание:

— Ты говорила с доктором, сестра?

— Да, говорила. Почему ты отказываешься от еды?..

Ёнхе перебила ее:

— Он сказал, что все мои внутренние органы атрофировались, ведь так?

У нее перехватило дыхание. Исхудавшее лицо Ёнхе приблизилось к ней:

— Я уже не животное, сестра.

Словно раскрывая важную тайну, она, оглядев пустую палату, сказала:

— Я теперь могу вообще ничего не есть. Могу жить без еды. Лишь бы солнце светило.

— Что ты такое говоришь? Ты считаешь, что на самом деле превратилась в дерево? Но разве деревья могут разговаривать? Разве они могут думать?

Глаза Ёнхе засверкали. Таинственная улыбка осветила лицо.

— Да, ты права… Уже скоро и слова, и мысли — все это исчезнет. Совсем скоро.

Она рассмеялась, затем выдохнула:

— Правда, совсем скоро. Только подожди немножко, сестра.

* * *

Время течет.

Тридцать минут, выделенные ей, — это совсем немного. В какой-то момент дождь за окном утихает. Судя по каплям, что собрались на москитной

сетке в одном месте и не скатываются вниз, дождь, кажется, прекратился совсем недавно.

Она садится на стул у изголовья Ёнхи. Открывает сумку и достает большие и маленькие герметичные контейнеры. Смотрит в пустые, ничего не видящие глаза сестры, затем открывает крышку самого маленького контейнера. Во влажном воздухе палаты распространяется ароматный запах.

— Ёнхи, это персики. Консервированные желтые персики. Ты же любила их. И даже в сезон, когда появлялись свежие, покупала себе именно такие. Как ребенок.

Она накалывает вилкой сочный кусочек и подносит к носу Ёнхе.

— Понюхай, как вкусно пахнет… Разве тебе не хочется попробовать этот персик?

В другом контейнере находится арбуз, нарезанный небольшими кубиками, чтобы удобнее было есть.

— А помнишь, как в детстве, когда я разрезала арбуз на две половинки, тебе всегда хотелось понюхать его? Некоторые арбузы трескались, стоило только воткнуть в них нож, и сладкий запах разносился по всему дому. Неужели не помнишь?

Никакого движения. Что происходит с организмом человека, если он голодает уже три месяца? Даже голова уменьшается в размере. Лицо Ёнхе стало таким маленьким, что трудно назвать его лицом взрослой женщины.

Она осторожно подносит к ее губам кубик арбуза и слегка надавливает. Двумя пальцами пытается раскрыть рот сестры, но он плотно закрыт. Она тихо зовет ее:

— Ёнхе. Ну, ответь же мне, Ёнхе.

Она с трудом сдерживается, чтобы не поддаться желанию схватить ее за костлявые плечи и потрясти, силой раскрыть рот и заставить проглотить хотя бы маленький кусочек.

Ей хочется заорать в ухо сестры так, чтобы у той лопнули барабанные перепонки.

— Что ты делаешь?! Ты слышишь меня?! Хочешь умереть?! Ты и вправду хочешь умереть?!

Из нее, как горячая пена, вырывается кипящая ярость. Она рассеянно, будто со стороны, наблюдает за своим состоянием.

Время течет.

Она поворачивает голову к окну. Кажется, дождь, наконец, прекратился. Но небо все такое же серое, а мокрые деревья стоят в молчании.

Она достает из сумки термос. Наливает в при-

готовленный стаканчик из нержавеющей стали чай, настоянный на китайской айве.

— Попробуй, Ёнхе. Вкус такой насыщенный.

Она подносит стакан к своим губам и отпивает глоточек. На кончике языка остается сладковатый и приятный привкус. Намочив чаем носовой платок, она увлажняет губы Ёнхе. И снова нет никакой реакции.

Она говорит:

— Ты собираешься вот так умереть? Но ведь это неправильно. Даже если хочешь просто стать деревом, надо есть. Надо жить.

Вдруг она замолкает и перестает дышать. А все потому, что голову пронзило сомнение, и признавать его она не хочет. Может, она ошиблась? Может, Ёнхе с самого начала задумала именно это — умереть? Она говорит сама себе: «Нет. Ты не хотела умирать».

До того как совсем перестать разговаривать — это было примерно месяц назад, — Ёнхе сказала ей:

— Сестра, сделай так, чтобы я вышла отсюда.

Похудевшая до предела, изменившаяся настолько, что никто бы сейчас ее не узнал, она начала шептать. Дышалось ей тяжело. Очевидно, она не могла долго говорить, поэтому часто оста-

навливала свой монолог:

— Эти люди, они постоянно заставляют меня есть… Мне совсем не хочется, а они кормят насильно. В прошлый раз меня после этого вырвало… Теперь сразу, как покормят, делают укол, чтобы я спала. Сестра, я не хочу этих уколов. Правда, не хочу… Забери меня. Я не хочу быть здесь.

Она взяла худые ладошки Ёнхе в свои руки и сказала:

— Но сейчас ты даже ходить не сможешь. Тебя поддерживают лишь капельницы… Если я заберу тебя домой, ты будешь есть? Дай слово, что начнешь есть, и я попрошу выписать тебя отсюда.

Она не могла не заметить, как после этих слов горевший огонек в глазах Ёнхе погас.

— Ёнхе, ответь же. Только дай слово, и все.

Отвернув голову, не глядя на нее, тоном, будто ей все равно, услышат ее или нет, Ёнхе проговорила:

— …И ты, сестра, такая же.

— Что ты такое говоришь? Я…

— Никто меня не понимает… И врач, и медсестры, все одинаковы… Они даже не пытаются понять… Только и делают, что дают лекарства да втыкают иглы.

Ёнхе говорила медленно и тихо, но решитель-

но. Тоном, который, казалось, уже не может быть холоднее. И она, наконец, выкрикнула то, что держала в себе:

— Ты! Они боятся, что ты умрешь! Поэтому так делают!

Ёнхе повернула голову и бросила на нее безучастный взгляд, будто на незнакомую женщину. Потом задала вопрос:

— Почему мне нельзя умереть?

После этого Ёнхе не сказала больше ни слова.

* * *

Почему мне нельзя умереть?

Какой ответ был бы правильным? Может, нужно было воскликнуть: «Что ты такое говоришь, Ёнхе?!» — или следовало собрать все силы и рассердиться на нее?

Однажды, когда-то давно, они вдвоем заблудились в лесу. И тогда восьмилетняя Ёнхе сказала:

— Давай просто не вернемся домой, а?

Она не поняла ее предложения, поэтому ответила:

— О чем ты? Скоро начнет темнеть, надо скорее найти дорогу.

Лишь когда пролетело время, она осознала, что творилось в душе Ёнхе. Свою тяжелую руку отец

опускал только на вторую дочь. Что касается их брата Ёнхо, то он рос без подобных страданий, и, если ему доставались отцовские тумаки, вымещал свою обиду на соседских мальчишках. А сама она вместо уставшей до смерти матери варила похлебку, которая облегчала ему похмелье после очередной попойки, и он волей-неволей лишь к старшей дочери относился с осторожностью. Ёнхе же, послушная, но честная и прямая, не умевшая угождать отцу, молча, никогда не сопротивляясь, терпела все его притеснения, и они пропитали ее до мозга костей. Теперь она знает. Знает, что ее преданность, с которой она как старшая дочь относилась к отцу, идет не от раннего взросления, а от трусости. Знает, что это был всего лишь один из способов выживания.

Могла ли она защитить Ёнхе от всего того, о чем никто не догадывался? От того, что впиталось в ее плоть и кровь? Защитить младшую сестричку, которая на закате солнца направлялась к воротам дома и стояла там в одиночестве спиной к нему.

Наконец они вышли на дорогу с противоположного склона сопки и, встретив ехавший в сторону их уездного городка трактор, сели в кабину водителя и промчались с ним по незнакомому пути под заходящими лучами солнца. Она вздыхала

с облегчением, однако Ёнхе, не выказывая никакой радости, лишь молча смотрела на тополя, горевшие в пламени заката.

Если бы в тот вечер они навсегда покинули дом, как хотела Ёнхе, могло бы все сложиться иначе?

Если бы в тот день на семейном обеде она крепче держала руки отца, чтобы он не смог ударить Ёнхе, могло бы все сложиться иначе?

Когда Ёнхе впервые привела к ним для знакомства своего будущего мужа, его холодное выражение лица почему-то ей не понравилось. Если бы она прислушалась к своей интуиции и удержала ее от этого замужества, могло бы все сложиться иначе?

Временами она полностью погружалась в мысли, перебирая в памяти события и факторы, определившие судьбу Ёнхе. Это бессмысленное занятие — по одному поднимать и взвешивать каждый камень, как в игре го, — ни к чему не приводило и уже ничего не могло исправить. Однако остановить этот поток мыслей ей не удавалось.

Если бы только она не вышла замуж за художника…

Наконец, когда память возвращалась к ее собственной жизни, голова становилась тяжелой и бесчувственной, как при параличе.

Она не была уверена, что любит его. Не осознавая этого до конца, вышла за него замуж. Возможно, она нуждалась в чем-либо, что могло бы немного возвысить ее в этой жизни. Хотя его работа ничего не приносила в семейный бюджет, ей нравилась атмосфера в его семье, состоящей в основном из преподавателей и врачей. Она очень старалась соответствовать его правильной речи, вкусам и пристрастиям, желаниям в постели. Какое-то время в начале их совместной жизни они, как и другие молодые супруги, случалось, устраивали словесную перепалку по пустякам или по какому-то значительному поводу, однако вскоре сложилось так, что ей пришлось смиренно принять все, что требовало смирения. Но в самом ли деле она вела себя так ради него? Не разрушала ли она его в той же мере, в какой он разрушал ее все эти восемь лет жизни под одной крышей?

Около девяти месяцев назад он позвонил ей в первый и в последний раз. Время близилось к полуночи. Судя по короткому щелчку автомата, проглотившего монетку, звонил он откуда-то издалека.

— Я хочу видеть Чиу.

Этот голос — низкий и напряженный, нарочито спокойный и такой знакомый — вонзился ей в

сердце, как тупой нож.

— Нельзя ли увидеть его хотя бы один раз?

Это было так свойственно ему: не удосужившись признать себя виновным, не проронив ни слова о прощении, сказать только о сыне. Даже не спросить, что с Ёнхе.

Она знала, какой он тонкий человек, насколько чувствительная у него натура. Знала, как легко ранить его самолюбие и как просто сломать душу. Знала и то, что стоит ей один раз отказать, ему потребуется много времени, чтобы решиться позвонить снова.

И хотя она знала все это, а вернее, именно потому, что знала, она не ответила и опустила трубку.

Глубокая ночь, телефонная будка, старые кроссовки, потрепанная одежда, отчаянное лицо мужчины средних лет. Она мотает головой, стирая эту картинку, нарисованную воображением. На нее тихо надвигается другая: квартира Ёнхе, он выбегает на лоджию, чтобы перелететь через перила как птица. В его фильмах было так много крылатых существ, но в тот самый миг, когда ему самому требовалось взлететь, крыльев не оказалось.

Она хорошо запомнила, какими увидела его

глаза в последний раз. Его лицо, совсем незнакомое, пронзенное страхом. Разве это лицо человека, которого она так хотела уважать, лицо человека, ради блага и спокойствия которого ей приходилось так много терпеть, не щадя себя? Нет, от того человека, кого она знала, точнее, думала, что знает, осталась лишь тень.

— Я не знаю тебя.

С силой сжав руку, опустившую трубку на рычаг, она проговорила:

— Нет нужды даже просить прощения и прощать. Ведь я не знаю тебя.

Снова раздался трезвон, и она выдернула провод. На следующее утро пришлось подключить телефон к сети, но, как она и предполагала, больше он не звонил.

* * *

Время все течет.

Сейчас Ёнхе лежит с закрытыми глазами. Может, уснула? Почувствовала ли она запах фруктов, что подносили к ее рту?

Она смотрит на скулы, выступающие на лице сестры, на провалившиеся глаза, впалые щеки. Она чувствует, что становится тяжело дышать. Поднимается и подходит к окну. Небо понемногу

теряет темно-серый цвет, вокруг становится светлее. И летний лес в горах Чхуксонсан начинает оживать, возвращается к своим потерянным краскам. Интересно, в каком примерно месте той ночью на склоне нашли Ёнхе?

— Я слышала голос.

Так ответила она, лежа под капельницей.

— Раздался голос, он звал меня, и я пошла за ним. Вот и все… Но потом он перестал звать, поэтому… я стояла там и ждала. Вот и все.

— И чего же ты ждала?

Услышав вопрос, Ёнхе вдруг встрепенулась, в глазах зажегся огонь. Протянув руку, в которой не было иглы, сжала ее ладонь. Пожатие оказалось таким сильным, что удивило.

— Под дождем я растаяла… Вся растаяла… И как раз собиралась войти в землю. Если снова прорастать из земли, то по-другому никак нельзя.

Неожиданно в ее мысли вклинивается взволнованный голос Хичжу:

— Что же делать? Говорят, Ёнхе может умереть…

Она чувствует, что заложило уши. Как при взлете, когда самолет стремительно набирает высоту.

В ее памяти хранится эпизод из прошлого, о

котором она никому не рассказывала. И впредь, наверное, не расскажет никому.

Два года назад в апреле — значит, весной того года, когда ее муж снял видео с Ёнхе — у нее почти два месяца продолжалось кровотечение. Каждый раз, стирая белье, испачканное кровью, она вспоминала алую кровь, хлеставшую из запястья Ёнхе несколько месяцев назад, и не понимала, как это связано. Она боялась идти в больницу и, откладывая на следующий день осмотр у гинеколога, думала: «Если это неизлечимая болезнь, сколько осталось жить? Год, полгода? Или три месяца?» И впервые четко, как откровение, осознала долгое время, прожитое с ним. Время, лишенное радости и естественности. Время, заполненное лишь заботами и терпением, полной отдачей всех ее сил. Этот выбор она сделала сама.

Наконец, с утра в один из дней она собралась в больницу, в которой родился Чиу, и, спустившись на открытую платформу станции метро «Вансимни», стала ждать поезда. Он очень долго не шел. На противоположной стороне виднелись разрушенные металлические постройки, а по краям пути между шпалами, где не ходили поезда, вымахала высокая трава — до нее не дошли руки уборщиков. Вдруг пришло ощущение, что

она не жила на этом свете, и ей стало страшно. Да, на самом деле. Она не жила. Лишь терпела, сколько себя помнит, с самого детства. Она считала себя добрым человеком и жила, веря в свою доброту, не причиняя никому вреда. Искренняя, довольно успешная в своем деле, она надеялась всегда оставаться такой. Однако случилось нечто странное. Перед этими развалившимися строениями и высокой травой она почувствовала себя просто ребенком, не более того, просто ребенком, никогда не жившим на этом свете.

Скрывая волнение и стыд, она забралась на гинекологическое кресло, и средних лет доктор, введя глубоко во влагалище холодную трубку с зеркалом, оторвал похожий на язычок полип, что образовался на стенке матки. От острой боли она вся сжалась.

— Кровотечение у вас было из-за этого нароста, но я его аккуратно убрал. Несколько дней рана будет кровоточить сильнее, затем все прекратится. Яичники у вас в порядке, поэтому можете не беспокоиться.

Неожиданно эти слова болью отозвались в ее сердце. Значит, нужно жить дальше, значит, впереди еще много времени. Это известие не принесло никакой радости. Она осознала, что

вместо смертельной болезни, мысли о которой не давали ей покоя весь прошлый месяц, у нее оказался всего лишь нарост, не заставивший долго мучиться. По дороге домой, снова оказавшись на платформе станции «Вансимни», она почувствовала слабость в ногах, однако колени подкашивались не только из-за недавно перенесенной операции. Наконец к платформе со свистом подкатил поезд, и она попятилась назад и встала за металлическую скамью. Ее охватил страх, что кто-то сидящий внутри нее может бросить ее тело на рельсы перед этим мощным составом.

Как объяснить, чем были заполнены следующие четыре месяца или около того? Кровотечение прекратилось примерно через две недели после того, как зарубцевалась рана. Однако ей казалось, что рана внутри нее зияет по-прежнему. Она разверзлась, эта рана, стала больше тела, и казалось, что всю ее затягивает в эту темную дыру.

Она молча наблюдала, как проходит весна, наступает лето. Юбки и платья на женщинах, выходящих из ее магазина с покупками, постепенно становились ярче и короче. Как всегда, она улыбалась покупателям, доброжелательно рекомендовала подходящую косметику, назначала

приемлемую цену, делая скидки, одаривала подарками и пробными флакончиками с кремами, лосьонами и другими средствами по уходу за кожей и телом. Кроме того, вывешивала плакаты с рекламой новой продукции на видном месте, без всяких колебаний меняла консультанта по косметике, если покупательницы не очень хорошо отзывались о его работе. Но как только наступал вечер и она, поручив магазин продавщице, отправлялась в детский сад забирать Чиу, она чувствовала себя смертельно уставшей. Проходя в толпе по душной вечерней улице, где звучала музыка и гуляли влюбленные, она чувствовала, как эта черная дыра в ней опять раскрыла свою пасть, желая засосать ее в себя. Она с трудом добиралась до конца улицы, неся свое тело, мокрое от пота.

Это случилось в ту пору, когда ужасная летняя духота начала спадать и по утрам и вечерам уже ощущалась прохлада. По обыкновению, его не было дома несколько дней, и, когда однажды перед рассветом он вернулся, пробрался к ней, как вор, и обнял ее, она оттолкнула его.

— Я устала.

Молчание.

— Говорю же, я вправду устала.

Он ответил низким голосом:

— Потерпи немного.

И тут она вспомнила. Что в полудреме много раз слышала эти слова. Что в полудреме терпела, думая: «Сейчас пройдут эти минуты, а затем какое-то время будет все нормально». Что в полудреме, смертельно уставшая, стирала из памяти боль и даже стыд. Что после этого утром за завтраком ей хотелось воткнуть себе в глаза палочки для еды или вылить на голову воду из закипевшего чайника.

Он уснул, и в спальне стало тихо. Переложив на спину спавшего на животе Чиу, она увидела, как сильно профиль сына, смутно виднеющийся в темноте, похож на профиль мужа.

Ничего не предвещало проблем. В самом деле. Если и дальше жить так же, как она жила до сих пор, все будет нормально. Никакого иного пути, кроме этого, у нее не было.

Сон бесследно пропал, вместо него на плечи навалилась тяжелая усталость. Ей казалось, из тела вышла вся влага, и она была обессилена.

Выйдя из спальни, она посмотрела на темно-синее окно лоджии. Машинки, оставленные вчера Чиу на месте игры, диван и телевизор, черные створки дверей под раковиной на кухне и кон-

форки на газовой плите — она смотрела на все эти предметы, словно впервые видела их, словно впервые оказалась в этой квартире. Она ощутила странную боль в груди, эта боль давила, словно дом постепенно сжимал ее тело.

Она открыла платяной шкаф. Вынула выцветшую фиолетовую футболку из хлопка, любимую еще с тех времен, когда кормила ребенка грудью. Если ей нездоровилось, она надевала эту футболку, и по телу разливалось спокойствие от запаха грудного молока и младенца — запаха, который сохранился даже после многих стирок. Однако сейчас она ничего не почувствовала. Боль в груди постепенно усилилась настолько, что перехватило горло, и ей пришлось некоторое время глубоко дышать.

Она осторожно прилегла на диван. Следя глазами за секундной стрелкой, бегущей по кругу, она попыталась восстановить дыхание. Но не получилось. Вдруг впервые в жизни ей показалось, что она много раз уже переживала эти мгновения. Перед ней возникла наполненная страданием твердая уверенность, которая словно давно стояла наготове и ожидала именно этого момента. И эта уверенность заключалась в следующем:

«Все это бессмысленно.

Больше нет сил терпеть.

Больше не идти вперед.

Не хочу идти».

Она еще раз обошла квартиру и осмотрела пространство, заполненное предметами и вещами. Все это не принадлежало ей. Точно так же, как не принадлежала ей и ее собственная жизнь.

Когда весенним днем она стояла на платформе станции метро и чувствовала смерть, поджидавшую ее через несколько месяцев, когда думала, что кровь, постоянно сочившаяся из нее, есть тому свидетельство, она уже понимала. Понимала, что давно мертва. Что ее утомленная жизнь не более чем просто видимость жизни или театральный спектакль. Лицо смерти, стоявшей совсем рядом, было знакомо ей, как будто это вернулся кровный родственник, которого она давно потеряла.

Она подняла свое дрожавшее, словно от холода, тело и направилась в комнату, где хранились игрушки. Сняв развешанные там мобили Колдера — ими они с Чиу на прошлой неделе каждый вечер украшали пространство, начала развязывать шнуры. Они оказались соединены настолько прочно, что заболели кончики пальцев, однако, набравшись терпения, она дошла до конца и раз-

вязала последний узел. Служившую украшением цветную бумагу в форме звезд и целлофановую пленку она собрала и сложила в корзину, а затем смотала шнуры в клубок и положила в карман брюк.

Она сунула босые ноги в сандалии. Толкнула тяжелую входную дверь и вышла из квартиры. Спустилась пешком с пятого этажа. Темнота еще не покинула улицы. Во всем огромном доме лишь в двух-трех окнах горел свет. Она все шла вперед. Пройдя через калитку в воротах позади дома, начала подниматься по темной и узкой дорожке, ведущей на сопку.

Из-за черно-синей темноты сопка показалась ей выше, чем в обычное время. В этот час еще спали даже непоседливые старики, которые обычно спозаранку поднимаются набрать воды из источника, бьющего наверху. Понурив голову, она все шагала и шагала вперед, молча вытирая тыльной стороной ладони текущие по лицу струйки то ли пота, то ли слез. Она страдала, будто ее всю заглатывает дыра, чувствовала ужасный страх и одновременно проникающее в этот страх странное спокойствие.

* * *

Время движется вперед.

Она возвращается к своему стулу рядом с кроватью. Открывает крышку последнего контейнера. Берет жесткую руку сестры и силой заставляет потрогать гладкую кожицу сливы. Округляет ладонь так, чтобы костлявые пальцы зацепили одну из них.

Она не забыла, что из фруктов сестра больше всего любила сливу. В памяти всплывает картинка из детства: маленькая Ёнхе кладет в рот целую сливу, перекатывает ее языком и говорит, что ей нравится это ощущение. Однако сейчас руки Ёнхе никак не реагируют. Она смотрит на ее тонкие ногти и думает, что они стали похожи на бумажные листочки.

— Ёнхе.

В пустой палате ее голос звучит очень сухо. Ответа нет. Она наклоняется и почти касается своим лицом лица сестры. В этот миг, как в сказке, веки Ёнхе поднимаются.

— Ёнхе!

Она заглядывает в совершенно пустые глаза. В них лишь отражение ее лица. От пугающего разочарования она чувствует, как уходят силы.

— Ты сошла с ума? Ты правда сошла с ума?

Она впервые бросает слова, в которые не могла поверить последние годы.

— Неужели ты и правда сошла с ума?

Захваченная новым для нее чувством страха, она нерешительно отстраняется от сестры. Тишина в палате, где не слышно даже человеческого дыхания, застревает в ушах, будто их заткнули ватным тампоном, смоченным водой.

— Вообще-то…

Нарушив тишину, она бормочет сама себе:

— Не знаю, может, это проще, чем кажется…

Она колеблется, замолкает ненадолго.

— То, как сходят с ума. Поэтому…

Не договорив, замолкает. Вместо слов вытягивает руку и подносит указательный палец к верхней губе сестры. Тоненькое и тепловатое дыхание медленно, но размеренно щекочет палец. Губы лежащей едва заметно вздрагивают.

Могло ли так случиться, что Ёнхе уже давно и быстрее, чем обычные люди, прошла через боль и бессонницу — то, что сейчас испытывает она сама втайне от всех, — и после этого направилась дальше? Могло ли так случиться, что в какой-то миг она выпустила из рук тонкую нить, связывающую ее с обычной жизнью? Все последние

три месяца бессонницы, оставаясь наедине с беспорядочными мыслями, она думала о том, что сама, возможно, тоже выпустила бы из рук эту нить, если бы не Чиу, если бы не ответственность за его жизнь.

Мгновение, когда боль утихает, приходит — как чудо — после смеха. Чиу смешит ее какими-то словами или делает что-нибудь забавное, и затем она вдруг теряется, не зная, как реагировать. Бывает, не веря, что у нее вырвался смех, она снова начинает смеяться. В такие моменты смех звучит не радостно, а, скорее, истерически, но Чиу очень радуется, когда видит маму смеющейся.

— Вот так? Мамочка, ты засмеялась после того, как я сделал вот так?

Мальчик начинает повторять только что придуманную забаву: складывает губки трубочкой и строит рожки, подставив ко лбу указательные пальчики, или делает вид, что неожиданно падает, или просовывает лицо между коленок и смешно мямлит: «Ма-ма, ма-а-ма». Чем больше она смеется, тем больше усердствует Чиу, чтобы продолжить веселье. Наконец, все пришедшие на память необычные шутливые приемы, которые он уже когда-то использовал, заканчиваются. Разве мог Чиу знать, отчего смех мамы тускнеет,

разве мог он знать, что его шутки не веселят, а, наоборот, вызывают в ней чувство вины перед ребенком, который так отчаянно старается рассмешить ее.

Посмеявшись, она думает, насколько странно то, что называют жизнью. Что бы ни случилось с человеком, какое бы ужасное событие ни обрушилось на него, он продолжает есть, пить, справлять нужду, мыться. Иногда даже громко смеется. Когда возникает мысль, что и бывший муж так же сейчас проживает день за днем, забытая жалость к нему наваливается на нее тяжело, как дремота.

Однако когда рядом лежит маленькое сладостно пахнущее тельце, когда невинный ребенок, уставший за день, закрывает глаза и погружается в сон, снова, как и полагается, приходит ночь.

Это время, когда еще далеко до рассвета, и остается три-четыре часа до того, как проснется Чиу. Это время, когда ни один шорох не выдает присутствия живой души. Это время безмерное, как вечность, и бездонное, как топь. Если лечь в пустую ванну, подобрать под себя ноги и закрыть глаза, то на тебя наваливается темный лес. В тело Ёнхе, как дротики, вонзаются черные струи дождя, худые босые ноги вязнут в земле. Если

помотать головой, чтобы стереть это видение, перед глазами почему-то начинают мерцать, как огромные зеленые искры, летние полуденные деревья. Может, это из-за фантазий, услышанных от Ёнхе? Бесконечное множество деревьев, виденных ею за всю жизнь, как волны, покрывшие землю, как свирепое море, окутывают ее изможденное тело, и все эти деревья вспыхивают. Она видит города, поселки, дороги, словно большие и маленькие острова и мосты, они всплывают наверх и, подгоняемые этой горячей волной, неторопливо плывут куда-то вниз.

Она не может понять, что означают эти волны. Как не может понять и то, о чем на заре громко шепчут деревья, поднявшиеся все разом перед ней, как сине-зеленое пламя, — такую картину она наблюдала на сопке в конце узкой тропинки в тот предрассветный час.

Это совсем не добрые слова. И не слова утешения, дающие спокойствие, поддерживающие ее. Напротив, это беспощадные слова жизни, пугающей своей холодностью. Куда бы она ни посмотрела, дерева, готового принять ее жизнь, найти не смогла. Ни одно дерево не хотело принять ее. Они просто стояли, как огромные звери, всем телом стойко и торжественно упершись в

землю.

Время движется вперед.

Она закрывает крышки на всех контейнерах. Укладывает в сумку сначала термос, затем всю посуду одну за другой. Застегивает молнию до самого конца.

В каком временном пространстве обитает сейчас дух Ёнхе, выйдя из этого тела, от которого осталась лишь оболочка? Она вспоминает, как уверенно сестра стояла вниз головой. Может, она думала, что находится где-то в лесу, а не на бетонном полу? Может, из тела Ёнхе упрямо лезли стволы и ветви, из рук росли белые корни и крепко вцеплялись в черную землю? Может, ее ноги устремились ввысь, а руки — к центру Земли? Может, позвоночник вытянулся и изо всех сил сохраняет равновесие? Может, когда с небес на нее льется свет и, пройдя сквозь ее тело, спускается вниз, вода, что сочится из земли, поднимается вверх в обратном направлении, и в паху Ёнхе распускаются цветы? Может такое происходить с ее духом, когда она стоит вниз головой и раскрывает каждую клетку своего тела?

— Но как же так?

Ее слова звучат громко.

— Ты же умираешь!

Ее голос затухает.

— Ведь ты же лежишь на этой кровати и правда умираешь! И все.

Она прикусывает нижнюю губу. Зубы вонзаются в губу так сильно, что выступает кровь. Она с трудом справляется с порывом обхватить бесчувственное лицо Ёнхе, что есть силы встряхнуть ее, похожую на призрак, и избить.

Все, времени уже не осталось.

Она вешает сумку на плечо и отодвигает стул. Сгорбившись, покидает палату. Оборачивается и видит все так же лежащее под покрывалом жесткое тело Ёнхе. Она еще сильнее прикусывает губу. И идет в сторону холла.

* * *

Коротко стриженная медсестра проходит мимо, держа в руках маленькую пластиковую корзиночку, и садится за стол. В корзиночке принадлежности для стрижки ногтей. Пациенты, выстроившись в ряд, по одному подходят к ней и получают кусачки. То ли каждый из них находит в этом какое-то удовольствие, то ли по другой причине, но на выбор кусачек уходит довольно много времени. В сторонке санитарка со скручен-

ными в узел волосами стрижет ногти больным, страдающим старческим слабоумием.

Она стоит, молча наблюдая за этой сценой. Острые предметы, которыми можно пораниться, длинные веревки или шнурки, которыми можно обвить шею, в больнице запрещены. И не столько из опасения, что больной нанесет вред другому, сколько для безопасности самого больного. Она смотрит на лица пациентов, занятых своими руками, старающихся закончить эту процедуру и сдать кусачки медсестре до конца отведенного им времени. Часы на стене показывают два часа пять минут.

В стеклянной двери мелькает белый докторский халат, и в вестибюль входит лечащий врач Ёнхе. Он поворачивается и привычным движением запирает дверь. Наверное, так во всех больших больницах, но в психиатрических отделениях авторитет врача кажется еще выше. Возможно, из-за того, что больные находятся в изоляции. Словно увидев Спасителя, пациенты тут же окружают его со всех сторон.

— Доктор, послушайте. Вы поговорили с моей женой? Стоит вам только сказать, что хорошо бы меня выписать…

Мужчина средних лет опускает в карман халата

врача заранее приготовленный клочок бумаги.

— Это номер телефона жены. Стоит вам только раз позвонить ей…

Не дав договорить мужчине, пациент преклонного возраста, на вид слабоумный, встревает со своей проблемой:

— Доктор, поменяйте мне, пожалуйста, лекарство. Дело в том, что у меня постоянно в ушах… у-у-у… стоит звон.

Неожиданно к врачу подходит женщина, страдающая манией преследования, и начинает кричать:

— Доктор, а со мной вы не будете разговаривать? Вон тот человек избивает меня, житья не дает. Нет, что вы делаете? Почему вы пинаете меня? Просто словами нельзя сказать?

Врач с привычной улыбкой профессионально утешает больную:

— Когда же я пинал вас? Минутку. Сначала я поговорю с этим господином. Когда у вас начался звон в ушах?

В ожидании женщина громко топает ногами, а на ее перекошенном лице отражаются скорее горе и беспокойство, нежели агрессивность.

Снова открывается дверь, и входит врач, которого она видит впервые.

— Это терапевт.

Это прошептала Хичжу, как-то незаметно оказавшаяся рядом. Очевидно, терапевт состоит в штате, как положено по правилам каждой психиатрической больницы. Он выглядит очень молодо и производит впечатление холодного, но умного человека. Наконец лечащий врач Ёнхе освобождается от больных и, стуча ботинками, подходит к ней. Сама не зная почему, она нерешительно отступает на один шаг назад.

— Поговорили с сестрой?

— Как мне показалось, она ничего не осознает.

— Именно такое впечатление она производит внешне, однако все ее мышцы сильно напряжены. Она не потеряла сознание, наоборот, на чем-то сосредоточена. Если вы заметите, как она реагирует в момент насильственного вывода ее из этого состояния, то поймете, что она абсолютно все понимает.

Врач выглядит искренним и немного напряженным.

— Поскольку для вас она родной человек, возможно, наблюдать за процессом будет трудно. Решайте сами, как поступить, однако, на мой взгляд, вам лучше при этом не присутствовать.

Она отвечает:

— Я поняла. Но… Думаю, все будет нормально.

В коридоре появляется санитар, у него на плечах всем телом извивается Ёнхе. Он направляется в пустую двухместную палату, и она входит туда следом за персоналом, собравшимся для проведения операции. Лечащий врач был прав. Ёнхе ясно все осознает. Ее телодвижения резкие и ожесточенные. С трудом верится, что совсем недавно она тихо лежала, не подавая никаких признаков жизни. Из ее горла вырывается крик. Она с трудом разбирает слова:

— Пусти!.. Пусти-и-и!

Два санитара и медсестра берут Ёнхе, дрыгающую ногами, и укладывают на кровать. Связывают ей руки и ноги.

— Вам лучше выйти.

Это главная медсестра говорит ей, стоящей в смятении, не знающей, что и думать.

— Родственникам тяжело на это смотреть. Выйдите, пожалуйста.

В этот миг Ёнхе переводит взгляд на нее. Крик становится яростнее. Нечленораздельные звуки рвутся из ее горла. Дергаясь связанными руками и ногами, Ёнхе, кажется, хочет вырваться из тисков и броситься к ней.

Она невольно подходит к сестре. Тонкие руки

Ёнхе, от которых остались кожа да кости, вздрагивают. На губах выступила белая пена.

— Не… хо… чу!..

Это первые слова, которые вырвались с криком четко и ясно. Крик похож на рев животного.

— Не… хо… чу!.. Не… хо… чу… есть!..

Она двумя руками обхватывает судорожно дергающиеся щеки Ёнхе.

— Ёнхе, Ёнхе!

Придавленный страхом взгляд несчастной царапает ее глаза.

— Выйдите. Вы же только мешаете нам.

Санитары подхватывают ее. Она не успевает даже подумать о сопротивлении, как ее выставляют за открытую дверь. Стоящая у входа в палату медсестра пытается отвести ее в сторону:

— Стойте здесь. Из-за вас она еще больше возбуждается.

Лечащий врач Ёнхе надевает резиновые перчатки. Берет поданную главной медсестрой тонкую длинную трубку, смазывает мазью. В это время санитар двумя руками изо всех сил сжимает лицо Ёнхе, не позволяя ей шевелиться. Трубка приближается к ней, и Ёнхе вырывает разгоряченное докрасна лицо из держащих ее рук. Прав был тот санитар, когда говорил: «Не

знаю, откуда только в этом тельце берется сила, чтобы вырываться так». Она не замечает, как ноги сами ведут ее в палату. Медсестра хватает ее за руку и не пускает. Наконец щеки Ёнхе оказываются полностью во власти сильного санитара. Улучшив момент, врач вставляет трубку в нос.

— Черт, опять застряла!

Слова у него вырываются, как вздох сожаления. Ёнхе язычком в горле закрывает вход в пищевод, раздвигает губы, и трубка застревает. Терапевт, ожидавший, когда можно будет влить в трубку через инъектор прозрачный питательный раствор, морщит лоб. Лечащий врач вынимает трубку из носа Ёнхе.

— Давайте повторим. Теперь еще быстрее.

Снова на трубку наносят мазь. Снова мощный санитар сжимает лицо Ёнхе, дрыгающей ногами. Трубка входит в нос.

— Получилось. На этот раз получилось!

Лечащий врач коротко выдыхает. Руки терапевта начинают проворно двигаться. Он вводит в трубку раствор из злаков. Медсестра, удерживающая ее за дверью, еще сильнее сжимает ей плечо и шепчет:

— Получилось. Все закончилось успешно. Сейчас мы ее усыпим. А то ее может вырвать.

В тот миг, когда главная медсестра достает шприц со снотворным, вдруг раздается пронзительный крик санитарки. Она вырывается из удерживающих ее рук и с криком бросается к Ёнхе.

— Отойдите. Отойдите все!

Она отпихивает плечо лечащего врача и встает перед Ёнхе. Лицо санитарки, держащей трубку, все в крови. Из трубки, изо рта Ёнхе непрерывно брызжет кровь. Терапевт с инъектором в руке пятится назад.

— Вынимайте это. Быстро вынимайте эту трубку!

Она громко кричит, потеряв контроль над собой, и санитар берет ее за плечи и оттаскивает от кровати. И тут врач вынимает трубку из носа Ёнхе, трясущейся всем телом.

— Спокойно, не двигайтесь! Спокойно!

Врач кричит Ёнхе. Затем главной медсестре:

— Снотворное!

Та протягивает ему шприц.

— Не надо!..

Она снова кричит, увидев это. Голос прерывается рыданиями.

— Хватит! Не надо! Не делайте этого!

Она кусает за руку санитара и снова устремля-

ется вперед.

— Что это? Твою мать!

Изо рта санитара вместе со стоном вырывается ругательство. Она бросается к сестре и обнимает ее. Теплая кровь, которой рвет Ёнхе, впитывается в ее блузку.

— Пожалуйста, прекратите. Прекратите, прошу вас…

Она хватает за запястье главную медсестру, которая держит шприц. Мелкая дрожь. Она чувствует, как Ёнхе мелко дрожит в ее объятиях.

* * *

У врача белый халат с закатанными рукавами весь в пятнах крови Ёнхе. Она растерянно смотрит на кровавый узор, на первый взгляд напоминающий огромную воронку.

— Надо немедленно перевезти ее в центральную больницу. Поезжайте в Сеул. Если в той больнице остановят кровотечение в желудке, надо поставить капельницу с протеином. На это осталось мало времени, но если вы хотите продлить ей жизнь, другого выхода нет.

Получив только что заполненный документ о выписке из больницы, она кладет его в сумку и покидает комнату медсестер. Войдя в туалет,

чувствует, как ноги, до этого надежно поддерживавшие тело, подкашиваются перед унитазом. Ее начинает рвать. Вместе с мутным чаем выходит желтого цвета желудочный сок.

— Дура.

Она умывается, склонившись над раковиной, и трясущимися губами повторяет:

— Ты дура, Ёнхе. Если кому-то и можно навредить, так только самой себе. Это единственное, что ты можешь сделать по своей воле. Однако и это не получается так, как ты хочешь.

Она поднимает голову и в зеркале видит отражение своего мокрого лица. Глаза женщины, много раз во сне истекавшие кровью. Как ни промывай водой, это глаза, с которых не получалось стереть кровь. Однако сейчас на лице этой женщины нет слез. Как всегда, отражение в зеркале смотрит на нее молча, без всяких эмоций. Крик сквозь рыдания, звеневший в ушах совсем недавно, был настолько непривычным и грубым, что не мог быть ее собственным криком. Такая приходит к ней мысль.

Коридор шатается перед ней, словно она опьянела. Чтобы удержать равновесие, она напрягает все силы и шагает в сторону холла. Вдруг неожиданно в окна врываются лучи солнца, и сырое

мрачное заведение наполняется светом. Давно здесь не видели солнца. Чувствительные к теплым лучам пациенты воодушевляются. В то время как они, суетясь, собираются у окон, к ней подходит женщина в обычной одежде. Она прищуривается. Старается разглядеть лицо женщины, стоящей в центре расплывающегося пятна. Это Хичжу. Должно быть, снова плакала, судя по красным глазам. Наверное, у нее очень доброе сердце. Или так проявляются болезненные перепады настроения.

— Что же будет с Ёнхе? Если сейчас она умрет…

Она берет Хичжу за руку.

— Спасибо вам за все.

Вдруг у нее возникает желание обнять эту плачущую женщину за крепкие плечи и прижать к себе. Однако она сдерживает порыв и переводит взгляд на пациентов, которые в возбуждении смотрят в окно. В настойчивых глазах отчаявшихся больных, кажется, сквозит желание пройти сквозь окно и оказаться за пределами стен. Эти люди здесь в заточении. Как и эта женщина. Как и Ёнхе. Она не обнимает Хичжу, потому что не может забыть главного: свою младшую сестру сюда определила она сама.

Из восточного коридора доносятся торопливые шаги. Два санитара несут на носилках Ёнхе. Только что с главной медсестрой она поспешно помыла и одела ее. Чистое лицо Ёнхе, которая лежит с закрытыми глазами, похоже на лицо сладко спящего после купания ребенка. Она отворачивается, не желая видеть, как грубые руки Хичжу тянутся к высохшей костлявой руке Ёнхе, чтобы пожать ее последний раз.

* * *

Сквозь лобовое стекло машины «скорой помощи» открывается вид густого летнего леса. Под косыми лучами послеполуденного солнца на деревьях ярко, словно возрожденные, блестят мокрые листья.

Она заправляет за уши Ёнхе пряди еще не высохших волос. Как сказала Хичжу, тело сестры стало легким. Кожа, покрытая мягким пушком, как у ребенка, белая и гладкая. Намыливая ей спину, на которой выступал каждый позвонок, она вспомнила детство: как они вместе с Ёнхе мылись по вечерам, как она терла ей спину, мыла голову.

Словно вернувшись в прошлое, она перебирает тонкие безжизненные волосы сестры. Вместе с

мыслью, что они похожи на волосы Чиу, когда тот еще лежал завернутый в детское одеяльце, приходит воспоминание о тоненьких пальчиках сына, трущих бровь, и ей становится тоскливо.

Она достает из кармана сумки отключенный с утра мобильный телефон. Включает его и нажимает номер соседки.

— Это мама Чиу… Я была в больнице, у родственницы… Да, но неожиданные обстоятельства… Нет, без десяти шесть к главным воротам дома подъезжает автобус детского сада… Да, останавливается почти всегда точно в это время… Думаю, не очень поздно. Если придется задержаться, то заберу Чиу и снова вернусь в больницу. Как, вы уложите у себя?.. Я вам очень благодарна… Вы ведь знаете мой номер?.. Я позвоню вам немного позже.

Закрывая крышку телефона, она осознает, что давно никого не просила присмотреть за Чиу. После ухода мужа она взяла за правило каждый вечер и выходные дни проводить вместе с сыном и до сих пор выполняла это данное себе обещание.

У нее на лбу появляется глубокая морщина. Неожиданно почувствовав, как наваливается дремота, она откидывается назад, к окну. Раз-

мышляет с закрытыми глазами.

Чиу скоро вырастет. Сам будет читать, общаться с людьми. Как она объяснит ему все, что произошло в их семье? Ведь когда-нибудь слухи, передаваемые от одного к другому, дойдут и до его детского уха. Сын чувствителен по натуре и довольно часто болеет, однако пока растет добрым славным мальчиком. Сможет ли она помочь ему сохранить эти качества?

Она вспоминает два обнаженных тела, что сплелись друг с другом, как виноградная лоза. Конечно, этот образ шокировал, однако, как ни странно, со временем перестал восприниматься как нечто сексуальное. Их тела сплошь устилало поле, на котором цвели цветы, на ветвях зеленели листья, и он, и она, казалось, уже не принадлежали человеческому роду. Они двигались так, как если бы изо всех сил старались превратиться в другие существа, перестать быть людьми. Какие мысли владели им, когда он захотел создать такой фильм? Рисковал ли он всем, потерял ли он все в этом причудливом и диком образе?

— ...Мамину фотографию унес ветер. Я посмотрел в небо, да, а там летит птица, и она сказала: «Я твоя мама»... Да, еще из птицы выросли две руки.

Эти слова Чиу произнес утром, щуря сонные глазки, и было это давно, когда еще не так хорошо говорил. Она испугалась, увидев особую смутную улыбку, которая появлялась на его лице перед тем, как он собирался заплакать.

— И что, сон показался тебе грустным?

Лежа в кроватке, Чиу кулачком тер веки.

— А как выглядела эта птица? Какого она была цвета?

— Белая… Да, красивая такая.

Глубоко вздохнув, мальчик спрятал лицо у нее на груди. Его плач — точно так же, как и раньше, когда он слишком старался рассмешить маму, — заставил ее почувствовать тоску. Ребенок не капризничал, требуя что-то свое, и помощи не просил. Он просто молча плакал, потому что ему было грустно. Пытаясь утешить его, она сказала:

— Вот как. Значит, тебе приснилась мама-птица.

Продолжая прижиматься к ее груди, Чиу кивнул головой. Она обхватила ладонями его лицо и повернула к себе.

— Смотри, ведь мама здесь, с тобой. Разве она превратилась в белую птицу?

На мокром, как у щенка, лице сына появилась слабая улыбка.

— Видишь, это просто сон.

Неужели это так? В этот миг охватившее ее сомнение заставило затаить дыхание. Всего лишь сон, случайное совпадение?

Этот разговор с сыном состоялся в то самое утро, когда она в своей любимой фиолетовой футболке спустилась с сопки позади их дома, ушла от деревьев, поднявшихся в предрассветном зареве.

Это просто сон.

Каждый раз, когда ей вспоминалось лицо Чиу, проснувшегося в то утро, она произносила эти слова вслух. Испугавшись своего голоса, она с опаской оглядывается, не слышал ли кто.

Машина «скорой помощи» продолжает мчаться вниз по извилистой дороге. Ее руки, поправляющие волосы — давно она их не причесывала, — заметно дрожат.

Трудно объяснить, как она могла так легко решиться бросить ребенка. Это был грех страшной безответственности, в возможность совершения которого ей самой не верилось, поэтому она никому не могла ни признаться в этом, ни даже попросить прощения. Оставалось только воспринимать все как равнодушное до ужаса ощущение справедливости. Если бы он и Ёнхе не перешли грань дозволенного, не бросились бы в этот омут,

если бы все не развалилось, как гора из песка, то, может быть, падшим существом оказался бы не кто-нибудь, а именно она. Наверное, если бы ей пришлось опустить руки еще раз, она бы не смогла жить дальше. Но тогда должна ли была кровь, которой сегодня рвало Ёнхе, прорваться из ее истерзанной груди?

— …Ы-ы-м.

Кажется, Ёнхе приходит в себя. Испугавшись, что сестру снова начнет рвать кровью, она торопливо достает носовой платок и подносит к ее губам.

— …Ы-ы-ы-м.

Вместо этого Ёнхе открывает глаза. Черные зрачки смотрят прямо на нее. Что происходит за этими глазами, какие тревоги роятся в них? Какие страхи, какие обиды, какой неведомый ей кроется ад?

— Ёнхе.

Она зовет сестру сухим голосом.

— …Ы-ы-м, ы-м.

Однако это не ответ на ее зов. Ёнхе отворачивается, словно протестует, и показывает: ни за что не буду отвечать тебе. Она протягивает к сестре дрожащую руку, но тут же убирает ее.

Она прикусывает губу, потому что неожиданно

вспоминает тропинку, по которой спустилась в то утро на заре. Роса, увлажнившая сандалии, холодила босые ноги. Она не плакала. Слез не было, потому что она не понимала… Совсем не понимала, что означает эта холодная влага, которая касается ее истерзанного тела, распространяется в очень сухом пространстве прихожей. Эта холодная влага просто впитывалась в ее тело, проникая до самого мозга костей.

— Я вот что хочу сказать…

Вдруг она открывает рот и шепчет что-то в ухо Ёнхе. Машина трясется на ухабах. Она двумя руками с силой сжимает плечи Ёнхе.

— Может, это сон…

Она опускает голову. Словно охваченная какой-то идеей, прижимается губами к уху Ёнхе и шепчет ей слово за слово.

— А во сне, ты же знаешь, кажется, что все по-настоящему. Но стоит только проснуться, как понимаешь, что все совсем другое… Поэтому когда-нибудь, когда мы проснемся, мы…

Она поднимает голову. Машина выходит из последнего поворота, оставив позади горы Чхуксонсан. Она замечает похожую на коршуна черную птицу, которая поднимается ввысь, к тучам. Летнее солнце бьет в глаза, словно пуская

стрелы с вышины. Она не может больше следить за птицей, не может видеть, как та взмахивает крыльями.

Тихо, очень тихо раздается ее вздох. Она вглядывается в стоящие деревья, в этот огромный зеленый волнующийся костер, ярко пылающий по обе стороны дороги, и ей кажется, что эти деревья, как звери, выпрямившие свои тела, тянутся вверх. Она смотрит мрачно и настойчиво, словно ждет ответа. Нет, словно протестует против чего-то.